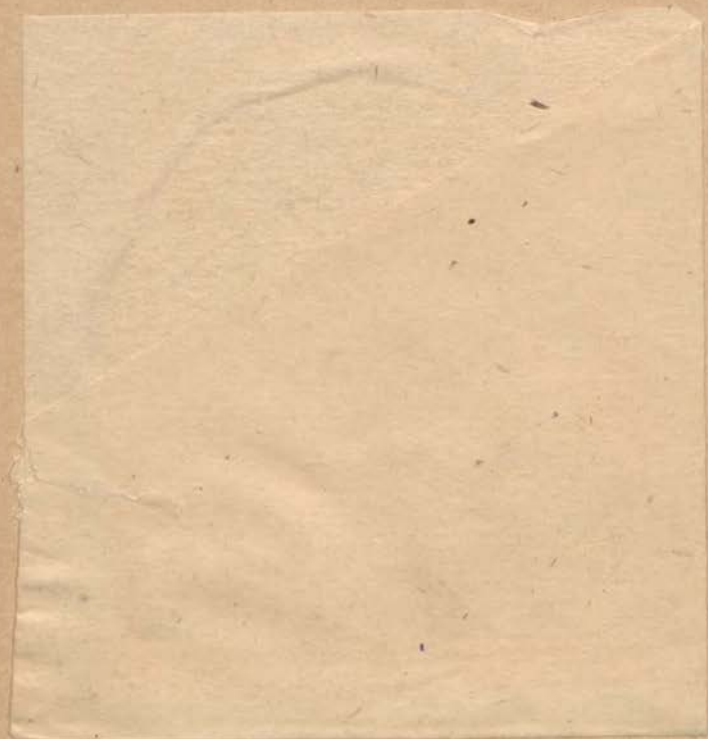
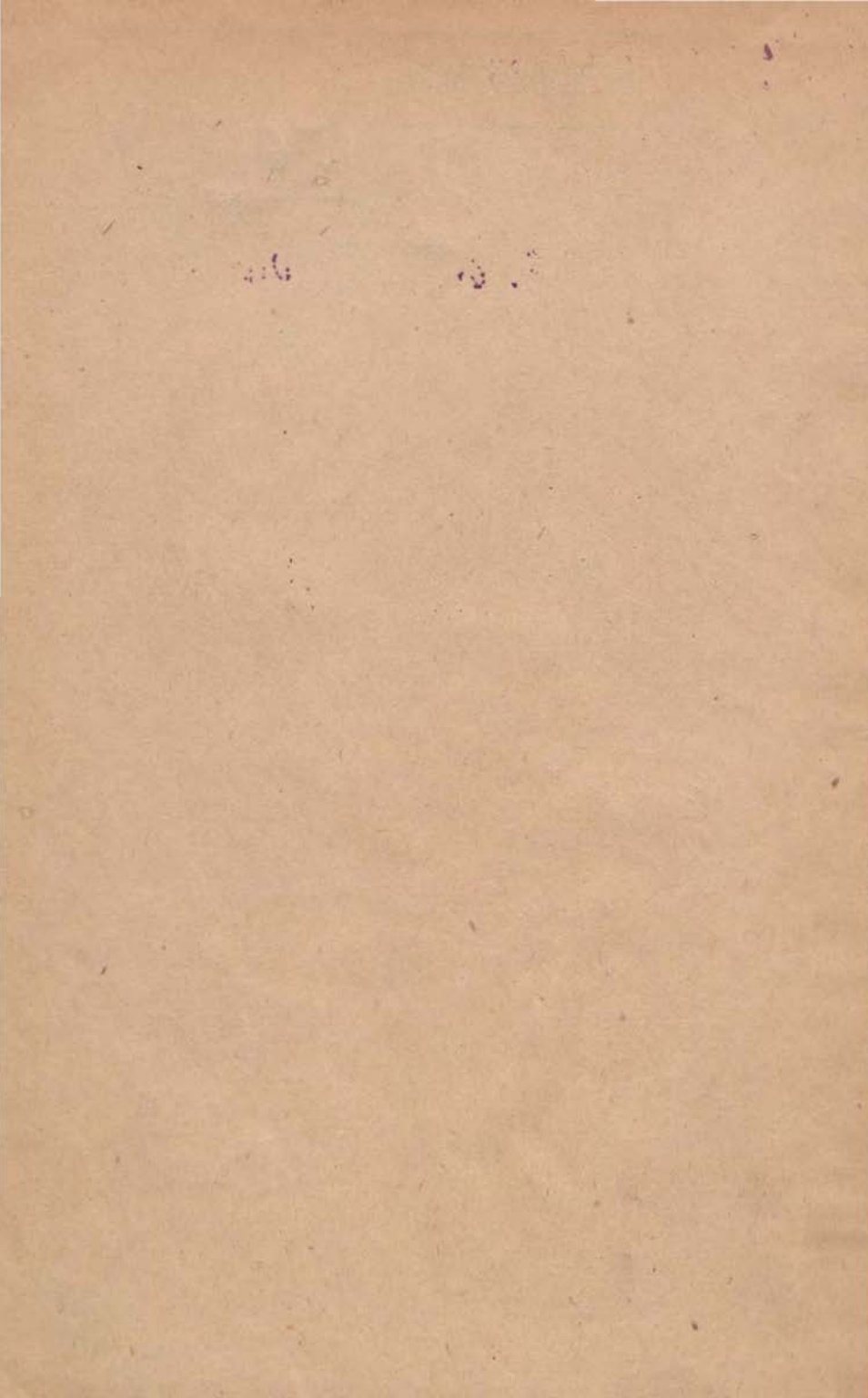

W 230
94

W/230
94

НЕ КОПИРОВАТЬ

W/230
94
1201
13
1561
А. Б. ЗАЛКИНД

ПОЛОВОЙ ВОПРОС В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ЛЕНИНГРАД

1926

546, x

445

W 230
94

15

41

804-91
11853-5

ПОЛОВОЙ ВОПРОС

В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

С ПОСЛЕСЛОВИЕМ АВТОРА:
ДВА ГОДА ДИСКУССИИ
ПО ПОЛОВОМУ ВОПРОСУ

ЛЕНИНГРАД

1926

2010515194

ОТ АВТОРА.

Октябрьская революция проделала чрезвычайно сложную ломку в идеологии масс, — достаточно сложные сдвиги вызвала она и в их психо-физиологии. Меняющаяся социальная среда изменяет не только сознание, но и организмы. Половой вопрос был всегда одним из больных идеологических и биологических вопросов, — поэтому неудивительно, что в наши годы общей ломки половая проблема приобрела особую остроту. Существуют самые разнообразные попытки по-новому разрешить вопрос об отношениях полов, учитывая новизну нашей социальной среды, но далеко не все эти попытки научно продуманы, практически полезны. Между тем, ошибки в этой области грозят чрезвычайной опасностью для ближайшего и, конечно, последующих поколений, — надо найти здоровую равнодействующую. Попытке прощупать первый слой этой равнодействующей (на большее автор не претендует) и посвящается данная брошюра.

История брошюры такова. По просьбе коммунистического юношества автор в качестве коммуниста-психоневролога высказался сжато в печати о первых вехах по коммунистическому пересмотру полового вопроса (1-й очерк). Различным внешкольным, клубным организациям потребовалось в дальнейшем более детальная разработка поставленных в первом очерке вопросов, — и, в частности, по заданию Московского Пролеткульта, автором был написан 2-й очерк, шире осветивший вопросы 1-го очерка. По просьбе клубов Коммунистического Свердловского Университета, Коммунистического Трудящихся Запада, а затем по предложению Издательства Свердловского Университета в 3-м очерке была проработана для печати попытка практической нормализации полового поведения в советских условиях. Этот же вопрос, в применении к детскому половому воспитанию, по предложению педагогических и соцвосовских кругов, был выявлен в очерке 4-м. Для включения их в книгу очерки эти несколько переработаны.

Таким образом, несмотря на различные обстоятельства, побуждавших автора писать эти очерки, между последними

имеется полная внутренняя связь, и они являются вместе органическим целым, при чем каждый последующий очерк продолжает, расширяет и конкретизирует содержание предыдущего. Отсюда и неизбежные частичные повторения, но отсюда же и логическое удобство для читателя — непосредственно проследивать постепенное развитие авторской мысли.

Автор в очерках подходил к половому вопросу не как социолог, а как психо-невролог, и поэтому напрасно читатель стал бы отыскивать в брошюре сложные исторические экскурсы и детальные социологические формулировки. Основной предпосылкой всех нижеследующих построений были общеизвестные и непререкаемые марксистские истины: „Общественное бытие определяет собою сознание“, — то-есть и половое сознание; — „Меняя природу, человек изменяет и себя самого“, — т.-е. изменение социальной среды изменяет и половую психо-физиологию человека (впервые вопрос о влиянии социальной среды на человеческий организм проработан автором в книге: „Очерки культуры революционного времени“). — Ни в какие дальнейшие тонкости по разработке этой вполне отчетливой формулировки автор не углублялся. Это — дело будущего.

Пролетарская, классовая телесная гигиена — это гигиена наилучшим образом организованного и наиболее революционно-целесообразно используемого тела. Советская общественность создала совершенно новые, невиданные в истории, условия для наилучшей телесной организации и для наиболее продуктивного революционного использования всех биологических богатств, скрывающихся в трудящихся массах. Брошюра и пытается, учитывая ту социальную новизну, которую мы имеем в С.С.С.Р., наметить направление для оздоровления полового вопроса.

Автор, как марксист, конечно, понимает, что половое оздоровление является производным моментом в процессе общего оздоровления всего быта, — что в свою очередь представляет собою конечный результат радикального, т.-е. коммунистического оздоровления всех общественных отношений, — экономики в первую очередь. Поэтому рецептура, предлагаемая в брошюре, рассчитана лишь на техническую помощь — по линии обще-исторического разрешения половой проблемы.

Брошюра ни в малейшей степени не претендует ни на оригинальность, ни на исчерпание половой проблемы. Ее задача — заставить снова и снова задуматься хотя бы и пад общеизвестными, но слишком легко забываемыми истинами, — притом задуматься в определенном направлении.

К сожалению, далеко не все, изложенное ниже, общеизвестно.

Половой вопрос,—и красная молодежь С.С.С.Р.¹⁾.

**Половой вопрос,
как социальный
классовый
вопрос.**

Половой вопрос для человечества никогда не был чисто биологическим вопросом, он никогда не ограничивался рамками одного лишь организма. Половой вопрос всегда был вопросом социальным, классовым. Различные исторические эпохи, различные классы,—даже один и тот же класс в разные периоды своего существования—по-разному разрешали половой вопрос,—в зависимости от состояния производительных сил и производственных отношений.

В самом деле, какую половую жизнь знало человечество в века своего примитивного, простого хозяйства, в период самых упрощенных производственных отношений? Половая жизнь была тогда так же элементарна, упрощена, непосредственна, инстинктивна, как и господствовавшие в те времена общественные отношения. Наоборот, наш век, эпоха колоссального хозяйственного усложнения человечества,—характеризуется также чрезвычайным усложнением, углублением, утончением половых проявлений.

Возьмем господствующие классы в эпоху их производственного упадка, вырождения (хотя бы в древнем Риме, древней Греции). Производственный их паразитизм резко сказался и в особом обострении половой жизни,—в грубо развившемся интересе к половому, в самых отвратительных половых извращениях, в половой разнузданности.

Вспомним недавно пережитую всей царской Россией послереволюционную реакцию (1907—1912 гг.). Когда все общественные силы были придавлены жандармским сапогом,—интеллигентская молодежь, да и не только интеллигентская, бурно ринулась в половые удовольствия: организовывала особые „кружки“ для свального греха („отарки“ и пр.), зачитывалась порнографической литературой, проме-

¹⁾ Другие вопросы, связанные с черво-психической гигиеной революционной молодежи, изложены в печатающейся сейчас нашей книге: „Революция и молодежь“ (изд. Свердлов. №-та).

няла общественность и науку на разврат, с ума сходила, стрелялась на почве самых разнообразных „любовных“ историй.

Наоборот, молодой, свежий класс, только еще прорывающийся к господству, желающий использовать все свои силы здоровым образом, класс, находящийся в революционном периоде своего развития, — стремится оздоровить также и свои половые проявления. Ломая старые цепи, связывающие его экономику, дробя в клочья отгнившую идеологию, — он требует радикальнейшего пересмотра и в области половой морали, в области старых правил полового поведения. Вспомним половой бунт молодой буржуазии (эпохи так называемого возрождения), бунт, направленный против гнилых и лживых половых устоев феодализма, бунт, сводившийся к требованию ясности, чистоты, свободы в половых проявлениях, — той именно личной свободы, которой требовала тогда для себя и зарождающаяся буржуазная экономика.

Вполне очевидно, таким образом, что половая жизнь, половая активность есть неотъемлемая часть социальной, т.-е. классовой энергии. В зависимости от классовых соотношений, половая энергия тратилась, выявлялась так или иначе. Общественные отношения создают сложные перемещения в путях, по которым протекает эта энергия, привлекая ее или отвлекая в том или ином направлении. То или иное разрешение классом полового вопроса есть тот или иной способ траты классовой энергии. Очевидно, пролетариат сейчас, ревизуя, взрывая все старые классовые, эксплуататорские ценности, должен одновременно подкопаться и под старые половые устои.

Однако, здесь требуется чрезвычайная осторожность. Необходимо ни на пядь отклоняться от объективно-научной точки зрения, так как иначе именно в области полового вопроса угрожает серьезная опасность впасть в углубленный субъективизм. Знаем же мы, как сильно окрашены сейчас самые разнообразные человеческие интересы в половые тона.

Вместе с другими отрицательными элементами доставшегося пролетариату буржуазного наследства, рабочий класс получил от эксплуататорского строя также и попорченную половую жизнь. Это постепенное прогнивание половой жизни развивалось тем более безнаказанно, что экономическая и идеологическая опасность подобного процесса до сих пор еще классом не осознана. Напускать же половой дурман на революционные трудовые массы — всецело в интересах буржуазии, что и проделывалось ею чрезвычайно старательно, неукоснительно.

При первом же взгляде на современную половую жизнь, в том числе и на половую жизнь пролетариата, мы заметим, что она занимает во много раз больше места, чем имеет на то биологических прав, и, кроме того, она изуродована в основном своем содержании, а именно:

1. Половое удовольствие оторвано от непосредственной своей цели — размножения, — и превратилось в самодовлеющее наслаждение. Объясняется это, главным образом, тем, что трудовой бедноте не под силу содержать детей, богачам же дети мешают получать в неограниченном количестве все радости жизни.

2. Половое влечение не подчиняется тем биологическим, природным регулирующим факторам, которые руководят им в животном царстве. Знаем же мы, что у животных особая половая активность приурочивается к тем сезонам года, когда для беременной матери и для кормления будущего детеныша существуют наиболее благоприятные условия. Вместе с тем, самое половое влечение у животных связано с состоянием известной сытости, без которой нет у них основной биохимической предпосылки для половой активности. Человек же, живущий сейчас в необычайно сложных социальных условиях, при которых ему чрезвычайно трудно регулировать состояние питания по сезонам, — в условиях, целиком зависящих от лихорадочных законов мирового рынка, — понятно, потерял или почти потерял эту свою сезонную половую „ритмику“. Половое возбуждение может прийти к нему когда угодно, под влиянием совершенно случайных раздражений.

3. Половая жизнь современного человека пробуждается и развивается слишком рано, задолго до соответствующего социального и биологического вызревания всего организма в целом, — что дало даже повод знаменитому западному психопатологу Зигмунду Фрейду считать эту обильную раннюю детскую сексуальность законным проявлением человеческой природы. Как увидим ниже¹⁾, дело тут, однако, не в организме, а в общественной среде.

4. Современная половая жизнь глубоко и властно пропитывает собою все прочие элементы человеческого бытия (общественную, художественную, научную деятельность), давая много поводов отдельным психопатологам, социологам, философам объяснять ряд серьезных общественных явлений половыми причинами (тот же Фрейд, Ницше, Шопенгауер, Тард и др.). Конечно, подобные „догадки“ бессмысленны с марксистской точки зрения, но корень их — „половая всепропитанность“ все же наводит на серьезные размышления.

¹⁾ См. 4 очерк.

И, наконец, —

5. По мнению крупнейших современных медицинских авторитетов, — сгущение и дезорганизация половой жизни является одной из главных причин так развившихся за последние десятилетия массовых нервно-психических болезней.

Какова же причина этой непомерно разбухшей и запутавшейся сексуальности? Она лежит в социальном хаосе эксплуататорского строя, сдавливающим, уродующим все прочие — законные, здоровые биологические и социальные проявления человеческого организма. В этом хаосе создаются нелепейшие, вреднейшие перемещения внутрителесной энергии, которая, вместо творческих путей, направляется по линии паразитизма, путаницы и болезни.

Богатые, обеспеченные слои, обладая избытком сил, которые некуда тратить („с жиру бесятся“), развивают у себя чудовищную чувствительность в половой области, куда и устремляют подавляющую часть своего паразитического интереса. Обездоленные же слои, сдавленные, сплюснутые в безобразных условиях безнаказанного их грабежа, не имея возможности естественно развернуть свои здоровые общебиологические и социальные устремления, значительную часть своей неиспользованной энергии тоже отдают половому, как наиболее доступному и безответственно-приятному элементу бытия, — при чем рост этого полового разбухания наблюдается с самых ранних лет. Не получая социального и общебиологического оттока, детская активность обращается внутрь, вызывая преждевременное обострение, оформление и сгущение половых влечений: онанизм, избыточную половую любознательность, раннюю влбчивость и т. д.

Современная, писквозь прогнивающая семья, изжившие себя старые методы воспитания — дома и в школе, — неумение понять ребенка, невозможность дать ему должную физическую и духовную пищу, окружить его товарищами, играми по пути его интересов, — все это в итоге плодит и сгущает половой момент сверх всякой меры.

Серьезнейшее несчастье заключается еще и в том, что современные человеческие организмы и в целом-то попорчены чрезвычайно глубоко (не говоря уже о половом), что делает их мало сопротивляемыми по отношению к указанным вредным обстоятельствам. Производственный прогресс ломает ведь и коверкает сейчас окружающую нас так называемую естественную природу, подчиняя ее человеку. Человеческий организм, по мере освобождения себя от

непосредственной власти естественной среды, все больше подпадает под влияние тех условий, которые развиваются вместе с ростом производительных сил. Все меньше зависит от естественной природы (солнце, леса, реки и пр.), все глубже погружается он в усложняющуюся искусственную среду, созданную производством, — среду общественную. Рост индустриальной техники последнего столетия перекраивает заново всю установившуюся в периоды охотничий, пастушеский, земледельческий, — систему унаследованных телесных навыков, так называемых безусловных рефлексов человеческого организма. Люди пользуются конечностями, органами чувств, дышат и т. д. в современных городах, при современном типе борьбы за существование, далеко не так, с сильно изменившимися приемами, в сравнении с тем, как это проделывалось их предками несколько тысячелетий, даже столетий назад. Это меняет, конечно, и всю установку внутренних органов. Все так называемые „инстинкты“, все так называемые „типические“ законы пола, возраста, наследственности, все установившиеся некогда нормы основных функций (пищеварение, кровообращение, дыхание, иннервация) претерпевают сейчас, под давлением гигантски усложняющегося производственно-общественного бытия, глубочайшие и достаточно быстро развертывающиеся изменения.

Некогда твердая, мощная система унаследованных навыков, так называемых безусловных рефлексов человеческого организма, дававшая право говорить о почти прочных законах человеческой физиологии, распалась, раздробилась, и начала расползаться по всем швам. Но окружающая производственно-общественная среда меняется сейчас с чрезвычайной быстротой, и человеческий организм не успевает зафиксировать устойчивую серию новых безусловных рефлексов, способных, как бронирующий капитал, переходить по наследству. Большинство вновь приобретаемых сочетаний навыков, — так называемых условных рефлексов оказываются легко разрываемыми и требующими беспрестанных, все новых и поневоле пока хрупких поправок.

При такой необычайной дезорганизованности, хрупкости человеческого тела удивительно ли, что бессмысленная диктатура эксплуататорской социальной среды отравила его половыми ядами совершенно безнаказанно?

Итак, мы видим, что общество буржуазной эксплуатации отличается не только колоссально-бестолковой растратой производительных сил, но вытекающей из нее биологической дезорганизацией, огромной утечкой и не-

Как развивалось
половое отравле-
ние челове-
ческого организма?

правильным устремлением энергии человеческих организмов, невероятной путаницей в способах и целях их использования. Когда человеческие организмы власти прогресса производительных сил стали все глубже отходить от непосредственного влияния природы и подпали под сокрушающее воздействие развращающихся новых общественных соотношений, это произвело ломку и в органическом существе человека, в его инстинктах, влечениях, навыках — ломку, как мы видим, совсем не по пути биологической целесообразности: буржуазное общество ведь меньше всего считалось с целесообразностью.

Сейчас нам уже ясно, что среди прочей биологической путаницы, создаваемой капиталистическим хаосом, на одно из первых мест мы должны поставить веками нагроможденную гору переживаний и навыков, будто бы питающихся из полового источника. Чтобы понять основную логическую ошибку, которая может у нас возникнуть в отношении к этому вопросу, вспомним мысль Плеханова по другому поводу. Говоря о роли великих личностей, он указал на преувеличение размера дарований и мощи этих личностей, обусловленное тем, что последние в борьбе оттирали своих конкурентов, и, заняв их место, сосредоточив на себе исключительное внимание, казались, тем самым, при помощи содействовавших им общественных условий, во много раз более величественными, чем это было на деле. — Совершенно так же обстоит и с половым вопросом. Расплющив целую серию естественных биологических проявлений, извратив пищевые, двигательные, дыхательные, социальные устремления человеческих организмов антигигиенической, эксплуататорской обстановкой производства и гнилой атмосферой „культурных“ городов, — классовый строй создал все условия для ложного направления энергетического человеческого богатства, для полового отравления этого богатства.

Мы знаем в психологии особое явление, которое еще Рибо называл „законом общего эмоционального знака“. Ряд разнородных, иногда глубоко чуждых друг другу, психических устремлений, если они связаны во времени каким-либо общим впечатлением, и если эта связь часто повторялась, скрепляется в дальнейшем, как нечто единое, и воспроизводится неотделимо одно от другого. Это же явление, развивающееся по вполне определенным законам, подтверждается и учением И. П. Павлова об условных рефlekсах. Такого рода нагромождением совершенно разнородных элементов, происходящих из глу-

боко отличных источников, объединенных лишь случайной технической связью — „общим эмоциональным знаком“ и является фонд современного полового опыта. Современная общественная жизнь, подавляя естественные общебиологические проявления, старательно нагнетает всю выдавленную ею из человеческих организмов энергию в сторону полового, — удивительно ли, что, в результате подобной „работы“, нас постигло целое половое наводнение.

Человеческое бытие складывается из трех элементов: непосредственно биологическое его содержание (питание, дыхание и т. д.), социальные устремления (общение с другими людьми) и воспроизводство потомства (половая жизнь). Каждая из этих областей имеет свои движущие силы и свои питающие источники, действующие, конечно, не порознь, а совместно. Современное, глубоко дифференцированное общество сделало все эти области неотрывными от непосредственных социальных условий, „социализировало“ их. Человек ест, дышит, спит, любит — не как „человек вообще“, а как человек определенной исторической эпохи и определенной общественной группы. Вполне очевидно, что глубина, продолжительность и периоды сна сейчас не те, какие были двести лет назад, и в буржуазной среде они отличаются от пролетарской. То же относится к силе, быстроте и содержанию пищевых, вкусовых влечений и других физиологических функций. Старая половая жизнь человека, повторявшая прежде половую жизнь окружающего животного царства и приурочивавшая половые влечения к определенным, биологически удобным климатическим и пищевым условиям, сейчас тоже, как мы видели, изменилась до неузнаваемости, получив такое количество добавочных дезорганизующих раздражений, что извратила на три четверти основное свое назначение: вместо воспроизводства потомства, — самодовлеющее наслаждение, подчиняющееся случайным настроениям и искусственным возбуждениям.

Исторический хаос расправлялся с этой областью совершенно безнаказанно, чего, конечно, не могло быть с другими, более требовательными, двумя элементами биологического бытия, тем более, что культивировать ее было на руку эксплуатации, отвлекая значительную часть энергии трудовых масс от самых жгучих вопросов их существования. Человечество, начинающее в процессе самоосвобождения отрываться от религиозного дурмана, вместо этого подпадает под иго не менее жестокого врага, дурмана полового. Потребность в нем, в воздухе и прочих элементах непосредственно-биологического бытия, так же, как и стремление к общению, т.-е. классовой.

организации и классовой борьбе, слабеют, если отвлечь их в сторону полового гипноза, в сторону многообразных и тонко разветвленных половых соблазнов современного искусства и быта. Половой гнилью заразились, конечно, в первую голову господствующий класс, поскольку отдельные его частички, начинающие от непроизводительного избытка паразитировать, теряют свой классовый инстинкт хищничества и впадают в блуд. Но главный смысл этой половой вакханалии — отравление ею трудящихся, начинка их такой расслабляющей, обессиливающей, притом утонченно изготовленной прослойкой, перед которой старая топорная работа религиозного окопачивания должна будет смиренно преклонить голову.

Эта „половая всепропитанность“, питающаяся подавлением свободного развертывания всех прочих биопсихологических сил, оказывается огромной социальной опасностью, притом тщательно замаскированной (методы идеологической маскировки ведь хорошо знакомы строю эксплуатации). Маскировка обманывает, успокаивает, соблазняет и, к величайшему несчастью, начинает соблазнять даже тех, кому даны все возможности беспретятственного, всестороннего биопсихологического развития — молодежь Советских Республик, — Республик, не знающих трудовой эксплуатации и не нуждающихся в новом дурмане. Историческая инерция еще сильна.

Нужно сорвать половой фетишизм с современного сознания и поставить половое на должное, в общем довольно серьезное, но далеко не первое место. Надо отнять у полового все то, что, волей класса-обманщика, оно украдено человеческого творчества.

Часть полового напряжения развилась за счет удержанных обще-биологических влечений (питания и проч.), заменив бесплодным наслаждением первоочередное физико-химическое обогащение организма. Это было выгодно классу эксплуататоров — „меньше корма нужно одурманенному рабу“, но это же совершенно невыгодно для государства трудящихся, которому необходима вся сумма биологического богатства человечества, без урезки. Надо обескровленному половым перенапряжением организму вернуть его естественные силы и его естественные влечения. Не дыхание, замирающее от влюбленного созерцания или распирающее труд от любовной гонки, а естественное впитывание свободными от дурмана легкими свежего воздуха, не отравленного половыми миазмами. Не движение, кокетливо или „властно“ пленяющее тот или иной пол, а свободные естественные двигательные проявления организма, сорвавшего с себя цепи полового навождения и т. д., и т. д.

Другая часть полового напряжения незаконно питается грубо урезанной коллективистической мощью человеческого организма, его исконно-первичным стремлением к обидению с себе подобными. Социальные чувствования, свободно развешивающиеся в организованное и боевое классовое сознание, встречаются на пути построенную классовым врагом половую плотину, останавливаются, пропитываются гнилыми выделениями буржуазной похоти и вырождаются в грубый углубленный эгоизм, лишь для видимости украшенный иногда социальной, революционной этикеткой. Грош ломаный, цена социальному героизму, питающемуся половым влечением; оно его породило, оно же может когда угодно его погубить, изуродовать. Социальный героизм есть именно социальный, классовый героизм, побуждаемый классовыми движущими силами, а не половым, хотя бы и уточненным, замаскированным вождением, место которому — сбоку, роль которого — аккомпанимент, а не основная партия. Социальный героизм, рожденный „любовью“, — это обокраденный любовью истинный героизм, лишь частичка которого, да и то обгрызанная, возвращается классу. Половая любовь поневоле „обличностняет“ социальное, как бы классово родственные не были влюбленные. Необходимо, чтобы коллектив радостнее, сильнее привлекал к себе, чем любовный партнер. Коллективистическое, истинно революционное тускнеет, когда слишком распахивает „любовь“.

Половое должно вернуть социальному, классовому то, что оно у него украло, так как кража эта выгодна лишь строю эксплуатации, и больше никому.

Отсюда ясно, что слишком пышно развернувшийся сейчас интерес нашей современной молодежи к половому содержит в себе в значительной степени подлежащий срочной политико-педагогической реорганизации остаток буржуазного наследия¹⁾. Общественная реакция старого строя, стиснув все прочие биопсихологические возможности молодежи, оставляла их во власти лишь одних половых волнений со всеми их грязными и дикими проявлениями. Советская же общественность открывает слишком много путей для всех без исключения биопсихологических тяготений молодежи, создавая для них углубленное социальное, коллективистическое, боевое революционное русло, и по-

¹⁾ Конечно, в этом интересе к половому имеется в основе серьезное здоровое начало надо лишь его организовать. (См. ниже).

тому нет нужды ни в явной, ни в утонченной замаскированной фетишизации полового¹⁾.

Как же следует поступить? Таким образом, мы видим, что паразитически разбухшая сексуальность оказывается сейчас безнаказанной грабительницей ценнейших элементов боевой классовой активности. Создается, по линии инерции, целая серия устойчивых навыков, привлекающих непомерно большое внимание людей к их половым переживаниям. В половые тона окрашиваются ценнейшие жизненные, творческие их интересы. Половым вмешательством дезорганизуются их социальные и общебиологические проявления. Уродующее начало вносится в отношения между полами и между людьми вообще.

Эта социально дезорганизующая и биологически совершенно необоснованная современная роль полового фактора не может не интересовать пролетариат. Революционный рабочий класс С.С.С.Р., находящийся сейчас в стадии первоначального социалистического накопления, стремится производительно, научно организовать всю жизнь, продуктивно используя все богатства, принадлежащие человечеству. Рабочий класс сейчас скуп, бережлив, — он не разрешит бесплодной утечки своего капитала. Половой же вопрос — огромная часть его капитала. Для пролетариата — половой вопрос это один из серьезнейших вопросов, связанных с экономией классовой энергии, с организацией классового творчества. Как же он его разрешит?

К счастью, мы имеем перед собою ясную перспективу. Марксистский метод может дать нам вполне четкие нормы классового поведения во всех областях, т.-е. и в половой области.

Половой вопрос получит исчерпывающее, идеальное разрешение, конечно, только в коммунистическом строе. Но и сейчас мы можем внести в него серьезнейшее оздоравливающее содержание: отодрать от него ненужное, лишнее, по привычке, от буржуазной гнили, организовать его по пути общей нашей классовой самоорганизации.

¹⁾ Во избежание недоразумений, считаю нужным указать на разницу между нашим подходом к половому вопросу и точкой зрения Фрейда. Не отрицая огромного богатства половой жизни, о котором говорит Фрейд, я в то же время указываю, что оно не самостоятельно (на чем именно и настаивает Фрейд), а приобретено на три четверти паразитарно, путем отсасывания сил из прочих энергий, притом с чрезвычайным вредом для организма и общества в целом. Надо предварительно отодрать от него то, что им украдено у других. Социально-биологические предпосылки для этого у нас имеются. (См. ниже).

Каковы обычные нормы нашего классового, революционного поведения? Как следует нам вообще поступать, чтобы действительно служить, а не вредить пролетарской революции?

Для этого нам надо быть диалектическими материалистами, коллективистами, активистами, — для этого нам надо быть организованными.

Что это значит?

Это значит, что во всех частицах нашего бытия, во всех проявлениях общественной жизни и природы, нам надо отдавать себе сознательный, объективный отчет, — все анализируя до первопричин и до увязки всех явлений в единое целое, — искать за неподвижной или обманывающей внешностью — подвижное, изменчивое, вполне материальное содержание, полное противоречий и борьбы (диалектический материализм). Это значит, что никогда не следует ничего делать во имя себя самого, — надо всегда иметь перед собою интересы всего рабочего класса, интересы пролетарской революции; не порознь действовать, а сообща, со всем рабочим классом, совместно искать, рыть, бороться (пролетарский коллективизм). Это значит — всегда быть на-чеку, готовым к борьбе с эксплуататорами, всегда быть смелым в революционной борьбе, настойчивым в социалистическом строительстве, напористым, твердым, быстрым в действиях (революционно-боевой и трудовой активизм). Это значит — никогда не поступать необдуманно, — заранее все взвесить, учесть, связать воедино, — действовать по четкому плану, объединив его с планом других товарищей, стремящихся к этой же родной, пролетарски-классовой цели, действовать организованно, совместно с ними (классовая организованность — как боевая, так и производственная).

Таковы главные нормы пролетарского, революционного поведения, следуя которым красная молодежь не собьется с пути, сумеет разрешить самое сложное и запутанное в своем поведении, в том числе разрешить и половую свою путаницу.

В самом деле, чем, главным образом, начинено современное „половое наводнение“?

Тем, что, вместо острокритического, материалистического подхода к жизни, часть нашей молодежи питается дряблой книжной жвачкой, фантастикой, высасывает из пальца всякую чепуху. Замкнутая, оторванная от материальной реальности, лишенная диалектического критического напора, вялая мысль особенно падка на половые тяготения. Половая возбудимость обостряется при одиночестве, когда нет товарищей, нет радующей общественной, коллективистической обстановки, куда можно бы вылить свои здоровые, молодые творческие порывы.

Половая фантазия растет при бездеятельности, пугливости, праздности, когда вся активность загоняется в подполье, целиком питая оттуда избыточное половое устремление.

Много лишних соков для полового дает и бестолковщина, беспорядочность, неорганизованность в работе, как производственной, так и общественной, когда теряешь бесплодно много сил, когда дело, плохо налаживаемое, осточертевает, — ищешь тогда утешения в легкой радости, доступной, безответственной.

Если освободиться от этих изъянов, если жадно впитаться в окружающую нас жизнь, в развертывающуюся пролетарски-революционную борьбу, в социалистическое строительство, если крепко товарищески взяться за руки, радостно, настойчиво учиться и бороться, организованно совместно действовать, — на долю раннего, ненужного полового возбуждения ничего тогда не останется. Все „сублимируется“, т.е. энергия, которая уходила прежде на низшие проявления, повысится в своем качестве, превратится в творческую энергию. Действительная же половая жизнь начнется лишь тогда, когда ей и надлежит нормально начаться, т.е. к периоду полной социальной и биологической зрелости (годам к 22—23 для мужчины, и 20—22 годам — для женщины), начнется с полным осознанием молодежью серьезного классового ее значения, начнется при глубоком, проверенном и серьезном любовном чувстве с обеих сторон, при полном взаимном равенстве и уважении, при всесторонней ответственности друг к другу. Тут уж не до мелких и текучих половых интересов, не до полового легкомыслия. Революционному пролетариату нужна колоссальная творческая работа, нужна настойчивая, неиссякающая борьба, и он не позволит себя обкрадывать теми способами, которыми грабила его буржуазия. Он вмешается в современный половой хаос, и водворит половое на место.

Огромное значение в этом оздоравливающем перевоплощении полового начала должны сыграть молодые коммунистические и предкоммунистические организации: комсомол, пионеры. Развивая с ранних лет революционные идеалы, научную остроту, товарищеский дух, боевой героизм, организованность, равенство в отношениях полов, закаляя подрастающий организм физическими упражнениями, молодая коммунистическая организация, под руководством старшего своего брата — РКП, возьмет под свой безусловный контроль половую жизнь юных строителей революции, оздоровит, организует, выправит ее.

Революция побеждает. Победим мы и в этом вопросе.

О классовом подходе к половому вопросу.

Среди прочих вопросов быта чаще всего и глубже всего привлекается сейчас внимание рабочих в клубах, молодежи в ВУЗ'ах к вопросу половому.

Чем это объясняется? Неужели правы белогвардейцы, вопящие о том, что Октябрьская революция всколыхнула все „низменные“ страсти, уничтожила нравственные чувствования, загнала в тупик все идейные, творческие стремления?

Конечно, не в этом дело. В интересе широких трудовых масс и красной молодежи к половому вопросу в основе лежит чрезвычайно здоровое, исторически мудрое содержание.

Колоссальная социальная встряска, проделанная нашей революцией, является не менее глубокой идеологической встряской. Переоцениваются все старые нравственные идейные ценности, все прежние отношения к жизни, к людям,— очевидно, не могла миновать оценки и половая проблема.

В половом вопросе накопилось столько гнилой идейной накипи, доставшейся нам в наследство от эксплуататорского строя, — столько половых предрассудков, ханжеских суеверий в этой области подарила нам „правдолюбивая“ буржуазия и ее религия, даже ее наука, — что революция безмолвно впитать в себя эту ароматную кашу, конечно, никак не могла. Идейное перетряхивание полового богатства было совершенно неизбежно.

Однако, половые сдвиги революции не исчерпываются исключительно идеологической стороной вопроса. Половая жизнь, с одной стороны — часть жизни организма, с другой же стороны она является отражением общественной жизни, так как в разные исторические эпохи и в разных классах она приобретала самые разнообразные уклоны. Общественное бытие меняет и бытие организма, отражается на его проявлениях, на способах траты им своей энергии, в зависимости от положения его в производстве, в классе, в государстве. Вполне очевидно, что наша революция, „перепутавшая“ все старые социальные отношения, освободившая массы, поставившая у власти низы, радикально

встряхнула и организмы масс, создав иные, новые условия для их деятельности, открыв им невиданные возможности, освобождая сдавленные до того силы. Не могла, конечно, эта перетасовка телесных проявлений не отразиться и на половой области. На-ряду с идеологической переоценкой идет, тем самым, и внутри-биологическая переоценка.

Эта внутри-биологическая переоценка полового вопроса чрезвычайно осложняется еще и тем обстоятельством, что организмы наших масс за время революции испытали много глубоких потрясений: голодовки, болезни, волнения, — все это тоже оставило телесные следы, которые в том или ином виде, отражаются и в половой области.

Как видим, и без „распутства“ у нас в С.С.С.Р. имеются вполне достаточные основания для повышения интереса к половой жизни.

Однако, именно сложность нашей современности, несмотря на основной, вполне здоровый ее уклон, чрезвычайно затрудняет процесс отыскания новой истины. Бояться этой трудности нам не приходится, так как победившая революция трудовых масс несет в себе колоссальные запасы здоровья, т.-е. и полового здоровья, — однако и скрывать эту трудность также не следует.

В самом деле, все ли наши революционные поиски здоровых ответов на половой вопрос действительно хороши? Нет ли у нас в этой области и кривых путей, путаницы?

Конечно, и кривые пути и путаница имеются. Доказательство — страстные дискуссии на эти темы в среде молодежи, у которой встречается зачастую одновременно до пяти точек зрения, взаимно уничтожающих одна другую. Найти в этом „кровавом бою“ объективную истину не так-то просто.

К сожалению, наши старшие, более авторитетные товарищи, занятые другим, не приходят на помощь. В литературе нет почти указаний, все бродят впотьмах, творят новую половую идеологию больше по инстинкту, чем сознательно. Как тут не ошибаться?

Да и литературные материалы, и без того бедные, далеко не блещут объективизмом, убедительностью. Взять хотя бы несомненно пользующуюся большим влиянием среди молодежи книжку т. А. Коллонтай „Любовь пчел трудовых“ в особенности, очерк ее: „Любовь трех поколений“. Действительно ли главная героиня рассказа, определенно пользующаяся и авторской симпатией, — Женья, является половым идеалом с точки зрения интересов революции? — „Половая жизнь для меня это простое физическое удовольствие, своих возлюбленных меняю по настроению. Сейчас я беременна, но не знаю, кто отец будущего моего ребенка, да это для меня и безразлично“, — вот гордая и ясная „поло-

вая вера“ Жени, — в общем, судя по материалу рассказа, хорошей и толковой комсомолки.

„Надо ли ей подражать, — ломает себе голову наша молодежь. Нет ли мещанства в старом, собственническом подходе к возлюбленному, к отцу ребенка? Не слишком ли мы действительно много носимся с любовью, не проще ли половое рассматривать, как еду, как купанье, как голый чисто физический акт?“.

Но, с другой стороны, — „как же быть с ребенком? Ведь аборт вреден, да и смену революция должна получить. Кто же будет ее воспитывать? Нельзя же всех новорожденных возложить на государство. Ведь у нас период предэкономической нищеты, первоначального социалистического накопления, когда государство в силах содержать и воспитывать лишь ничтожную часть ребят. Что ж, ляжет этот ребенок от неизвестного отца целиком на плечи одной матери? Но ведь это для нее непосильно, да и несправедливо. Следовательно, расплачиваться должны поровну все предполагаемые отцы? Но, во-первых, они могут отрицать свое соучастие в рождении (не всякий половой акт ведет к беременности), — во-вторых, тяжесть воспитательской обузы все же целиком будет лежать на матери, что также несправедливо и непосильно, да и женщину снова привяжет к горшку“.

Возможна ли сейчас половая жизнь без семьи, без более или менее прочной семейной хозяйственной, воспитательской базы? Полезно ли трудовому государству, опекающему меньше 10% новорожденных, прочих малюток осуждать на все опасности беспризорности, голодания, уродования (если считать, что все последуют примеру Жени — ведь идеалу надо подражать!). И ломает над этим вопросом головы наша молодежь. А тут еще ряд авторитетных руководящих товарищей, совесть коммунистической партии, „контрольщики“ сообщают в „Правде“, и др. партгазетах, что Контрольные Комиссии исключают из Р.К.П. коммунистов, слишком свободно смотрящих на половые отношения. Тем самым и партия, этот авангард революции, вождь молодежи, видимо, предъявляет некие определенные обязательства в этой области. Но какие?

Из каких норм половой жизни, из какого ее понимания следует исходить для правильного, революционно-целесообразного разрешения полового вопроса? Средневековая церковь налагала на половую жизнь жесточайший запрет („женщина — сосуд дьявола“), — наоборот, зарождающаяся предреволюционная буржуазия требовала раскрепощения половой жизни, — без ханжества, без лжи, открытого, спокойного подхода к половому, раскупорки половых желаний (взять хотя бы знаменитый „Декамерон“ итальянца Бокка-

чию). Чего же требует революционная современность? Чего требует в половой области пролетарская наука, пролетарская мораль?

Данная и следующая статьи являются попыткой поставить этот вопрос, притом начальной попыткой: коммунистическая мысль организованно половым вопросом еще не занималась.

**Избыточная
сверхоценка по-
лового вопроса.** Культура эксплуататорского периода истории человечества, помимо многих других отрицательных своих сторон, характеризуется также пересыщением человека половыми переживаниями. «Der Mensch sexualisiert das All» („Человек окрашивает в половые тона весь мир“), — говорит Ницше, — и вполне, конечно, прав, поскольку он приклеивает этот сверх-половой ярлык к современному ему человеку, т.-е. к человеку эксплуататорской эпохи.

На самом деле, нельзя не удивляться этой всеполовой пропитанности современной человеческой культуры. Казалось бы, половая жизнь должна бы оказаться равноправной с другими основными областями частью человеческого бытия. Ведь, кроме так называемого полового инстинкта, мы имеем еще инстинкт самосохранения, социальный инстинкт и т. д., не менее важные для организма, рода, вида, чем инстинкт размножения (не говоря уже о том, что, по мнению ряда ученых, инстинкта размножения нет вообще: существует лишь физиологическое стремление к разгрузке организма от полового содержимого, от полового секрета, — к разгрузке, которая может собою никакого размножения не создавать: онанизм, половые извращения, методы предупреждения беременности, подлюции и т. д.). Между тем, инстинкт самосохранения, социальный инстинкт — являются действительно, непосредственно жизненными инстинктами, подрыв которых губительно отразится тут же на самом организме. В чем же заключается причина этой необъяснимо огромной роли полового фактора в человеческой жизни ¹⁾. Уж не мистической ли, надличной, „родовой“ целеустремленностью?

Почему половой элемент насквозь пропитал собой всю современную художественную литературу, почти весь театр, всю живопись, всю скульптуру, пронизал все поры современного быта, внедрился в одежду, в движения, в мебель, в мимику, в речь? Почему психо-неврологи ищут в половых корнях первоисточники 75% перво-психических болезней?

¹⁾ Несомненно, эта роль значительно более крупная, чем у животных. Несмотря на большую стихийность половой жизни у последних, у человека она, как увидим ниже, глубже и непрерывно пропитывает все бытие (у животных — сезоны).

Ответ один: эксплуататорская культура избыточно переоценила половой элемент человеческого бытия. Она привлекла в сторону половой жизни гораздо больше энергии и внимания, чем биологически организм этого требовал. Произошло же это в силу уродливых условий эксплуататорской культуры, хаотически распорядившихся человеческой энергией, отбрасывая последнюю от производительного использования на пути паразитизма.

Революционно-пролетарский пересмотр полового вопроса, первым долгом, обязан будет заняться отцеживанием нужного, здорового, социально-целесообразного в половой жизни от элементов уродства, гнили, от больной накипи.

Как и отчего развивались уродства современной половой жизни?

Пышно сейчас развертывающееся учение о рефлексах точно подтверждает существование следующего закона: если часто и организовано ставить тот или иной навык организма (выделение пищеварительных соков и т. д.) в определенные условия (создавать вокруг него определенные внешние раздражители), навык этот воспроизводится в дальнейшем лишь при наличии этих раздражителей,—и, обратно, появление данных раздражителей автоматически вызывает к активности и данный навык, данную функцию.

Иллюстрацией этого закона являются известные опыты Павловской лаборатории над собаками. Собаку кормят мясным порошком после определенных сигналов (определенное количество звонков или определенное количество световых раздражений—зажигающаяся цветная лампочка и проч.); без этих сигналов собаке порошка не дают, как бы она к нему ни рвалась. В результате такого воспитания у собаки развивается стойкий навык (условный рефлекс): выделение пищеварительной слюны (т.-е. и других пищеварительных соков, — активность всего пищеварительного аппарата) происходит лишь при появлении этих добавочных раздражителей. Без них, как бы собака „голодна“ ни была, она постепенно теряет способность выделять слюну и проч., несмотря на демонстрацию пахучего мясного порошка. Без добавочного условного сигнала она „не получит аппетита“. Но этого мало. В дальнейшем оказывается, что вполне достаточно этих условных сигналов для выделения слюны, без сопровождения их показыванием мясного порошка (хотя время от времени, для оживления рефлекса, показывать и давать порошок необходимо). Добавочный раздражитель стал органической частью данной функции. Если его время от времени организовано возобновлять, функция делается от него неотрывной.

Буквально то же произошло и происходит с половой жизнью. За время своего исторического развития и в процессе личного накопления человеческим организмом половых навыков, — половая жизнь обслонилась огромным количеством добавочных раздражителей, усложнивших и искаживших ее, ставших от нее неотрывными, несмотря на отсутствие непосредственной с ними объективно полезной целевой связи.

Французский психолог Теодор Рибо пытался подобные явления ¹⁾ подвести под закон „общего эмоционального знака“. Разнородные физиологические проявления, часто повторявшиеся совместно, при преобладании в них некоего одного господствующего чувствования, постепенно подчиняются „власти“ этого чувствования, воспроизводясь в дальнейшем сейчас же после появления последнего, хотя бы в этом никакой объективной полезности и не было. Более сильно и часто появляющееся чувствование окрашивает, таким образом, в свой цвет ряд областей, до того никакого к нему отношения не имевших.

Следовательно, если половая жизнь оказалась почему-либо у человека в положении такого необычайного эмоционального благоприятствования, если среда, окружающая человека, дает возможность именно половому тону чаще всего преобладающе пропитывать собой все прочие биопсихические процессы, — удивительно ли, что вся жизнь человека приобретает половой цвет, „общий эмоциональный половой знак“, — неумолимо властвующий половой уклон.

Знаменитый австрийский психопатолог и психолог Зигмунд Фрейд пытается объяснить эту власть полового над человеком необычайным богатством внутреннего, биологического содержания человеческой половой жизни (вообще австрийцы всегда придавали половому огромное, чуть ли не мистическое, значение: хотя бы тот же несчастный Отто Вейнингер). Однако, как увидим ниже, причина этого лежит не в биологическом, а в социальном.

Перемещения, переключения энергических волн совершаются в организме человека так же, как и во всей природе. Если окружающая человека среда создает в нем ряд возбуждений, требующих разрядов по определенным направлениям, и если в соответствующем направлении нет хода для проявления разряда, накопившееся возбуждение находит себе иной путь для своего разреше-

¹⁾ Вне связи с половой жизнью; ею Рибо специально не занимается.

ния, хотя бы путь этот ни в малейшей степени не соответствовал ни содержанию раздражения, ни раздраженному внутреннему источнику разряда.

Так, обозленный руганью „высокого“ начальника, мелкий чиновник, не имея возможности ответить обидчику возмездной оплеухой, задержанное накопившееся возбуждение срывает на первой попавшейся ему по дороге безобидной собачонке, на ни в чем неповинной жене и т. д. Если сорвать не на ком, возбуждение напрягает обиженного изнутри, давит на его пищеварительный аппарат („потеря аппетита“), на кровообращение („тоска“) и проч. Одним словом, то или иное применение, как видим, далеко не всегда биологически полезное, для себя оно всегда находит.

Великолепным олицетворением такого нерационального, нелепого перемещения, бессмысленного устремления накопившегося возбуждения является непомерно разбухшая половая жизнь современного человека. Половая жизнь оказалась пауком, жадно и безответственно поглощавшим огромную часть накопившейся в организме энергии, — энергии, помимо полового не находившей для себя путей к осмысленному, ценному использованию, благодаря отвратительному построению современной социальной среды. Произошло это следующим образом.

Организм активно проявляет себя в трех направлениях: 1) в области общебиологического самосохранения; 2) в области социальной (общение с себе подобными); 3) в области половой. Все эти три сферы биологического бытия, конечно, органически слиты, но условно подобное деление вполне допустимо.

Рядом сложных действий, навыков реагирует организм на раздражения среды, имеющие для него общебиологическое значение: на пищевые раздражения, на изменения в составе воздуха, в окружающей температуре и т. д. Серия крупных и более мелких, — внешних и внутренних движений — вот его ответ на внешние и внутренние общебиологические раздражения.

Большая часть накопившегося в организме возбуждения должна устремиться по соответствующим путям для питания всех этих ответных действий.

Не меньшей доли биологической активности требует и социальная связь людей. Социальное у человека слишком тесно переплелось с общебиологическим, чтобы можно было ставить его на более скромное место. Питание, дыхание, движение, сон современного человека, в основном, определяются его общественными отношениями, степенью его производственной устойчивости, характером его производ-

ственной деятельности и т. д. Следовательно, на долю социальных связей приходится также очень крупная часть энергических резервов человека.

Половое, как явление биологического избытка (либо как самодовлеющее удовольствие, не имеющее основного значения для самосохранения организма, либо, как функция размножения, т.-е. нечто вне линии самосохранения), должно бы, казалось, питаться скромными остатками биологической активности, как это имеет место хотя бы у других животных. Однако, этого у человека нет. Наоборот, оно (половое) у человека безгранично пухнет, паразитически отсасывая соки от других, биологически более ценных областей — более ценных, но к несчастью грубо дезорганизованных современной социальной действительностью.

Наша среда не дает выхода для огромного числа указанных выше законнейших общебиологических и социальных стремлений человеческого организма. Ни питания, ни воздуха, ни движения, ни температуры, ни социальных впечатлений, ни путей для социальных действий современная хаотическая эксплуататорская среда не дает таких, такого качества и в таком количестве, насколько это современному организму действительно необходимо. Раздражаемый, возбуждаемый, подавляемый извне и изнутри (совсем, как вышеописанный мелкий чиновник) организм, напряженно отыскивая пути для выявления накапливающегося возбуждения, легче всего находит их тогда в „безобидных собачонках“ или в „ни в чем неповинных домашних“, — в третьей области биологического бытия — в половом. Половое ведь вещь приятная, легко доступная, социально и общебиологически безответственная, борьбы со средой не требующая, — отсюда в половом линия наименьшего сопротивления по отношению к накопившемуся возбуждению, назойливо, голодно требующему себе применения; возбуждение, накопившееся в других областях, но там неиспользованное, прорывается в половое, его укрепляя, насыщая, наводняя своей энергией, своими соками, способствуя его разбуханию, его непрерывно за их счет растущему паразитизму.

Вот откуда „общий половой знак“ у человека. Вот откуда колоссальное влияние „половых сигналов“ (по типу звуковых и световых сигналов у Павловской собаки) на все его биопсихические процессы, которые, таким образом, без условного полового сигнала делаются бесцветными, дряблыми, тугоподвижными. Знаем же мы, как мелкая порча в цепи этих половых сигналов современного „цивилизованного“ человека грубо отзывается на пищеварении, кровообращении, настроении, сне и проч.: половой корень

³/₄ всех современных психо-невропатий (как видим, не биологически-половой, а социальный).

Современная социальная среда оказалась, таким образом, раздражителем наибольшего благоприятствования для накопления максимума биологических сигналов именно на половом полюсе, — для выпячивания именно полового фона в качестве особо частого и особо сильного эмоционального знака.

Следовательно, если в современном половом содержании при рассмотрении полового вопроса мы предварительно не отделим действительно биологически ценное от колоссальных добавочных, чуждых половому, напластований, мы допустим чудовищную ошибку. Если половую потребность, половые навыки современного человека мы возьмем, как некий нормальный биологический факт, и на базе этого факта начнем строить соответствующие нормы полового поведения, мы этим произведем колоссальную экспроприацию ценнейшего творческого богатства человека, так как современная человеческая сексуальность оказывается длительным и настоящим грабителем крупнейших социальных ценностей. Надо глубоко разрыть все корни этой сексуальности, вскрыть ее механизм, и лишь потом можно проработать нормы дозволенного и запретного. Поэтому частые сейчас легковесные попытки разрешить половой вопрос санкцией тех или иных существующих вкусов и навыков — совсем не по линии революционного интереса.

Ведь в интересах революции максимально организовать социальную энергию, а не отдавать ее во власть существующему хаосу. Половая же область похитила, как видим, изрядную часть этой общей социальной энергии.

Лучшей иллюстрацией нелепейших предрассудков и суеверий, существующих в области полового вопроса, являются между прочим, попытки найти в половом материале основной источник творческого процесса, — попытки половыми элементами объяснить ряд крупнейших социальных и биологических влечений. Не только констатируют факт „преизбыточного“ значения сексуальности, но с необычайной деликатностью „научно“ склоняются перед этим фактом, открывая в нем и кое-какие симпатичные стороны. Похоже на славословие, воспеваемое разжиревшему на чужом паку-купцу, за целковый милостыни, небрежно им кинутый в толпу голодных нищих.

Конечно, не в половом основной источник этого творчества и прочих социально ценных стремлений. Половое, обворовав предварительно творчество, снисходительно возвращает обокраденному его документы и пустой портфель.

Основной же творческий фонд, похищенный половым, при этом грубо дезорганизуется, так как в половом его приложении он делается социально никуда негодным. Что кроме эротической поэзии и живописи создала нам сексуальность? Социальный героизм, научный анализ — так ли уж велик их половой инвентарь? А сколько в то же время социального героизма и научных открытий поглотила половая жизнь?

Если и может идти речь о связи творчества с сексуальностью, то в одном лишь смысле: для творчества надо предварительно освободить от противоестественного полового плена социальные и общепсихологические ценности, — вернуть их хозяевам. Это и будет пищей для творчества, но это ведь не половое, а лишь им возвращенное похищенное им же перед тем. Кое в чем и сексуальность может питать творчество, но лишь в узкой области обслуживания непосредственного, хотя бы и утонченного, частично замаскированного стремления к половому объекту. Прочие же его претензии — лишь покушение на кражу, с возвратом затем ничтожной части украденного.

Очевидно, с современной сексуальности придется, перед рациональной ее нормировкой, сорвать фетиш, — притом фетиш чрезвычайно глубоко впившийся в человеческое сознание. У сексуальности накопилось слишком богатое окружение, сексуальность вызывает слишком много интереса и желаний. Это надо пресечь. Впервые рационально организуемая социальная среда, среда советского строя введением истории обязана проделать над сексуальностью серьезную операцию. Исторический процесс сам продельвает и проделает эту операцию. Надо помочь ему. Фатализм здесь неуместен: условные рефлексy, воспитанные одними раздражителями, меняются, если последние замещаются новыми раздражителями. Надо изменить состав социальных раздражителей сексуальности, а это в значительной степени в наших руках, если мы чутко уловим направление исторического развития. Коммунизм уловил это направление.

Слабая сопротивляемость организма этому половому паразитизму.

Чем же объясняется, что наш „мудрый“, „прекрасно сделанный“ организм не противился этому неестественному захвату основной своей территории?

К сожалению, именно тем, что никакой мудрости, осмысленности, стройности в организме нет. Организм таков, какова среда, своими влияниями целиком определяющая его развитие. А так как и среда не мудра, не осмысленна, а, в частности, наша социальная, капиталистическая, эксплуататорская среда вообще бессмысленна, — в организме раба отражается эта бессмыслица социального хаоса.

В самом деле, обладает ли современный человеческий организм капиталистического общества стойким, врожденным, унаследованным фондом, прочно бронирующим его против грубых посягательств резко и быстро меняющейся, ломающейся социальной действительности? Нет. Наша социальность приобрела необычайную динамичность, текучесть, ломкость не сегодня: все последнее столетие характеризуется постепенным нарастанием этого динамизма, — нарастанием, которое не мирилось со старыми унаследованными навыками человеческого тела и требовало новых к себе приспособлений.

Человеческий организм, в течение сотен и тысяч лет привыкший к широкой лесной, речной, полевой, — спокойной и чистой солнечной дали, оказавшийся вдруг закупоренным в коробках пыльных, серых, грохочущих, задымленных городов капитала, принес с собою ненужные городу прадедовские биологические навыки и не принес, наоборот, нужных. Для мускулов его, для легких, для глаз, для сердца, для желудка возникли армии новых невиданных раздражений, перед которыми организм становился втупик. Сила, глаз, движения охотника, рыбака, земледельца никуда не годятся перед специальной, „хитрой“ силой городского жителя. Надо было заново учиться. Безусловный рефлекс, наследственный навык давал в этих условиях лишь инстинктивный толчок, да и то веленую, часто мимо цели: требовался огромный новый, свежий опыт, целая мощная колонна организованных добавочных пластов — условных рефлексов, становящихся все более властными, вносящими глубокие ломки в дедовский биологический багаж, который оказывался все менее пригодным, чрезвычайно быстро дряхлея.

Итак, прадедовский, унаследованный фонд организма слабеет в нашем современном социальном окружении. Но крепнет ли новый, ценный биологический фонд, успевает ли он стойко передаваться по наследству, взамен старого гибнущего?

Нет. Среда слишком неустойчива, слишком текуча, слишком быстро меняется, обновляется в своем содержании, чтобы дать возможность прочно устояться накопившемуся биологическому опыту. Вновь и заново появляющиеся раздражители, отбрасывая старые элементы среды, уничтожают и упрочившийся было условный рефлекс, требуя взамен других рефлексов, соответствующих новому содержанию раздражителя. По наследству передать такой летучий, хрупкий опыт, конечно, нельзя. Экономические кризисы, войны, революции, колоссальная техника современности не потерпят такого биологического консерватизма. Но, вместе с тем, они мало содействуют и биологической пластичности, организованной динамике тела. Поэтому и в области своего личного опыта современный человеческий организм оказы-

вается ни в малейшей степени не защищенным. Довоенная, военная, послевоенная эпоха 1910 — 1924 г.г. — глубоко различные социальные периоды, т.-е. и разные биологические установки. Ценное десять лет назад во многом бессмысленно сейчас, — и наоборот. Прочности нет ни в одном сложном навыке. Инстинктивность, автоматичность либо вредны (старо), либо просто невозможны, в виду краткости бытия этого навыка (автоматизм — свойство лишь старых навыков). Всегда на чеку, всегда в положении усилия, ответственных поисков — все это весьма неудобная позиция для накопления прочных, гибких навыков ¹⁾.

Тем самым, организм не защищен от всяких на него паразитических посягательств, которым он не может противопоставить ни мощной наследственной брони, ни приобретенной силы и гибкости. Линия наименьшего внутреннего сопротивления, как бы биологически бессмысленна она ни была, оказывается в таких условиях наиболее для него удобной. Отсюда и ничтожный, бессильный его протест по поводу наглого захвата большей части его территории сексуальностью, — вернее, никакого протеста: пассивная покорность существу.

Вот каковы условия, „сексуализировавшие вселенную“. Не в сексуальности, как ни хотят ее сделать предметом особой мистики, и не в человеке причина этого, а в современной социальности.

Конечно, половая жизнь уродовалась не сразу, а постепенно. Эксплуататорская эпоха, дезорганизовавшая человеческое тело, была достаточно длинна для того, чтобы препакостно наследить в человеческом организме. Столетия за столетием, — чем дальше, тем глубже, — загнаивалась язва на половом теле человечества. Последние десятки лет, годы сумасшедшего империализма, — войны, революционные неудачи и революционные издержки основательно довершили эту благородную работу. Доискаться здорового ядра в современных половых проявлениях не так легко.

I. Первым свойством современной половой жизни человека, — свойством, характеризующим неуклонно нарастающий отрыв ее от единственной биологически для нее осмысленной базы, является постепенное иссякание в ней „надличного“ целевого ее содержания, т.-е. функции размножения. Экономические условия дезорганизуют, усложняют борьбу за существование для подавляющей массы человечества, — содержание детей становится все более непосильным, — и пред-

¹⁾ Подробнее наши соображения об этом — см. в двух первых очерках нашей книги: „Очерки культуры революционного времени“, специально посвященных социальному моменту в физиологии

упреждение расплаты за половое удовольствие является сейчас основной половой установкой огромной части людей. Борьба с этой расплатой, борьба с „сверхличными результатами“ полового акта чрезвычайно близка также и сердцу сытых, тем более — богатых, так как дети представляют собою для них слишком большое препятствие к неограниченному пользованию житейскими радостями. И так как люди — не глухие звери, а сознательные граждане вселенной, учитывающие заранее эффект своей половой активности, они всеми доступными им мерами стараются обезопасить себя от этого неприятного эффекта, т.-е. попросту — предупредить беременность. Надличный смысл полового постепенно иссекает, — половое превращается в самодовлеющее удовольствие.

II. Это постоянное напряжение человека, выражающееся в непрекращающихся опасениях ненавистой беременности, связанное с хитроумным использованием самых разнообразных предупредительных мероприятий, держит его постоянно в состоянии обостренной озабоченности, как в стадии полового предвозбуждения, так и в период полового взрыва, так и, тем более, в заключительной фазе — полового разряда и полового покоя. Ни один этап этой живой половой активности не свободен от целиком пронизывающей человека „предупредительной“ озабоченности, которая назойливо вклинивается во все поры половых переживаний, лишая их сочности и яркости, инстинктивности, стихийности, — уплотняя, иссушая их.

III. Половая жизнь человека лишается, почти лишилась, своей сезонной ритмики. Если у прочих животных половая активность приурочена к наиболее климатически возбуждающим сезонам (солнце, тепло), одновременно биологически благоприятствующим протеканию последующей беременности и кормлению младенца, — однако, отрыв человеческой среды от непосредственной связи с космическими влияниями, зависимость человеческих условий жизни (тепла, питания) от самых разнообразных социальных, а никак не ритмических причин, — лишает его половую жизнь космической биоритмики, сезонности, внедряя в нее весь тот хаос, который характеризует собой и экономику эксплуататорской эпохи. И если современная житейская практика констатирует весеннее и летнее нарастание любви, в этом нарастании больше моментов технического удобства для появления и удовлетворения половых влечений (чаще встречаются на улице, более легкие костюмы, чаще оказываются в лесу и проч.), чем действительной биологической сезонности. Перенесенные зимой в те же условия технического удобства (натопленные галереи, обнаженные тела, укромные уголки), люди оказываются сексуально возбудимыми не

в меньшей степени, чем летом. Да и без этих технических обстоятельств половая возбудимость современного, городского по преимуществу, человека постоянно достаточно велика, и если регулируется чем-либо, то, во всяком случае, меньше всего факторами биосезонного характера.

IV. Вместе с тем, половая жизнь человека в значительной степени потеряла и свою непосредственную внутри-биологическую обусловленность. Так, у прочих животных, помимо космических причин (весна, солнце и пр.), обязательным условием полового возбуждения является удовлетворительное состояние питания и прямое соприкосновение с половым объектом (касание, обнюхивание, смотрение) — для человека же, лишившегося своей биоритмики, живущего в среде, в которой имеется масса добавочных, все вытесняющих и все замещающих половых раздражителей¹⁾, таковыми может оказаться вся сложная гамма разнообразных частей, составляющих современную среду. У животных могут действовать половые раздражители первого порядка (нарастание химического фонда сексуальности, т.е. внутренний рост половой секреции), второго порядка (зрение, обоняние, осязание, как непосредственные проводники непосредственного полового раздражения), — у человека же, вполне актуальными оказываются и половые раздражители третьего, четвертого и самых далеких очередей: возбуждение, появляющееся под влиянием той или иной вещи, принадлежащей половому объекту, рассматривание возбуждающих портретов, картинок, статуй, чтение соответствующей литературы, и, наконец, соприкосновение с предметами, имевшими случайную, лишь внешнюю связь с некоторым половым событием (шум моря, звон колокола), — всего этого бывает вполне достаточно для того, чтобы вызвать у человека „взрыв в пустоте“: за неимением других, более прочных целевых связей, волна общеорганического возбуждения, под влиянием подобных ничтожных толчков, протекает в половой области, снабжая ее тем питанием и той силой, для которых собственного фонда в половой области не хватило бы (кровенаполнения, половых соков, общего состояния сытости). Вот почему половая активность может появиться и у голодающих, и у биологически недомогающих, и у специфически сексуально истощенных (онанисты, развратники, полностью до дна выпившие свой половой источник), и у стариков (серия грубейших половых извращений), и у беременных: причина — в избытии половых раздражителей и в их вне-конкурентном положении на фоне современной социальности (при отмирании инстинктивных и биоритмических сезонных регуляторов).

¹⁾ Говорилось выше.

V. У человека вообще наблюдается легкая переключаемость путей внутри — биологического возбуждения, благодаря чему один объект, одно яркое органическое устремление (например, погоня за добычей на охоте, или яростная борьба с врагом: злоба, ненависть) может быстро смениться другим адресатом, чаще всего — половым, полностью отдавая последнему не им порожденное возбуждение. Это явление чрезвычайно характерно для современного состояния человеческой культуры, на базе которой половой элемент не только встречает избыток специфических половых раздражителей, но также использует крупнейшую часть прочих вне-половых состояний возбуждения: весь процесс дальнейшего разворачивания и распределения подобных состояний становится отныне уже под властью полового знака, определяющего полностью все его дальнейшее течение. Отсюда легкая замена честолюбия, того или иного вида общественной активности (карьеризм, героизм, творчество) любовным, половым влечением.

VI. Половая жизнь, в ее уже более или менее оформленном содержании, пробуждается у людей слишком рано и слишком рано уродуется. Ранняя детская влюбчивость, преждевременные любовные конфликты, детский онанизм, грубые антиполовые запреты и нелепое скрывание сущности половой жизни, — все это очень рано становится средоточием большого внутреннего напряжения, в результате чего период законной половой зрелости встречается с накопившимся уже до него огромным половым грузом, притом грузом, насквозь пропитанным обезображивающими гноеродными частицами. Сексуальность оказывается не только рано разбухшей, но и рано качественно испорченной. Причины, конечно, ясны. Общебиологические и социальные устремления ребенка удовлетворяются не лучше, чем у взрослого, — и поскольку сексуальность в ранних своих стадиях присуща даже и новорожденным¹⁾, здесь она получает лишь непомерно крупное для себя место, отсасывая к себе прочие, плохо сейчас развивающиеся, детские творческие ценности. Если ребенка кормят и опекают не так, как надо, если игры и товарищи у него не те и не тогда, как это ему нужно (а в $\frac{3}{4}$ случаев это именно так), — куда ему еще девать свою активность, свое стремление к радости?

¹⁾ По Фрейдю, первичные, разрозненные частицы полового „я“ появляются еще у новорожденных (чувствительность губ, кожи и проч.). В дальнейшем, они консолидируются, систематизируются и вызревают в целом, как единое, мощное половое влечение. Об этом см. ниже — „Половой вопрос и советская педагогика“.

VII. Столь характеризующее современного культурного человека „психическое“ окружение полового влечения, эротизм (как и весь богатый человеческий психизм, являющийся ценным приобретением технического прогресса), оказывается, однако, в наших условиях лишь добавочным, травмирующим, трагическим фактором. „Любишь не того, к кому чувственно тянет и, наоборот, чувственная холодность адресуется тому, к кому питаешь социальные симпатии“. „Чувственный элемент срывает любовь, уважение, симпатию, даже там, где эти два элемента могли бы гармонически сочетаться“; — „товарищеские отношения кончаются там, где начинается половая связь“; — „серьезное идейное общение невозможно там, где имеется и половое возбуждение“. — „Идейная общность расхолаживает в области половых устремлений“. — Этот разрыв половой чувственности с социальным ее содержанием („эротика“), с одной стороны, лишает половое возбуждение смягчающего, регулирующего, гармонизирующего содержания, с другой же стороны — окрашивает в холодные, мертвые тона ту часть социальной активности, которая имеет половые корни, делая ее безрадостной, бесплодной и тем предоставляя чувственному полную, неограниченную свободу разнузданного хищничества, не только за свой счет, но и за счет, как мы видели выше, других социальных областей, с половым ничего общего не имеющими, — уничтожая последний социальный тормоз для подобного чувственного хищничества.

VIII. Своеобразным проявлением этой половой дезорганизации является еще и распыление полового влечения по всем закоулкам организма при одновременном ослаблении центрального полового порыва. Как ни как организм может все же снабжать половую активность лишь той энергией, какая у него имеется. Ослабление стихийности полового влечения, сезонной его ритмичности, непосредственной его биологической обусловленности, — слишком раннее его появление — задолго до возможности конкретного центрального его оформления в виде зрелого полового акта, питание его раздражителями третьего, четвертого и более далеких очередей, — все это, увеличивая общую сумму полового содержания, в то же время понижает центральную их устремленность, т.е. способность их выявиться в виде полного, законченного полового акта. Тем самым, половой акт оказывается мало насыщающим, не разрешающим того сильного внутреннего возбуждения, которое накоплялось в результате влияния вышеуказанных многообразных раздражителей. Большая часть неизрасходованного возбуждения растекается тогда по организму в целом, притекая к отдельным, частичным

элементам полового желания, обеслаивая их, питая их своим напряжением. Отсюда обостряющаяся половая чувствительность не только половых органов, но и груди, губ, волос, кожи, слизистой оболочки, прямой кишки и т. д. Отсюда, непрерывная, предварительная, голодная их половая активность задолго до появления оформленного полового влечения и даже вне связи с последним. Отсюда же сексуализация прочей психической жизни человека за неиспользованием накопившегося полового напряжения в специально чувственном его разряде. Таким образом, половая жизнь, непомерно количественно разбухая, в то же время слабеет в центральной, качественной своей активности, что снова является стимулом для новых, непрекращающихся половых возбуждений, т.-е. для новых качественно ослабленных центральных влечений. Заколдованный круг.

Эта сложная и пестрая какофония современного полового влечения, проявляющаяся, конечно, не частично в каждом из перечисленных элементов отдельно, а в самых разнообразных их пересечениях, получает для себя добавочное питание во всех почти проявлениях эксплуататорского социального строя: ханжеское, официально запрещающее отношение к половому — при максимальном фактическом его разнуздании; избыток сил и радости у одних — богатых и избыток тоски, злобы, эмоциональных торможений у других — придавленных, — все это одинаково оказывается половым возбудителем; массовая социальная, экономическая, т.-е. и эмоциональная неустойчивость, не дающая возможности укрепиться прочным ценным навыкам общебиологического приспособления в итоге питает сексуальность, спровоцированную этой неиспользованной энергией. Проституция, раскинутые повсюду половые соблазны (оголяющие костюмы, скульптура, живопись, литература, все искусство) прибавляет масла в огонь. Человек оказывается сексуально одурманенным. Он беспомощно, бессильно запутывается в половых хитросплетениях нашей сумасшедшей современности. Вся среда делается половым раздражителем. Стержнем биологического бытия человека оказывается „обще-половой знак“, половой рефлекс.

И прав и не прав, как видим, З. Фрейд, констатируя непомерно разбухшее половое богатство современного человечества. Прав, поскольку это „богатство“ действительно налицо. Не прав, поскольку пытается найти для подобного явления внутренние, биологические причины; причины же, как нам сейчас ясно, исключительно социальные. Приведенные восемь тезисов нашего анализа сексуальности говорят об этом достаточно убедительно.

Пролетарская и
буржуазная
сексуальность.
Мужчина и
женщина.

Конечно, половая жизнь в различных общественных слоях окрашена по-разному.

Обеспеченные группы, обладая биологическим избытком, представляют особо благодарную почву для полового паразитизма. Ложь внутри буржуазной семьи, ханжеские маски буржуазной морали являются лишь усиливающим половым возбудителем. Да и куда девать пустое время, потраченные силы, лишние деньги, если не на утонченно-разветвленные половые устремления?

У пролетария, к несчастью, не на много лучше. Правда, он не страдает биологическим избытком, но в то же время у него эмоциональная несытость: тяжелый труд, невкусная пища, серые впечатления повседневности накапливают невыявленные возбуждения либо по линии искусственного удовлетворения (пьянство, карты), либо в сторону тех же половых ущемлений, — не в том, конечно, сложном и грязном их содержании, как это замечается у его пресыщенного классового врага, но все же достаточно интенсивных. Пролетарские ребята онанируют не реже буржуазных детей, количество и качество половых актов в пролетарской среде точно так же ни в малейшей степени не соответствуют законным биологическим нормам, хотя, повторяем, внутренние их дезорганизация не так велика, как у буржуазии.

Одна оговорка: в периоды острых революционных напряжений, в эпоху нарастающей массовой классовой борьбы пролетарию легче сублимировать, т.е. социально организовать свою половую жизнь. Класс, реальность слишком властно требуют его тогда к себе — полностью, безраздельно, — и на долю паразитирующей активности попросту не остается лишней энергии: она вся уходит на социальность, на классовую ненависть, на риск, на чувство собственного достоинства, на поиски новых боевых путей и средств. В такие периоды человек богатеет в целом, у эмоциональности нет голодания, и половое теряет свои воровские права. Однако, при наступлении классовых будней замечается возврат к старому. Снова обще-эмоциональный голод и снова безответственно-легкое половое насыщение.

Далеко неодинаково современная половая дезорганизация коснулась мужчины и женщины.

Мужчина накапливает свой половой опыт по пути внешнего его проявления; женщина собирает его по преимуществу внутри своего существа. Мужчина в области полового больше действует, чем „переживает“; женщина — наоборот.

Обусловлено это в первую очередь вовсе не биологической разницей в половом содержании мужчины и женщины (у пролетариата, например, экономический момент сильно нейтрализует эту разницу), а различием в социальной,

экономической их позиции. Мужчина — независимый хозяин-добытчик, — сам выбирает себе женщину. Женщина, экономически связанная, обезличенная, — ждет своего „избрателя“, избирается. Первый борется, ищет, отстаивает, — вторая ждет, готовится, мечтает. Мужчина не беременеет, не кормит, не воспитывает, может пользоваться и проституцией, — женщина в половой любви всегда угрожаема материнством и прочей семейной обузой. Отсюда разная психическая их установка в половой области. Мужчина рано начинает свою активную половую жизнь, часто меняет объекты своих половых желаний, ищет в них главным образом „физического“, чувственного насыщения, так как не собирается длительно себя с ним связать. Женщина ищет длительного супруга, отца, помощника себе, воспитателя своих детей.

Отсюда избыток у мужчины „чувственного“ элемента в половой жизни и нищета его „эротики“; наоборот, слабость чувственности у женщины, даже частое ее отсутствие, — и яркий расцвет эротики. Отсюда же огромная дисгармония в их половых темпераментах. Излишняя чувственная половая активность мужчины, его требования частоты и разнообразия в половых отправлениях, — требования, почти не регулируемые более высоким и эротическими, т.е. этическими, социальными запросами, — и, наоборот, половая скромность, половой консерватизм женщины, требующей обязательного полового предверия — любви, симпатии, верности, дружбы, уважения.

Как разрешается эта дисгармония? Мужчина лжет, изменяет; женщина замыкается, нервничает, мучается. Чувственность первого все больше и больше дезорганизуется, лишается эротики; чувственность второй резко затормаживается, тускнеет, рвется, — взамен реальности властвуют грезы, неосуществленные, неосуществимые мечты. Но отсюда же и новый неисчерпаемый материал для неограниченного роста половой дезорганизации у обоих. Половая разнузданность мужчины, плохо насыщаемого современной холодной женщиной, становится все более требовательной, т.е. все менее удовлетворимой, не говоря уже об указанном выше качественном ослаблении центрального полового влечения, далеко не способствующего гармонии в половых отношениях. Половая замкнутость женщины, ее постоянное неудовлетворение, половое голодание, и эротическое и чувственное, увеличивает ее общую возбудимость, придавая последней постоянные, хотя бы и неотчетливые половые очертания (обостренная „женственность“, бессознательное и сознательное кокетство), что становится сугубо раздражающей приманкой для мужчины. Снова разочарование, снова разрыв. Создается заколдованный круг.

Наша современность, дающая возможность половой жизни безнаказанно извлекать колоссальные ценности из всех областей человеческого бытия, пышно и непрерывно питает эту трагическую дисгармонию полов, эту тяжелую и вредную борьбу „половых классов“, с каждым десятилетием роста нашей социальной динамики становящуюся все более глубокой.

К счастью, в пролетарских трудовых массах с этой дисгармонией обстоит несколько легче. Здесь больше экономического равенства мужчины и женщины, здесь больше повседневных забот, отвлекающих обоих — как от излишка чувственности, так и от избытка эротики. Однако, пока эта разница лишь разница количества, а не разница качества. Экономически самостоятельных женщин — меньшинство. Семья женщине все же нужна: муж, отец. Эротический перегиб при недостатке чувственности у женщины пока не минуем. Отсюда несмелость и чувственная холодность ее, отсюда и прочие элементы дисгармонии между полами, — правда, менее сложной, чем в обеспеченных слоях, но все же достаточно сильной.

Эта дисгармония полов, как видим, не представляет собою биологического обстоятельства, так как у прочих животных она сглаживается естественным распределением их функций в борьбе за существование. Наша же „борьба за существование“, наша производственная обстановка отличается максимумом непродуктивности в распределении сил и способов борьбы, переключением силовых волн на самые нелепые пути, — отсюда и исторически обусловленная невозможность (пока) ввести гармонизирующее начало в отношения между полами.

Основные задачи пересмотра полового вопроса. Ну что ж, скажет некий читатель, — бытие определяет сознание. Против рожна не попрешь. Если современный ребенок сексуализирован с ранних лет, если половая жизнь взрослого прогноилась снизу доверху, если между мужчиной и женщиной — глубокая пропасть, — будем ждать иной социальной среды, которая и оздоровит половую жизнь. Будем готовить общую победу пролетарской революции, а пока незачем и голову ломать над половым вопросом.

К сожалению, такой скептик совсем не редкий сейчас экземпляр. Он встречается далеко не среди одних лишь невежд. Именно благодаря этим своеобразным „марксистам-фаталистам“ за семь лет революции половой вопрос принципиально не сдвинут с мертвой точки, и попытки отдельных работников заговорить на эти темы в новом духе встречались протестующим воплем, обвинениями в идеалисти-

ческом уклоне. На самом же деле для этого анти-диалектического фатализма, конечно, нет никаких оснований. Многое в окружающей среде, в содержании тех раздражителей, которые дезорганизуют современную половую жизнь, может быть изменено нашими усилиями, а это произведет неминуемую ломку и в старых половых навыках.

То и дело пестрят сейчас спогешибательные выводы: „никому нет дела до того, как я живу в половом отношении“; „если я никого не изнасиловал и никого не заражаю сифилисом, не все ли для революции равно, как я провожу свой досуг?“; „физическим я моментом исчерпываю свою половую жизнь или вношу в нее и любовь, — никому до этого нет дела“; „часто ли я совершаю половой акт, возбуждают ли меня окружающие женщины (или мужчины) — все это никого, кроме меня, не касается“; „часто ли я меняю своих половых партнеров (партнерок) это — мое или их дело и больше ничье“; — „многоженец (многомуженка) ли я или нет, это — личный, а не классовый вопрос“, — и т. д. и т. д. до бесконечности.

Таким образом, весь багаж современных половых навыков, вся пестрая и довольно, как мы видели выше, неблагоприятная гамма современных половых устремлений признается вполне законным, оправданным обстоятельством, заслуживающим полного классового уважения, — не требующим никакой борьбы. „Классу, революции нет никакого дела до моей половой жизни, если я не совершаю никаких половых преступлений“, — вот типическая формулировка „средней половой этики“.

Однако, достаточно ли ясен приверженцам подобной „этики“ вопрос о самом составе полового преступления? Где грань половой честности и половой гнусности? В каких половых пределах можно и должно считать себя истинным гражданином революции, и с какого полового момента начинается кража революционного достоинства?

Половой вопрос никогда не был и не мог быть узкобиологическим вопросом, подчиненным одним лишь правилам физиологической гигиены. Половой вопрос всегда так или иначе отражал в себе социальность, — содержал элементы ее разложения или, наоборот, содействовал ее здоровой самоорганизации. Половое жадно поглощало паразитический избыток биологической энергии у прогнивающего класса (аристократия древнего Рима, Востока), являлось удобным выходом для закупоренной энергии эксплуатируемых классов (реакционные эпохи после порабощения революции), требовало себе здоровых и ясных путей во времена предреволюционного брожения новых классов (половой бунт Ренессанса против половой гнили феодальной церкви).

Растрата половой энергии в том или ином направлении, в том или ином количестве, находится в теснейшей, неразрывной связи со всем прочим социальным функционированием человека и человеческих групп. Чем меньше социальных, производственных, действенных творческих выходов для живой биологической активности, тем больше ее остается для полового использования. И, наоборот, чем больше времени, энергии, интереса приковывает к себе половая жизнь, тем меньше сил и творческих возможностей остается для социально-ценного бытия.

Недаром ведь З. Фрейд пытался все творчество объяснить половыми отказами, половыми задержками, переводом неиспользованной, заторможенной половой энергии на творческие пути (сублимация). Конечно, социологически он не прав. Подавляющая часть подобного творчества идет из социальных источников, но источников, действительно временно оказавшихся в тяжком и длительном плену у полового, что тем самым лишь подтверждает практическую, деловую правильность этой формулы ¹⁾.

Недаром и рефлексологи объясняют творческий процесс высвобождением энергии, предварительно заторможенной, т.е. „отказом“ (хотя бы и не от полового, но это безразлично).

Следовательно, если современная эксплуататорская социальность такова, что помогает половому удовольствию за счет творчества, в таком случае с этим половым содержанием революционный пролетариат вряд ли захочет примириться. Пролетариат в стадии социалистического накопления является бережливым, скупым классом, и не в его интересах давать творческой энергии просачиваться в половые щели. Он наложит на гнилую половую жизнь человечества свою диктаторскую руку, и пролетарская диктатура также оздоровит половую жизнь, как и прочие области человеческого бытия, — введет ее в организующие, революционно-целесообразные нормы.

Это так же в его силах, как в его же силах бороться с политической и религиозной гнилью буржуазного наследства, как в его же силах строить социалистическую экономику. Меняя, ломая среду, он меняет, изменит и ее отражения, т.е. и половые ее отражения.

Надо создать такую среду, в которой была бы невозможна свободная, неограниченная растрата классового энер-

¹⁾ См. статью Саввича в „Кр. Нови“ 1922 г., — нашу статью „Фрейдизм“ — в „Кр. Нови“ 1924 г., кн. IV.

гического богатства. Надо создать серию таких классовых регуляторов, тормозов, раздражителей, которые организованными путями, объективно-научно построенными методами отжали бы от полового то, что благодушно последнему было предоставлено расточительной буржуазной культурой.

Ненужных половых желаний истинный гражданин пролетарской революции не должен иметь. Если же они у него появятся, все элементы окружающей среды (требования производства, культурные раздражители, общественно-классовое мнение, партактика, профэтика, классовая дисциплина) должны их пресечь в корне, затормозить, переклЮчить, перевести на другие, классово-творческие пути. Трудная работа, но необходимая и осуществимая, так как идет по линии развития советского строя, является требованием развития советского строя.

Итак, для революционного класса, класса борца и строителя не безразлично, какова половая жизнь его сочленов. Принять, как исторически должное, после-буржуазную половую инерцию, он откажется ¹⁾. Он радикально пересмотрит содержание этого полового наследства и отметет от него все то, что будет мешать его революционной борьбе. Он заставит половую жизнь войти в полезное для класса русло.

Кто знает, — не потребует ли он тогда чрезвычайной скромности и скупости в половых отправлениях? Не будет ли он обязывать к долгой любовной верности одной (одному)? Не запретит ли он чисто физических половых проявлений, требуя для них яркого любовного, „человеческого“, классового окружения? Кто знает?

Ведь мы живем сейчас в боевом лагере, на путях от войны к войне. Ведь коммунистический строй еще не настоящее, а будущее, довольно далекое будущее. Принять современность за коммунизм, это — уж слишком большой оптимизм, особенно недопустимый, если подобный оптимизм адресуется именно половому вопросу.

„Оптимистам“, распустившим сейчас свои половые вожжи, пролетариат укажет, что для свободной любви, исчерпывающе понятой, сейчас нет еще нужных предпосылок, — и что, в современных условиях, широко и конкретно понятая „свободная любовь“ превращается в гнусный грабеж революции. Вместе с тем, он укажет этим „свободным оптимистам“, что в грядущем коммунистическом строе свободная любовь, претворенная через длительную революционно-бое-

¹⁾ А биологическая ее инерция еще сильна и в условиях советского строя, как сильна еще у нас и идеологическая ее инерция (реакция хотя бы).

вую, коллективистическую чистку, вовсе не примет тех смрадных, ничтожных, пошло-подлых форм, какие она приобретает сейчас в буржуазном окружении, при неизбежном пока гниломом ее пропитывании.

Но где же грани дозволенного? Где рамки половой свободы?

Попытке ответить на этот вопрос посвящается следующий очерк.

О нормах полового поведения с классовой точки зрения.

Всякая историческая эпоха, всякий общественный класс характеризуются и особым содержанием половых проявлений. Направлению этих половых проявлений класс всегда придавал чрезвычайно серьезное значение, что вполне четко зафиксировано и в этических нормах классового поведения.

Библия пестрит самыми разнообразными и вполне практическими указаниями по половому вопросу. Церковное христианство половым правилам уделяет очень значительное место в своих житейских директивах. Освобождающаяся от феодального гнета буржуазия, расковыывая экономические социальные, идеологические звенья связывающей ее феодальной цепи, по пути борьбы строя новую этику, вполне недвусмысленно вкладывает в нее и новые, революционные правила полового поведения: взять хотя бы литературные произведения эпохи буржуазного „возрождения“ — итальянца Боккачио, француза Рабле и др.

Половая жизнь — сложное отражение общественных отношений. Простенькое общественное хозяйство первобытного человечества имеет и несложную, стихийную, инстинктивную половую жизнь, при чем многоженство, многомужество были лишь наиболее удобными для данного состояния производительных сил формами построения хозяйственной организации. Наоборот, наша сложнейшая социальная действительность с ее хаотической экономикой, с ее обостреннейшей классовой борьбой, резкими слоевыми расщеплениями общества, имеет напряженную, запутанную половую жизнь, с массой извращений, надломов, усложнений. Это особенно рельефно отразилось во всей современной художественной литературе, во всем искусстве, фактически на три четверти занятом половой проблемой.

Господствующие общественные классы, идущие к производственному упадку, отличаются особой взвинченностью, болезненностью, разнузданностью в своих половых проявлениях (древний Восток, Рим, — современная крупная буржуа-

зия) и, наоборот,—классы, производственно растущие, оздоравливают себя и в области половой жизни (к чему и сводится половой бунт вышеупомянутых Боккачио, Рабле). Половым разгулом характеризуется и эпоха реакции, наступающая за подавлением революций, и обратно,—чрезвычайной половой скромностью отличается хотя бы наш революционно-коммунистический авангард в боевые годы революции ¹⁾, когда вся энергия уходила на напряженное революционное творчество.

Очевидно, социальная обстановка, отношения между классами, позиция класса определяют собою и половые проявления людей, при чем содержание половой жизни современного человечества далеко не исчерпывается одними лишь рамками так называемых семейных, брачных отношений. Половая жизнь начинается задолго до брака и в подавляющей части протекает вне брака. Половое в значительной степени сделалось независимым от брака, превратилось как бы в отдельную область социального бытия. Недаром наряду с преступлениями против собственности мы знаем не меньшее количество преступлений полового характера.

Если половая активность класса есть органическая часть его социальной активности, если различные распределения энергии внутри класса вызывают соответствующие изменения и в половой его жизни,—этого процесса не может избежать, конечно, и пролетариат. Получив сложное социальное наследство от побежденной им буржуазии, он должен сугубо-внимательно разобраться и в половой части этого наследства. На-ряду с общей идеологической ломкой старого, начинается и ломка старой половой идеологии.

От буржуазии мы получили прогнившую, дезорганизованную семью, массовую проституцию. Культура буржуазии насквозь пропитана половыми возбуждениями, получающими особо широкую свободу развития, благодаря придавленности других областей бытия трудовых масс, с одной стороны, и благодаря половому перевозбуждению самой же буржуазии, питающемуся ее биологическим избытком („с жирку бесятся“). Экономический хаос эксплуататорского общества вообще отличается бессмысленным размещением человеческой энергии, распылением значительной ее части по паразитически ненужным направлениям,—отдавая, между прочим, половому ценнейшие творческие богатства человека, которые при иных, более благоприятных условиях, были бы великолепно использованы для мощного социального строительства.

¹⁾ См. отдел: «О психологии Р. К. П.» в нашей книге: «Очерки культуры революционного времени».

Если мы попытаемся проникнуть в глубины половых проявлений современного человека, мы там найдем чрезвычайную дезорганизацию, усложненность, хрупкость, очень вредные для человеческого организма, если своевременно их не ликвидировать. Пролетариат, пытаясь сейчас организовано строить общественную экономику, не может не вмешаться и в прочий социальный беспорядок, так как скверно налаженная надстройка (хотя бы та же бытовая надстройка, — в половой ее части) часто может отражаться грубо тормозящим образом на здоровом развитии самого базиса (т.е. экономики).

Половая жизнь современного индустриализированного, цивилизованного человека, вместо выполнения функций размножения, в подавляющей своей части превращается в самодовлеющее удовольствие, при условии максимальной борьбы с последствиями этого удовольствия т.е. с беременностью. Эта борьба с беременностью лишила половое влечение и половое удовлетворение большей части его инстинктивного, стихийного содержания, так как постоянная озабоченность, настороженность („как бы не было беременности“) дробит инстинктивность половой жизни.

Половая жизнь современного человека лишается своей сезонной ритмики. У животных она приурочивается к сезонам наибольшего тепла, наилучшего питания для супругов и будущего детеныша; человек же в современной, преимущественно городской, социальной среде этих пищевых ритмических сезонов не знает, и половая жизнь его может протекать во все времена года с одинаковой силой.

Половая жизнь человека потеряла большую часть и своей непосредственно-биологической обусловленности. В то время, как животные возбуждаются в половом отношении лишь в состоянии сытости, здоровья, при непосредственном соприкосновении с половым объектом, человек зачастую испытывает половое возбуждение и при недостаточном питании, и в состоянии недомогания (половое возбуждение туберкулезных), даже в старости (половое извращение стариков), даже при беременности, — не говоря уже о том, что для появления полового возбуждения достаточно бывает подчас одной лишь мысли об объекте, картинки, строчки из рассказа и пр.

Половая жизнь развивается у очень значительной части современных людей задолго до возможности деторождения: онанизм и прочие активные половые проявления у 30 — 40% современных городских детей до 10 — 12 лет.

Половое русло является у современного человека особенно легко используемым путем для переключения в него любого иного сильного органического возбуждения. Так, честолюбие, ненависть, героический пафос чрезвычайно

легко замещаются половым вожделением, которое тем приобретает большую силу, так как получает добавочный заряд от переключенной в него энергии, только что принадлежавшей другому органическому стремлению, другому желанию.

Половая жизнь большей части современных людей характеризуется еще резким конфликтом между социальными симпатиями человека и его чувственными половыми влечениями. Чувственно часто тянет не к социально совершенному, а лишь к физически „аппетитному“. Мало того,—если и была социальная симпатия до половой близости, она часто тускнеет после половой связи („любовь начинается идеалом, кончается под одеялом“ — грубая, но часто правдивая поговорка). Экономическая и половая независимость, а вместе с тем и половая смелость современного мужчины,—экономически связанная, подчиненная роль подавляющей части современных женщин — породила этот конфликт и продолжает всемерно его обострять. Женщина робко и трепетно ищет в возлюбленном друга, помощника, мужа, не в силах активно за него бороться, ждет его, мечтает о нем; мужчине нужно удовольствие поострее, поразнообразнее, без обязанностей. У женщины слишком слаба чувственность, у мужчины слишком много чувственности; у женщины слишком много социального содержания в половом (эротизм), у мужчины его слишком мало. Взаимное неудовлетворение, вечная трагедия.

Но и содержание полового влечения в корне уродуется при подобном положении вещей. Рано рождаясь, отрываясь от сезонов, от инстинкта, от внутренне-биологических предпосылок, раздвоенная, паразитирующая за счет других областей, половая жизнь, благодаря этому нестрою и далеко не укрепляющему сочетанию, теряет в своей внутренней силе. Слишком много биологической стихийности отнято у него, и слишком много побочного, второстепенного приобрело оно по пути, чтобы окрепнуть качественно, — и потому количественно растущее половое возбуждение отличается качественно меньшей силой каждого отдельного полового желания. Чем больше половых желаний, тем меньше насыщает, удовлетворяет каждое из них. Несытость же порождает новый материал для возбуждения, т.е. и новую несытость, — замкнутый круг.

В большей или меньшей степени эта сжатая картина половой жизни характеризует собой очень значительную часть современного человечества, при чем и пролетариату далеко не удалось избежать той же печальной участи. К счастью (своеобразное счастье), у него слишком достаточно других забот и отвлечений, чтобы много энергии уделять на половое, и его половая попорченность не так велика. Но

она все же имеется, буржуазия его многим заразила, — тело пролетария искажено эксплуататорским строем, и надо ясно знать, как же ему быть с половым вопросом, каковы должны быть его пути полового поведения.

Вопрос этот для С.С.С.Р. значительно упрощается, облегчается. Трудовые низы освобождены из-под эксплуататорской власти, имеют полную возможность творческого самовыявления, а это представляет собою лучшее средство против половой самозакупорки. Нормы здорового и социально целесообразного полового поведения делаются у нас постепенно осуществимыми так, как нигде.

Всякая область пролетарского классового поведения должна опираться при проработке норм ее на принцип революционной целесообразности. Так как пролетариат и экономически примыкающие к нему трудовые массы составляют подавляющую часть человечества, — революционная целесообразность, тем самым, является и наилучшей биологической целесообразностью, наибольшим биологическим благом (как мы в этом ниже и убедимся).

Каков может быть подход с точки зрения революционной целесообразности к половому вопросу?

Класс может рассматривать половое, как биологическое орудие для продолжения себя, своей борьбы в истории. С этой стороны половое для него интересно, как „орудие производства“ здорового, сильного классового потомства. С другой стороны, половое может интересовать класс, как часть жизни организма, как часть органической энергии, которая есть в то же время часть всей классовой энергии в целом, — и потому для класса безразлично, насколько продуктивно, в смысле революционно-классовых интересов, растрачивается эта энергия, и как это отражается на прочих областях социального и биологического бытия человека. Далее, класс не безразлично относится к половому, как материалу для субъективного удовлетворения, как к источнику известного удовольствия, радости. Класс учитывает эту радость в общей сумме всех радостей своих сочленов, учитывает степень ее полезного и вредного значения и нормирует ее использование по пути наибольшей целесообразности для революции.

Однако, половая жизнь — это ведь не только чисто физическая связь между организмами различных полов. В половых переживаниях человека имеется много элементов социальной симпатии и антипатии, живых, даже подчас очень горячих, отношений между людьми: ревность, ненависть, половое соревнование, половой соблазн, обожание — все эти чувствования, создаваемые в процессе развития половых переживаний, вносят новое, иногда очень

дезорганизирующее, содержание в отношении внутри одного и того же класса, дробя его стойкость, нецелесообразно отвлекая часть его сил от боевого и производственного пути в русло половых исканий, зачастую даже грубо вразрез с боевыми интересами класса. Тем самым, половое не безразлично для класса и с точки зрения здоровой организации внутри-классовых связей, внутри-классовых отношений.

Следовательно, пролетариат имеет все основания для того, чтобы вмешаться в хаотическое развертывание половой жизни современного человека. Находясь сейчас в стадии первоначального социалистического накопления, в периоде пред-социалистической, переходной, героической нищеты, рабочий класс должен быть чрезвычайно расчетлив в вопросе об использовании своей энергии, должен быть бережлив, даже скуп, если дело касается сберегания сил во имя увеличения боевого фонда. Поэтому он не будет разрешать себе ту безудержную утечку энергетического богатства, которая характеризует половую жизнь современного буржуазного общества, с его ранней возбужденностью и разнузданностью половых проявлений, с его раздроблением, распылением полового чувства, с его ненасытной раздражительностью и возбужденной слабостью, с его бешеным метанием между эротикой и чувственностью, с его грубым вмешательством половых отношений в интимные внутри-классовые связи. Пролетариат заменяет хаос организацией в области экономики; элементы планомерной целесообразной организации внесет он и в современный половой хаос.

Половая жизнь — для создания здорового революционно-классового потомства, для правильного боевого использования всего энергетического богатства человека, для революционно-целесообразной организации его радостей, для боевого формирования внутри-классовых отношений, — вот подход пролетариата к половому вопросу.

Половая жизнь, как неотъемлемая часть прочего боевого арсенала пролетариата, — вот единственно возможная сейчас точка зрения рабочего класса на половой вопрос: все социальное и биологическое имущество революционного пролетариата является сейчас его боевым арсеналом.

Отсюда: все те элементы половой жизни, которые вредят созданию здоровой революционной смены, которые грабят классовую энергетику, гноят классовые радости, портят внутри-классовые отношения, должны быть беспощадно отмечены из классового обихода, — отмечены

с тем большей неумолимостью, что половое является привычным, утонченным дипломатом, хитро пролезающим в мельчайшие щели — попушания, слабости, близорукости.

1. Не должно быть слишком раннего развития половой жизни в среде пролетариата — вот первая половая заповедь революционного рабочего класса.

Оздоровление изуродованной половой жизни нам нужно начать, конечно, в первую голову с детей, организм которых еще вполне гибок, вполне доступен здоровым воспитательным воздействиям. Именно с раннего детства начинается грубо искажаться половое содержание современного человека, и в раннем же детстве надо этот гнилотный процесс предупредить. Ребенок делается рано эротичным потому, что из трех основных областей его бытия (социальные устремления, общебиологические и половые) первые две, в бессмысленных условиях современного воспитания, не получают для себя должной пищи, и голодающая активность ребенка направляется по третьему руслу, наиболее простому, доступному и приятному, по руслу полового удовольствия.

В самом деле, если не давать широкого и творческого простора детским движениям, детской любознательности, детским товарищеским чувствам, ребячьей любви к приключениям, если угрозами, запретами, карами, связать детей драконовскими, нелепыми нормами взрослых интересов, куда еще деваться детскому интересу, кроме собственного тела ребенка? Начинается полоса раннего детского аутоэротизма (половая сосредоточенность на своей особе), ранний онанизм, ранняя половая любознательность и половая жадность, ранняя влюбчивость. Весь этот преждевременный половой материал, как паук, паразитически похищает бездну той энергии, которая при благоприятных условиях ушла бы на творческий и физический детский рост, на развитие общественной, научной, трудовой активности ребенка.

Половое, в нелепых современных воспитательных условиях, получает возможность рано развиваться, тем самым обкрадывая прочие области детского бытия и за их счет непомерно разбухая, являясь грубым тормозом для дальнейшего развития человека, даже в зрелом его возрасте.

Борьба с этим необходима, и в наших условиях в С.С.С.Р. она вполне возможна.

Коммунистическое детское движение, захватывая с ранних лет в свое русло все детские интересы, создавая наилучшие условия для развития детской самостоятельности, для физического детского самооздоровления, для яркого расцвета любознательных, общественных, приключенчески-героических устремлений, приковывает к себе

все детское внимание¹⁾ и не дает возможности появиться паразитирующему пауку раннего полового возбуждения. Тут и физиологическая тренировка, и боевая закалка, и яркая классовая идеология, и раннее равное товарищеское общение разных полов, — преждевременному половому развитию вырасти при таких условиях не на чем. Поэтому первая задача пролетариата — не давать ходу ранней детской сексуальности, а для этого необходимо: указать родителям и школе на необходимость правильного подхода к социальным и биологическим интересам ребенка, всемерно содействовать такому подходу, — и употребить всю классовую энергию на наилучшую организацию массового коммунистического детского движения, на внедрение этого движения во все закоулки детского, школьного и семейного бытия. Оздоровление половой жизни детства сделает в дальнейшем ненужной, столь трудную сейчас борьбу с половой путаницей зрелого возраста.

II. Необходимо половое воздержание до брака, а брак лишь в состоянии полной социальной и биологической зрелости (т.-е. 20 — 25 лет) — вторая половая заповедь пролетариата.

Нет никаких научных оснований предполагать, что до 20 — 22 лет половое воздержание может оказаться в каком-либо отношении вредным. В животном царстве начало активной половой жизни совпадает с полной способностью прокармливания семьи. Так как подобная способность в современных социальных условиях созревает у человека приблизительно к указанному выше возрасту, нет ни биологических, ни социальных оснований для более раннего начала половой жизни. Ссылки на массовые примеры значительно более раннего пробуждения активного полового влечения будут так же убедительны, как и ссылки на половые акты 8 — 10 летних детей. Здесь мы имеем дело с ранним изуродованием человеческого организма, и с этим уродованием надо вести беспощадную борьбу.

Во-первых, как указывалось уже выше, не надо допускать до этого раннего появления полового влечения; во-вторых, надо, если оно уже появилось, всячески нормализировать, организовать его. Психо-физиология половой жизни знает два выхода для невыявленного полового возбуждения: во-первых, так называемые поллюции, когда избыток полового химизма естественно находит себе путь наружу во сне; во-вторых, так называемую сублимацию (сублимация — перевод низшей энергии в высшую),

¹⁾ См. нашу брошюру: „Детское пионерское движение“. Изд. „Молодая Гвардия“. М. 1924.

когда половое возбуждение, не нашедшее себе выхода во-вне, идет на питание и подталкивание мозговых процессов, на творческие устремления.

Между половой энергией и творчеством, вообще, существует сложное и тонкое сродство. Неиспользованное половое возбуждение (как обусловленное непосредственным половым химизмом, так и другими искусственными возбудителями, о которых говорилось выше) может быть направлено на добавочное возбуждение мозговой активности. Недаром ряд творческих изобретений, целая серия научных и художественных произведений, проявления наилучшего социального героизма рождается в периоды полового воздержания¹⁾.

А что же вредного, скажут нам, в половой активности до брака? Вредно то, что подобная половая активность не организована, связана со случайным половым объектом, не регулируется прочной симпатией между партнерами, подвержена самым поверхностным возбуждениям, т.е. характеризуется как раз теми чертами, которые, как увидим ниже, должны быть безусловно и беспощадно истребляемы пролетариатом в своей среде. Подобное, хаотическим образом развившееся половое содержание никогда не ограничивается узкой сферой чисто полового бытия, но нагло вторгается и во все прочие области человеческого творчества, безнаказанно их обкрадывая²⁾. Допустимо ли это с точки зрения революционной целесообразности?

Что же касается „реакционности“ брачных форм полового сожителства, нужно определенно высказаться, что в условиях переходного периода, когда пролетарское государство в силах содержать лишь меньше 10% всех детей, революционизированная семья не только не отомрет пока, но приобретет серьезное вспомогательное значение в дополнение к тому воспитанию, которое дает детям государство.

III. Половая связь — лишь как конечное завершение глубокой всесторонней симпатии и привязанности к объекту половой любви.

Чисто физическое половое влечение недопустимо с революционно-пролетарской точки зрения. Человек тем и отличается от прочих животных, что все его физиологические функции пронизаны психическим, т.е. социальным содержанием. Половое влечение к классово-враждебному, морально-противному, бесчестному объекту является таким же извращением, как и половое влечение человека к крокодилу, к орангутангу. Половое влечение правильно развивающе-

¹⁾ Что первичное дело здесь не в самом половом, об этом подробно говорилось во 2-м очерке.

²⁾ См. ниже.

гося культурного человека впитывает в себя массу ценных элементов из окружающей общественной жизни и становится от них неотрывным. Если тянет к половой связи, это должно значить, что объект полового тяготения привлекает и другими сторонами своего существа, а не только шириною своих плеч или бедер.

На самом деле, что произошло бы, если бы половым партнером оказался бы классово-идейно глубоко чуждый человек? Во-первых, это, конечно, была бы неорганизованная, внебрачная связь, обусловленная поверхностным чувственно-половым возбуждением (в брак вступают лишь люди, ориентирующиеся на долгую совместную жизнь, т.е. люди, считающие себя соответствующими друг другу во всех отношениях); во-вторых, это было бы половое влечение в наиболее грубой его форме, не умеряемое чувством симпатии, нежности, ничем социальным не регулируемое; такое влечение всколыхнуло бы самые низменные стороны человеческой психики, дало бы им полный простор; в-третьих, ребенок, который мог бы все же появиться, несмотря на все предупредительные меры, имел бы глубоко чуждых друг другу родителей, и сам оказался бы раздвоенным, расколотым душевно с ранних лет; в-четвертых, эта связь отвлекла бы от творческой работы, так как, построенная на чисто чувственном вождении, она зависела бы от случайных причин, от мелких колебаний в настроениях партнеров и, удовлетворяя без всяких творческих усилий, она в значительной степени обесценивала бы и самое значение творческого усилия, — она отняла бы у творчества один из крупных его возбудителей, — не говоря уже о том, что большая частота половых актов в такой связи, не умеряемой моральными мотивами, в крупной степени истощила бы и ту мозговую энергию, которая должна бы идти на общественное, научное и прочее творчество (см. выше о сублимации).

Подобному половому поведению, конечно, не по пути с революционной целесообразностью.

IV. Половой акт должен быть лишь конечным звеном в цепи глубоких и сложных переживаний, связывающих в данный момент любящих.

К половому акту должно „не просто тянуть“: преддверием к нему должно быть обострившееся чувство все-сторонней близости, глубокой, идейной, моральной спайки, — сложного, глубокого взаимного пропитывания, физиологическим завершением которого лишь и может явиться половой акт. Социальное, классовое впереди животного, а не наоборот.

Наличность этой социальной, моральной, психологической предпосылки полового акта повлечет к ценнейшим

результатам: во-первых, половой акт сделался бы значительно более редким, что, с одной стороны, повысило бы его содержательность, радостное насыщение, им даваемое, с другой стороны—оказалось бы крупной экономией в общем химизме, оставив на долю творчества значительную часть неизрасходованной энергии; во-вторых, подобные половые акты не разъединяли бы, как это обычно бывает при частом чувственном сближении, вплоть до отвращения друг к другу (блестящую, вполне реалистически правильную иллюстрацию дает этому Толстой в своей „Крейцеровой сонате“), а сближали бы еще глубже, еще крепче; в-третьих, подобный половой акт не противопоставлял бы себя творческому процессу, а вполне гармонически уживался бы рядом с ним, питаясь им и его же питая добавочной радостью (между тем, как голо-чувственный половой акт обворовывает и самое творческое настроение, изымая из субъективного фонда творчества почти весь эмоциональный его материал, почти всю его „страсть“, на довольно долгий срок опустошая, обесцелив „творческую фантазию“: это отношение, как видим, уже не только к химизму творчества, но и к его механике).

V. Половой акт не должен часто повторяться.

Это уже достаточно явствует из вышестоящих пунктов. Однако, последними мотивы пятой „заповеди“ все же не исчерпываются.

Имеются все научные основания утверждать, что действительно глубокая любовь характеризуется нечастыми половыми актами (хотя нечастые половые акты сами по себе далеко не всегда говорят о глубокой любви: под ними может скрываться и половое равнодушие). При глубокой, настоящей любви оформленное половое влечение вызревает, ведь, как конечный этап целой серии ему предшествовавших богатых, сложных переживаний взаимной близости, а подобные процессы протекают, конечно, длительно, требуя для себя большого количества питающего материала.

Нечастое повторение полового акта, помимо указанной выше (п. IV) огромной химической и прочей пользы, имеет еще и следующие положительные стороны: а) освобождает поле творческой деятельности от рассеивающих, дезорганизующих образов — ожидания, предвкушения скорого полового акта, делая содержание творчества чистым, не примешивая в него искусственных, посторонних элементов, используя полностью, без утечки, всю силу творческого порыва; б) нет того состояния физиологического и психического утомления и острого чувства жизненного безвкусица, которое сопровождает собою обычно частые половые ряды; в) нет необходимости в частой перемене полового объекта (см. ниже), так как длительный период накопления

стимулов для полового влечения делает последнее по новому радующим, острым, полностью насыщающим; г) это вполне соответствует и физиологической природе женщины, для которой частые половые акты обычно представляют собою почву, порождающую половое равнодушие, нередко даже и половое отвращение; редкие же половые разряды делаются и для нее источником глубокой, сильной эротически-чувственной радости, что поможет как ликвидации этого вечного конфликта между женской эротикой и женской чувственностью, так и общей гармонизации в половых отношениях обоих супругов; д) это уничтожает мелкое распыление вечно несытого полового чувства, слишком часто пускаемого в ход, оздоравливает, насыщает наиболее сильными биологическими токами половую жизнь в целом; е) это великолепно содействует созданию здорового потомства, столь трагически сейчас страдающего как от чрезмерно истощенного полового аппарата отца, так и от половой нескладницы у матери (90% причин современной женской истерии именно в этом).

VI. Не надо часто менять половой объект. Поменьше полового разнообразия.

При выполнении указанных выше пунктов эта „заповедь“ и не понадобится, но обосновать ее следует все же особо:

а) поиски нового полового, любовного партнера являются очень сложной заботой, отрывающей от творческих стремлений большую часть их эмоциональной силы; б) даже при отыскании этого нового партнера необходима целая серия переживаний, усилий, новых навыков для всестороннего к нему приспособления, что точно также является грабежом прочих творчески-классовых сил; в) при завоевании нового любовного объекта требуется подчас напряженнейшая борьба не только с ним, но и с другими „завоевателями“, борьба, носящая вполне выраженный половой характер и окрашивающая в специфические тона полового интереса все взаимоотношения между этими людьми, — больно ударяющая по хребту их внутри-классовой спаянности, по общей идеологической их стойкости (сколько знаем мы глубоких ссор между кровно-идеологически близкими людьми на почве полового соревнования).

Но этого еще мало. Половое разнообразие увеличивает сумму половых потребностей, так как делает половой акт с новым партнером в первое время более приятным, т. е. и более к себе привлекающим, требующим более частых повторений, — но оно же и уменьшает и длительность этой новой приятности, требуя скорой замены новым и новым партнером. Чем чаще половой акт повторяется, тем скорее приедается половой партнер; чем чаще меняется половой партнер, тем скорее он приедается. Любители полового

разнообразия попадают в хитросплетенные сети бесконечно нарастающих половых раздражений и безвозвратно оставляют в этой сети как свое здоровое половое чувство, так и подавляющую часть своего классового творческого богатства (если не все). Привычно раздражающий и расслабляющий половой авантюризм засасывает, как наркотик, — он погубил не одного классового бойца.

Длительная половая верность как нельзя более кстати для психо-физиологии женщины. Женщина ищет себе, вообще, длительного жизненного спутника, хозяйственного помощника, воспитателя, совместно с нею, их детей. Она очень постепенно, далеко не сразу, приспосаблиется к своему половому партнеру, и частые перемены явились бы для нее лишь грубыми и бесплодными раздражениями, как физиологическими, так и моральными. Женья, — и героиня и „идеал“ рассказа Коллонтай „Любовь трех поколений“, — совсем не типична для здоровой в половом отношении женщины. Недаром отрешиваются от нее пролетарские девушки, фабричные работницы, когда их знакомят с этим „революционным половым идеалом“. Недаром Женья — интеллигентка насквозь, вымученная дочь и внучка двух, по горло запутавшихся в сексуальности интеллигенток же. „Любовников я меняю по настроению. Люблю только физически. Сейчас беременна. Не знаю — кто отец, да мне на это и наплевать“, — вот недвусмысленная „половая вера“ Жени. Хороши бы были наши девушки и женщины, которые последовали бы ее примеру! Куда подевали бы они своих детей от „неизвестных“ родителей (ведь государство опекает меньше 1% детей, и если 100% последуют „идеалу“ — Жене, — куда денутся дети?) — не говоря уже о том, что эта половая неразборчивость грубо противоречит здоровой женской физиологической организации. Недаром современная сексология причисляет большинство проституток к клиторному ¹⁾ типу, отличающемуся особой внешней раздражительностью половых органов. Женья, повидимому, страдает сатириазисом ²⁾ средней степени, о чем забыла, вероятно, упомянуть т. Коллонтай. Но сатириазис, ведь, это несчастье, болезнь, а никак не классовый идеал. Классе, кроме того, заинтересован, чтобы его смена рождалась от известных женщине отцов, он требует, чтобы женщина сознательно и по классовому ответственно выбирала отца своего ребенка. Женино презрительное „мне безразлично“ говорить лишь о грубом ее безразличии к путям дальнейшего развития борьбы пролетариата, к роли грядущей

1) Клитор — наружная часть половых органов женщины, наиболее чувствительная.

2) Сатириазис — болезненное перевозбуждение в половой области.

смены в этой борьбе (или о полном ее непонимании путей этой борьбы).

Но, быть может, природе мужчины свойственна непреодолимая любовь к половому разнообразию, к многоженству?

Научная био-психология сексуальности таких врожденных мужских свойств не знает. Половое разнообразие, многоженство — продукты определенных социальных отношений, и только. Многомужество в истории заменялось многоженством по линии хозяйственной целесообразности. Там, где многоженство узаконено (мусульмане), мы встречаем его лишь у богатых, и т. д., — поэтому не в мужской природе приходится его искать. Правда, большинство мужчин проявляют сейчас „вкус“ к половому разнообразию, но этот вкус принадлежит к густому слою нецелесообразных условных рефлексов (условных, т. е. благоприобретенных, а не врожденных: устранимых), вдавленных в человека современной нелепой эксплуататорской социальностью. Надо перестроить среду так, чтобы раздражители, питающие подобные условные рефлексy, исчезли.

Пролетарская революция уже перестраивает среду в этом направлении. Надо помочь революции.

VII. Любовь должна быть моногамной, моноандрической (одна жена, один муж).

Это отчетливо явствует из всего вышеизложенного, но, во избежание недоразумений, надо этот пункт выделить все же особо.

Нам могут указать, что возможно соблюдать все приведенные правила при наличии двух жен или мужей. „Идейная близость, редкие половые акты и прочие директивы совместимы, ведь, и при двумужестве, двуженстве“. — „Ну, представьте, что одна жена (муж) мне восполняет в идейном и половом отношении то, чего не хватает в другой (другом); нельзя же в одном человеке найти полное воплощение любовного идеала“. — Подобные соображения слишком прозрачная натяжка. Любовная жизнь двуженца (двумужии) чрезвычайно осложняется, захватывает слишком много областей, энергии, времени, специального интереса, — требует слишком большого количества специальных приспособлений, — вне сомнения, увеличивает количество половых актов, — в такой же мере теряет в соответствующей области классовая творческая деятельность, так как сумма сил, отвлеченных в стороны непомерно усложнившейся половой жизни, даже в самом блестящем состоянии последней, — никогда не окупится творческим эффектом. Творчество в таких условиях всегда проиграет, а не выиграет, — притом проиграет не только количественно, но и в грубом искажении своего качества, так как будет непрерывно отягощено избыточным и специальным половым, „любовным“ интересом.

Пишущий в своей достаточно большой психо-аналитической сексологической практике, часто сталкиваясь с яркими творческими личностями и объективно анализируя их психофизиологические процессы, ни разу не мог отметить усиления качества творчества от одновременного увеличения количества половых объектов. Ссылки на острую необходимость „восполнения“, разнообразия для усочнения творческого процесса ни на чем не основаны и вполне аналогичны с требованиями водки, кокаина и проч. Наркотики для пробуждения вдохновения, это — скверная, большая привычка, а никак не действительный механизм истинного творчества. Характерно, что как раз те виды творчества, которые наиболее тесно связаны с половой жизнью (лирическая поэзия, лирическая музыка, живопись и скульптура сладострастно обнаженных тел, — все это, между прочим, области достаточно мало нужные революционному, воюющему пролетариату) — от подобной половой усложненности тоже не выигрывают, за исключением разве грубо цорнографических произведений, для которых количество половых возбуждений, испытываемых автором, является непосредственным материалом к созданию определенного ударного впечатления.

VIII. При всяком половом акте всегда надо помнить о возможности зарождения ребенка, — и вообще помнить о потомстве.

Ни одно предупредительное средство, кроме грубо вредных, не гарантирует полностью от возможной беременности, — аборт же чрезвычайно вреден для женщин, — и потому половой акт должен застать обоих супругов в состоянии полного биологического и морального благополучия, так как недомогание одного из родителей в момент зарождения тяжело отражается на организме ребенка. Это же соображение, конечно, раз на всегда исключает пользование проституцией, так как возможность заражения венерической болезнью является самой страшной угрозой как для биологической наследственности потомства, так и для здоровья матери.

IX. Половой подбор должен строиться по линии классово, революционно-пролетарской целесообразности. В любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства и прочие методы специально полового завоевывания.

Половая жизнь рассматривается классом, как социальная, а не как узко личная функция, и поэтому привлекать, побеждать в любовной жизни должны социальные, классовые достоинства, а не специфические, физиологически-половые приманки, являющиеся в подавляющем своем большинстве либо пережитком нашего до-культурного состояния, либо развившиеся в результате гнилых воздействий

эксплуататорских условий жизни. Половое влечение само по себе биологически достаточно сильно, чтобы не было нужды в возбуждении его еще и добавочными специальными приемами. Так как у революционного класса, спасающего от гибели все человечество, в половой жизни содержится исключительно евгенические задачи, т. е. задачи революционно-коммунистического оздоровления человечества через потомство, — очевидно, в качестве наиболее сильных половых возбудителей должны выявлять себя не те черты классово-бесплодной „красоты“, „женственности“, — грубо „мускулистой“ и „усатой“ мужественности, которым мало места и от которых мало толку в условиях индустриализированного, интеллектуализированного, социализирующегося человечества. Современный человек — борец должен отличаться тонким и точным интеллектуальным аппаратом, большой социальной гибкостью и чуткостью, классовой смелостью и твердостью, — безразлично мужчина это или женщина. Бессильная же, хрупкая „женственность“, являющаяся порождением тысячелетнего рабского положения женщины и в то же время представляющая собою единственного поставщика материала для кокетства и флирта, — точно так же, как и „усатая“, „мускулисто-кулачная“ мужественность, больше нужна профессиональному грузчику или рыцарю до-ружейного периода, чем изворотливому и технически-образованному современному революционеру, — все эти черты, конечно, в минимальной степени соответствуют надобностям революции и революционного полового подбора. Понятие о красоте, о здоровье теперь радикально пересматривается классом-борцом в плане классовой целесообразности, и классово-бесплодные так называемая „красота“, так называемая „сила“ эксплуататорского периода истории человечества неминуемо будут стерты в порошок телесными комбинациями наилучшего революционного приспособления, наименее продуктивной революционной целесообразности.

Недаром идеалы красоты и силы в различных социальных слоях глубоко отличаются, и эстетика буржуазии, эстетика буржуазной интеллигенции далеко не импонируют пролетариату. Но у пролетариата нет еще своей эстетики, — она создается в процессе его победоносной классовой борьбы, и поэтому чудовищной ошибкой было бы, по пути формирования им методов нового классowego полового подбора, пользоваться старыми, отжившими, в смысле их классовой годности, приемами полового завлечения. Каково в классовом отношении будет потомство, созданное родителями, главными достоинствами которых, явившимися основными половыми возбудителями, были: бессильная и кокетливо-лиживая женственность матери, и „широкоплечая муску-

«лиственность» отца? Революция, конечно, не против широких плеч, но не ими, в конечном счете, она побеждает, и не на них должен строиться в основе революционный половой подбор. Бессильная же хрупкость женщины ему вообще ни к чему: экономически и политически, т.-е. и физиологически женщина современного пролетариата должна приближаться и все больше приближается к мужчине. Надо добиться такой гармонической комбинации физического здоровья и классовых творческих ценностей, которые являются наиболее целесообразными с точки зрения интересов революционной борьбы пролетариата. Олицетворение этой комбинации и будет идеалом пролетарского полового подбора.

Основной половой приманкой должны быть основные классовые достоинства, и только на них будет в дальнейшем создаваться половой союз. Они же определяют собою и классовое понимание красоты, здоровья: недаром не только понятие красоты, но и понятие физиологической нормы подвергаются сейчас такой страстной научной дискуссии.

Х. Не должно быть ревности.

Половая любовная жизнь, построенная на взаимном уважении, на равенстве, на глубокой идейной близости, на взаимном доверии, не допускает лжи, подозрения, ревности.

Ревность имеет в себе несколько гнилых черт. Ревность, с одной стороны, результат недоверия к любимому, человеку, боязнь, что тот скроет правду, с другой стороны — ревность есть порождение недоверия к самому себе, состояние самоуничтожения: „Я плох настолько, что не нужен ей (ему), и он (она) может мне легко изменить“. Далее, в ревности имеется элемент собственной лжи ревнующего: обычно не доверяют в вопросах любви те, кто сам недостоин доверия; на опыте собственной лжи они предполагают, что и партнер также склонен к лжи. Хуже же всего то, что в ревности основным ее содержанием является элемент грубого собственничества: „Никому не хочу ее (его) уступить“, что уже совершенно недопустимо с пролетарски-классовой точки зрения. Если любовная жизнь, как и вся моя жизнь, есть классовое достояние, если все мое половое поведение должно исходить из соображений классовой целесообразности, очевидно, и выбор полового объекта мною, как и выбор другим меня к качеству полового объекта, должен на первом плане считаться с классовой полезностью этого выбора. Если уход от меня моего полового партнера связан с усилением его классовой мощи, если он (она) заменил (а) меня другим объектом, в классовой смысле более ценным, каким же антиклассовым, позорным становится в таких условиях мой ревнивый протест! Вопрос иной: трудно мне самому судить

кто лучше — я или заменивший (ая) меня. Но апеллируй тогда к товарищескому, классовому мнению и стойко примиись, если оценка произошла не в твою пользу. Если ж тебя заменили худшим (ей), у тебя остается право бороться за отвоевание, за возвращение ушедшего (ей) — или, в случае неудачи, презирать его (ее), как человека, невыдержанного с классовой точки зрения. Но это, ведь, не ревность. В ревности — боязнь чужой, т.-е. и своей лжи, чувство собственного ничтожества и бессилия, животное-собственнический подход, т.-е. как раз то, чего у революционно-пролетарского борца не должно быть ни в каком случае.

XI. Не должно быть половых извращений.

Не больше 1—2% современных половых извращений действительно внутри биологического происхождения, врождены, конституциональны, — остальные же представляют собою благоприобретенные условные рефлексy, порожденные скверной комбинацией внешних условий, и требуют самой настойчивой с ними борьбы со стороны класса. Всякое половое извращение, ослабляя центральное половое содержание, отражается вместе с тем и на качестве потомства и на всем развитии половых отношений между партнерами. Половые извращения всегда указывают на грубый перетяг половой жизни в сторону голй чувственности, на резкий недостаток социально-любvных стимулов в половом влечении. Половая жизнь извращенного лишена тех творчески-регулирующих элементов, которые характеризуют собою нормальные половые отношения: требования все нового и нового разнообразия, зависимость от случайных раздражений и случайных настроений становятся у извращенного действительно огромными; трудность найти партнера, всецело удовлетворяющего потребностям извращенного, — боязнь потерять уже найденного партнера, сложность задачи извращенного приспособления его к себе (т.-е. фактически уродование партнера во имя своего удовольствия), частая ревность, приобретающая у извращенного необычайно глубокий и сложный характер, — все это накладывает печать особо глубокой половой озабоченности на творческий мир извращенного, постоянно уродуя его прочие душевные устремления.

Всеми силами класс должен стараться вправить извращенного в русло нормальных половых переживаний.

XII. Класс, в интересах революционной целесообразности, имеет право вмешаться в половую жизнь своих сочленов. Половое должно во всем подчиняться классовому, ничем последнему не мешая, во всем его обслуживая.

Слишком велик хаос современной половой жизни, слишком много нелепых условных рефлексов в области половой жизни, созданных эксплуататорской социальностью, чтобы революционный класс-организатор принял без борьбы

это буржуазное наследство. 90% современного полового содержания потеряло свою биологическую стихийность и подвергается растлевающему влиянию самых разнообразных факторов, из-под власти которых необходимо сексуальность освободить, дав ей иное, здоровое направление, создав для нее целесообразные классовые регуляторы. Половая жизнь перестает быть „частным делом отдельного человека“ (как говорил когда-то Бебель, но он, ведь, жил не в боевую эпоху пролетарской революции, не в стране победившего пролетариата) и превращается в одну из областей социальной, классовой организации. Конечно, далеко еще сейчас до действительно исчерпывающей классовой нормализации половой жизни в среде пролетариата, так как недостаточно ясно еще изучены социально-экономические предпосылки этой нормализации — много фетишизма имеется еще и в биологическом толковании полового вопроса. Попытки жестокой половой нормализации сейчас, конечно, привели бы к трагическому абсурду, к сложнейшим недоразумениям и конфликтам, — но все же общие вводные вехи для классового выправления полового вопроса, для создания основного полового направления — имеются.

Чутким товарищеским советом организуя классовое мнение в соответствующую сторону, давая в искусстве организующие ценные художественные образы определенного типа, — в случаях слишком грубых вмешиваясь даже и профсудом, нарсудом, и так далее, и так далее, — класс может сейчас дать основные толчки по линии революционного полового подбора, по линии экономии половой энергии, по линии социализирования сексуальности, облагораживания, евреинирования ее. Чем дальше, тем яснее сделается путь в этом вопросе, тем тверже и отчетливее, детальнее сделаются требования класса в отношении к половому поведению своих сочленов. Но он будет не только предъявлять требования, он будет строить и обстановку, содействующую выполнению этих требований. Мера его требований будет соответствовать возможностям новой обстановки, новой среды, степени ее зрелости и силы. Бытие определяет сознание.

Половое должно всецело подчиниться регулирующему влиянию класса.

Соответствующая этому обстановка уже формируется.

Конечно, нашими „12 заповедями“ совершенно не исчерпываются все нормы полового поведения революционного пролетариата. Автор лишь ставит вопрос в первоначальном его виде, пытается фиксировать первые вещи. Он старается при этом последовательно держаться указанных

выше трех критериев для классово-целесообразного полового поведения пролетариата: 1) вопрос о потомстве; 2) вопрос о классовой энергии; 3) вопрос о взаимоотношениях внутри класса. Одной из предпосылок ему служило между прочим и то соображение, что в переходный период революции семья еще не погибла. Здоровое революционное потомство, при максимально продуктивном использовании энергии и при наилучших взаимоотношениях с другими товарищами по классу, осуществит лишь тот трудящийся, кто поздно начнет свою половую жизнь, кто до брака останется девственником, кто половую связь создаст с лицом, ему классово-любовно близким, кто будет скупиться на половые акты, осуществляя их лишь, как конечные разряды глубокого и всестороннего социально-любовного чувства, — и т. д. и т. д. и т. д. Так мыслится автору „половая платформа“ пролетариата.

Я слышу грубые протесты, крики возмущения, озлобления, недоумения. „Как — автор хочет сложнейшую, красивейшую, яркую диалектику половой жизни, с ее богатой красотой красок, с ее бездной противоречий и неожиданностей, с ее зияющими и неизбежными провалами и стихийными потрясениями, с ее захватывающими подъемами, вложить в выхолощенные нормы мещански-скромной скупости, бесцветности, однообразия, творческой нищеты? Мощный, стихийный инстинкт полового подбора он хочет заменить нарочитой целевой нормализацией, надуманными указаниями половых образцов. Наш революционный идеал свободной, раскрепощенной от буржуазного ханжества, любви он подменяет новыми оковами, новым рабством, новым ханжеством, но уже под революционно-пролетарской этикеткой, произвольно им к этому позорному делу приклеенной. Автор хочет лишить нас, и без того обездоленных, нищих, хмурых, и той небольшой крупицы радости, которую еще способна нам давать современная любовь“.

— Поспокойнее, уважаемые, но слишком сердитые критики. Еще Ницше и Фрейд говорили, что труднее всего столкнуться по половому вопросу: уж очень в нем сейчас много субъективизма, притом самого страстного, т. е. самого пристрастного субъективизма. Без надлежащего спокойствия, действительно, столкнуться будет очень трудно.

Сначала о так называемой „свободной любви“. Запомните, т. т. критики, одну неопровержимую истину: чем больше свободной торговли, тем меньше свободной любви. Самым бессмысленным было бы разрешение сейчас полового вопроса в духе так называемой свободной любви. Трудовое государство находится в состоянии нищеты. Семья еще необходима дозарезу, — общественных ясель, детских домов, кухонь и прочего до без-

образия мало. Женщины, дети зависят в 90% от домашнего очага, и потому мечтать о „порханиях“ с одного любовного кустика на другой, по меньшей мере, выражаясь мягко, преждевременно. Это — с одной стороны.

С другой стороны, свободная любовь, т.е. полное доверие общества к свободному любовному выбору его членов, предполагает такое состояние развития коллектива, коллективистических чувств, до которого нам как будто еще очень далеко — и производственно и психологически. Современная человеческая психо-физиология, насквозь пропитанная гнилой социальностью, если ей предоставить свободу любви, натворит таких гнилых гадостей в этой „свободной атмосфере“, от которых долго освобождаться придется потом при помощи жесточайшей половой диктатуры. В условиях же зрелого коллектива, т.е. в коммунистическом строе, люди, полностью переплавившись в огне революционных боев, коллективизированного производства, идеологического единства, радикально изменят весь свой психо-физиологический облик, — и та свободная любовь, которую они создадут, ничуть не будет похожа на ту „свободную любовь“, которую пытаются насаждать мои сердитые критики. Наоборот, я имею все научные основания утверждать, что в грядущей коммунистической свободной любви будет гораздо больше половой скромности, половой верности, скупости, любовно-товарищеской половой классовости и организованности, чем этого хотелось бы слюнтяво-похотетствующим ярым ревнителям сегодняшней свободной любви.

Теперь несколько слов об „ограбленных“, о выхолощенных моими нормами человеческих радостях. Всякая радость, в классовом ее использовании, должна иметь какую-нибудь ценную производительную цель. Чем крупнее эта радость, тем полнее должна быть ее производственная ценность. Какова же производственная ценность всей огромной суммы современных „половых радостей“ человека?

Эта ценность на добрых $\frac{3}{4}$ чисто паразитическая. Органы чувств, не получая должных впечатлений в гнилой современной среде, — движения, не получающие должного простора, — социальные инстинкты, любознательские стремления, сдавленные, сплюснутые в хаосе нашей эксплуататорской и после-эксплуататорской современности, — отдают всю оставшуюся неиспользованной свою энергию, весь свой свободный двигательный фонд, свою излишнюю активность единственному резервному фактору — половому, который и делается героем дня, пауком поневоле. Отсюда, раннее пробуждение сексуальности, отсюда ранний разгул ее по всем отраслям человеческого существования, отсюда наглое ее пропитывание всех пор человеческого быта, даже науки. Культивировать это паучье бытие нашей сексуаль-

ности, — неужели такой уж большой будет толк от этого для революционной, предкоммунистической культуры? Не лучше ли вернуть ограбленным обратно их добро, не лучше ли, „ускромнив“, „усерив“, „повыхолостив“ разбухшую сексуальность соответствующими твердыми воздействиями (классовый противополовой насос, революционная сублимация) — выжать, отсосать из него обратно ценности, похищенные им у организма, у класса? Советские условия этому максимально содействуют.

Сколько нового, непосредственного, не увлажненного половым вожделением, — яркого, героического, коллективистического, боевого классового устремления получит тогда человек! Сколько острой научной исследовательской, материалистической любознательности, не прикованной больше к одним лишь половым органам, получит тогда человек! Неужели эти радости менее радостны, чем половая радость? Неужели производственная ценность их меньше, чем ценность тщательно оберегающегося от беременности полового акта или половой грезы? Тем более, что по праву это богатство, и социально и биологически, принадлежит не половому, — оно лишь было последним украдено в обстановке нелепой эксплуататорской энергетической суматохи.

Несколько слов о „мощной стихийной половой диалектике“ и о невмешательстве в половой подбор. Если научно нормализуют половой подбор прочих животных и растений, чем современный человек их лучше? Тем более, что именно он, исковерканный, прогнивший, нуждается в коренной реорганизации этого подбора сильнее какого бы то ни было иного животного вида. Что же касается вообще половой нормализации, — чем же она более ответственна и научно менее осуществима в сравнении с нормализацией такого, кажется, тоже достаточно мощного инстинкта, как инстинкт питания (а тот, ведь, нормализуется сейчас все более прочно, хотя он биологически гораздо меньше искажен, чем так называемый половой инстинкт).

Проповедует ли автор аскетизм „классовых святош“? Агитирует ли автор за воспитание отвращения к половому? — Нет, нет и нет. Он лишь водворяет половое на научно и классово ему принадлежащее место. Он извлекает из полового лишь ту часть радости и классовой пользы, которая сейчас действительно нужна и осуществима. Вместе с тем, с полового снимается излишняя накипь ненужного, но неизбежного при старой постановке вопроса полового трагизма, стоившего столько слез и столько сил человечеству.

Конечно, эта „реформа“ удастся не сразу. Она будет стоить тяжких трудов. Но какой производственный прогресс удавался без жертв. Человечество, тем более революционный его авангард — пролетариат, привыкло к жертвам.

Советская общественность как нельзя более благоприятствует нашей радикальной реформе полового поведения, — из нее мы и исходим при построении наших вех.

Если буржуазный строй создавал у господствующих колоссальный биологический избыток, уходивший в значительной своей части на половое возбуждение, а с другой стороны, — сплющивал трудовые массы, выдавливая крупную часть неиспользованной их творческой активности тоже в сторону полового, — советская общественность обладает как раз обратными чертами: она изгнала тунеядцев с биологическим избытком и развязала сдавленные силы трудовых масс, тем высвободив их и из полового плена, дав им пути для сублимации. Сублимационные возможности советской общественности, т.е. возможность перевода сексуализированных переживаний на творческие пути, чрезвычайно велики. Надо лишь это хорошенько осознать и умеючи реорганизовать сексуальность, урегулировать ее, поставить ее на должное место. В основном, конечно, это зависит от скорости творческого углубления самой советской общественности, т.е. нашей социалистической экономики в первую голову, — но и для специальной активности — широчайший простор.

В самом деле, какое огромное десекуализирующее значение (отрыва от полового) имеет полное политическое раскрепощение женщины, увеличение ее человеческой и классовой сознательности. Приниженность и некультурность женщины играет очень крупную роль в сгущении половых переживаний, так как для женщин в таких условиях половое оказывается чуть ни единственной сферой духовных интересов. Для грубо чувственного же мужчины такая бессильная женщина особо лакомая добыча. Освобожденная, сознательная женщина изымает из этого слишком „богатого“ полового фонда обоих полов крупную глыбу, тем освобождая большую долю творческих сил, связанных до того половой цепью.

Огромное десекуализирующее же, сублимирующее значение имеет и общее творческое раскрепощение трудовых масс С.С.С.Р., все сдавленные силы которых, уходившие и на излишнее питание полового, сейчас получают свободу для делового, производственного, общественного выявления. Сюда же надо отнести и раскрепощение национальностей и прочие завоевания революции в деле освобождения масс от эксплуататорского ярма. Большое значение имеет и отрыв населения от религии. Религия, пытаясь примирить со скверной реальностью, уничтожала боевые порывы, принижала, сдавливая ряд телесных и общественных стремлений, сплющивая тем самым большую их часть в сторону полового содержания.

Умирающая религия масс ослабляет их половое прозябание, возрождает их боевые свойства (хотя религиозные проповедники и лгут об обратном: без религии — де появится половая разнузданность).

Много полового дурмана плодили и отвлеченщина нашей старой интеллигенции. Чем сильнее отрыв от боевой реальности, тем больше в ней внереальной фантастики, т.е. больше и половой фантастики. Прикрепленная сейчас к советской колеснице жестко-практического строительства, наиболее социально здоровая часть старой интеллигенции перевоспитывается, теряя кусок за куском и лишняя половой свой груз, — не говоря уже о том, что она постепенно все более настойчиво замещается вновь растущей, вполне материалистической, рабоче-крестьянской интеллигенцией.

Детское коммунистическое движение будет спасать от раннего полового дурмана детский возраст (а не оно ли продукт нашей Октябрьской революции) и т. д. и т. д.

Очевидно, для организованной перестройки половых норм сейчас самое время. Наша общественность позволяет начать эту перестройку, требует этой перестройки, жадно ждет тех творческих сил, которые освободятся от полового плена после этой перестройки. Имеет ли право истинный друг революции, истинный гражданин С.С.С.Р., возражать против оздоровления сексуальности?

Но как начать, как провести эту „половую реформу“?

Конечно, сейчас не может быть и речи о государственном законодательстве, нормализующем половую жизнь граждан С.С.С.Р. Не может быть таких формальных норм ни по партийной, ни по профсоюзной линии. Кроме паники, сумбура, нелепых кривотолков, такая мера ни к чему сейчас не привела бы, так как ни зрелых социальных предпосылок нет для полного ее осуществления, ни стойких научных приемов для ее проведения. Речь может идти лишь по линии первичного практического нащупывания путей этой реформы в массах, при чем методическими щупальцами, сколько бы об этом ни спорить, в конечном счете окажутся как раз те вехи, которые были даны автором выше. В действительных трудовых массах вехи эти найдут для себя вполне прочную опору, — протестантами окажутся либо аристократическая верхушка трудящихся, либо та же интеллигенщина.

Требуется почин, пример, показательность. Застрельщиком в половом оздоровлении трудящихся и всего человечества, как и во всем прочем, должна быть наша красная молодежь. Воспитанная в героической сублимирующей атмосфере нашей революции, начиненная яркими классовыми творческими радостями — так, как никогда молодежь до нее

не начиналась, она легче отделается от гнилой половой инерции эксплуататорского периода человеческой истории. Именно она обязана быть энергичным пионером в этой области, показывая путь младшему поколению — своей смене.

Среди пестрой и жаркой дискуссии, которая ведется сейчас нашей красной молодежью, среди самых разнообразных, отчасти нелепых половых идеалов — в стиле хотя бы Колонтаевской Жени или в аскетическом духе — по Толстому, — начинает все более отчетливо пробиваться струйка классового регулирования полового влечения, струйка научно организованного, революционно-целесообразного, делового подхода к половому вопросу. Нет никакого сомнения, что струйка эта будет неуклонно нарастать, впитывая в себя все наиболее здоровые революционно-идеологические искания молодежи в области пола.

Кое-где отдельные, смелые, крепкие группы пытаются уже связать себя определенными твердыми директивами в области половой жизни. Кое-где, показывая пример другим своим поведением, они пытаются обратить внимание и прочих товарищей на половые непорядки, творящиеся вокруг. Иногда, в контакте с бытовыми и НОТ'овскими местными ячейками или в тесной связи с партячейкой, с ячейкой комсомола, они пробуют нащупать и метод практического воздействия на слишком грубо нарушающих классовую равнодействующую в области пола. Напряженно ищет в этой области и наше революционное, пролетарское искусство.

То и дело профсуд, партколлегия, контрольная комиссия прорезают общественное внимание сообщением, что грань половой допустимости кончается там-то, и молодежь мотает это сведение себе на ус, используя его в случае стратегической необходимости — для пресечения слишком разнужданных порывов вокруг. Так — постепенно, снизу, энергичными исканиями накапливается опыт, формируется система деловых правил. Автор не сомневается, что система половых норм, создающаяся этой массовой практикой, нащупываемой снизу, в основном целиком совпадает с данной им выше схемой. Возможны, конечно, изменения в деталях, добавления, варианты, но схема и не претендует на исчерпание всей проблемы, она лишь пытается дать направление.

Наши дети, — пионеры, — вот первые, которые сумеют довести дело полового оздоровления до действительно серьезных результатов. С них и надо начать.

Еще несколько слов об обязанностях красной молодежи в половой области. Ей многое дано, а потому с нее много и спросится. Октябрьская революция была выстрадана героическим большевистским подпольным кадром, потянувшим за

собою массы, давшим колоссальное количество тяжелых жертв пролетарскому благу. Это героически-революционный фонд, которым питается и еще долго будет питаться разворачивающаяся, идущая вглубь пролетарская революция. Какой героический фонд в революцию внесла наша молодежь? Пока она, конечно, многого еще не могла успеть и по возрасту, но, во всяком случае, ближайшие возможности ее боевых героических накоплений не так велики, — революция ведь вступила на несколько лет в сравнительно мирную полосу. Поэтому не грех, если в состав героического, жертвенного революционного фонда среди других частей этого фонда молодежью будет также внесен и богатый вклад половой скромности, половой самоорганизации. Это оздоровит наши нравы, это поможет нам сформировать крепких, творческих насыщенных классовых борцов, это позволит нам родить здоровую новую революционную смену, это сбережет уйму драгоценнейшей классовой энергии, которой и без того непродуктивно утекает слишком много, по неумению нашему.

Для того, чтобы строить, нужно научиться организованно копить ¹⁾).

Р. С. „Что же, однако, пролетарско-классового в этих нормах полового поведения“?, — скажет суровый критик. — „Да разве буржуазия требовала многоженства, разврата, ревности? Да разве она своею моралью не требовала того же полового целомудрия, скромности?“

— Так, да не так. На словах требовала, а на деле эти требования были для нее и для зависящих от нее слоев совершенно неосуществимы в строе буржуазного господства, в строе паразитирования большей части человеческой энергии. Поэтому, вопреки этим теоретическим нормам — половая практика буржуазного общества, его половые рефлексы, его половая инерция выявляют действительное содержание, диаметрально противоположное благим пожеланиям буржуазии. Эта половая инерция перекинулась, однако, и в другие слои, зависящие от буржуазии, — стала и их практикой. Поэтому, так как в государстве господства трудящихся социальное бытие складывается по-иному, — другой должна быть и половая практика. Об этом надо вспомнить, этому надо помочь, — в этом и заключается наше классовое обязательство.

Указанные выше нормы и являются кратчайшим путем, на котором освободившийся пролетариат действительно осуществит свое половое оздоровление, — конечно, при соответ-

¹⁾ О прочих нормах гигиенического поведения, в приложении к нуждам пролетарской молодежи, подробно сказано в нашей книге: „Революция и молодежь“ (изд. Свердлов. универс.), — особенно в очерках: 1) умственная гигиена, 2) неврозы коммунистического студенчества.

ствующих, благоприятствующих экономических, общесоциальных предпосылках — но это само собой подразумевается. Однако, ведь хорошо налаживаемая часть той или иной надстройки содействует и скорейшему укреплению базиса. Тем глубже наша классовая ответственность. В частности, — понятно, далеко не все указанные выше наши нормы даже принципиально приемлемы для буржуазии, так что говорить о „классовости“ этих норм у нас тем более прав. Половой сверхиндивидуализм буржуазии, и наша классовая регуляция половой жизни, наша ориентация на классовый половой подбор — вещи разные.

Половой вопрос и советская педагогика.

Острота, размах вопроса. Половой вопрос принадлежит к числу наиболее острых, наиболее актуальных вопросов педагогической теории и практики. В зависимости от того, как он теоретически рассматривается и практически прорабатывается, могут быть радикальнейшим образом перестроены архитектура и содержание всего педагогического процесса.

Проблемы детской одаренности, детских интересов, творческих стремлений детей чрезвычайно обостряются и усложняются, в зависимости от вторжения в них того или иного полового материала.

Проблемы детской и взрослой психопатологии, по мнению крупнейших современных специалистов, подавляющую часть своего фонда черпают из сексуальной дезорганизации, накопившейся в период вызревания детского организма ¹⁾. На половом вопросе резко заостряется проблема школьного внимания ребенка, его педагогической активности, — направленность и объем работы памяти, — в связи с теми раздражителями, которые вносятся в психическую жизнь детей половым фактором.

Проблема общебиологической устойчивости детей, в связи с переходным возрастом, заостряется также на половом вопросе: повышенная общая хрупкость детей в этой стадии развития их организма, обостренная эмоциональная возбудимость, увеличенная заболеваемость в самых различных областях их биологического бытия, черпает себе основное топливо, по мнению медицины, из полового момента ¹⁾.

Недаром так сильно интересовалась всегда этика, религия половым вопросом, уделив ему целую серию соответствующих правил. Нарастающее детское мирозерцание, отклонения ребенка в сторону тех или иных нравственных исканий, — противорелигиозные или, наоборот, религиозные его устремления — зачастую одним из руководящих, определяющих моментов своих имеют половую эволюцию ¹⁾.

¹⁾ Точка зрения автора на действительные причины этого изложена ниже.

Вполне очевидно, что то или иное практическое разрешение полового вопроса, та или иная идеологическая расшифровка половой проблемы, тот или иной воспитывающий подход к половой области может радикально переключить всю базу педагогической работы.

Половой вопрос и история куль- туры.

Ницше как-то выразился: „Человек пропитывается половым содержанием весь мир“. Но мы знаем рядом с этим и другое, — мы знаем, что человек есть животное социальное; социальность, общественность — наиболее специфическая его черта. Поэтому, если почему-либо именно в его жизни так резко выпятилась половая проблема, надо искать под этим социальные корни.

По существу, половая сущность человека есть не что иное, как разновидность его социальной сущности. В самом деле, заглянув в историю, в социальную историю человека, — и, вместе с тем, на фоне общей его эволюции, познакомившись также и с половой его эволюцией, — мы увидим, что половое есть проекция, тонкое отражение человеческого развития и человеческой истории в целом ¹⁾.

Простые, непосредственные, общественные отношения эпохи первобытного коммунизма проявляют себя и в элементарном, питающемся одним лишь инстинктом, половом влечении. Наоборот, эпоха „культуры, цивилизации“, связанная с чрезвычайным обострением и усложнением общественных отношений, определяет собою и в половых переживаниях человека чрезвычайную их усложненность, противоречивость, дезорганизацию.

Общественные классы, идущие к производственному упадку, паразитирующие, вырождающиеся, характеризуются особой пресыщенностью, развинченностью в половой области (древний Рим) — и, наоборот, классы новые, пробивающиеся к власти, производственно ценные, здоровые, вносят оздоровляющее содержание и в половые свои проявления (вспомним борьбу буржуазии за право на здоровую половую жизнь во времена Ренессанса ²⁾).

Периоды социальной реакции, периоды подавления революционной борьбы отличаются перемещением творческой энергии в сторону половых интересов (например, хотя бы наши 1907 — 1910 г.г.) и, наоборот, этапы революционных взрывов сопровождаются колоссальным отвлечением половой энергии в сторону общественной актив-

¹⁾ Автор ни в малейшей степени не претендует здесь на детальный марксистский анализ половой проблемы — на фоне истории семьи и пр. Задача его узка — половой вопрос в детстве.

²⁾ Типичен в этом смысле, как указано выше, хотя бы „Декамерон“ Боккаччо.

ности. Лучшая иллюстрация последнему — пуританская сексуальная скромность, поразительная сублимация ¹⁾, констатируемая рядом специалистов у активной части нашего революционно-коммунистического авангарда, особенно в боевые стадии революции.

Следовательно, связь содержания половой проблемы, связь половых переживаний с определенной общественной средой не подлежит никакому сомнению. В разных социальных условиях половой вопрос перекраивается по-новому, при чем это всегда происходит стихийно, так как и вся классовая общественность стихийна. Однако, в условиях советской общественности, в стране победившего пролетариата, пытающегося заменить экономический хаос плановой организацией производства, недопустима стихия вообще, — недопустима тем самым и стихийная перекройка половой проблемы. В этот процесс, который уже начался (не может же такой социально чуткий барометр, каким является половая жизнь, остаться нейтральным в атмосфере потрясающей общественной катаклизмы родившейся в октябре 1917 года), и начался стихийно, — необходимо немедленно вмешаться, вмешаться целой серией организующих мероприятий.

Половой вопрос и современность. Вполне очевидно, что если мы перестраиваем социальную среду, если мы неустанно углубляем социальную революцию, радикальная организованная перекройка должна пойти и по линии пересмотра полового вопроса. Перестраивающаяся этика, вновь создающиеся русла для творческих устремлений должны найти в себе определенное место и для полового фактора, — иначе он сам отыщет себе это место, далеко не по пути наших желаний. Знаем же мы гнилородную роль сексуальности в буржуазной культуре.

Вполне очевидно, что в половой области неминуемо должен быть произведен радикальный переворот, как в смысле новой расшифровки социально-биологических корней половой жизни, так и, в первую голову, в педагогическом разрешении этой, пока еще столь трагической, проблемы. Педагогика, социальное воспитание детворы, этого нашего революционного наследства, в первую голову отвечает за правильное решение полового вопроса в интересах советской общественности.

Как же наша революционная современность, наша современная революционная педагогика на протяжении семи лет революции реагировала на те неизбежные социальные катаклизмы, которые должны были прорваться

¹⁾ Перевод половой энергии на творческие процессы. Ниже понятие сублимации будет расширено.

и в область полового вопроса? — Никак! Если внимательным образом проштудировать всю литературу по теоретической и практической педагогике, которая появилась в связи с нашей революционной общественностью, в связи с новыми задачами революционного воспитания, — в этой литературе нет даже подобия попытки нового научного обоснования или новых практических исканий в области половой проблемы. Педагогическая литература, педагогический опыт в целом, судя по имеющимся материалам, на половой вопрос по-новому не реагировали. Это не голословное утверждение.

Анализ вышедших за эти годы сборников и отдельных статей, посвященных сексуальной педагогике, открывает в них только механическое повторение старых западно-европейских истин, исключительно по линии „биологического“ разрешения половой проблемы, без малейшего учета того достаточно убедительного и вполне нового своеобразия, которое создано нашей новой социально-биологической советской действительностью.

По существу весь научный материал в этом вопросе остался тем же, неизменным, до-революционным. Качественно наша новая общественность на педагого-сексуальной литературе ничем не отразилась.

Нам возразят, указав, что современность отражается в сексологической литературе хотя бы в том, что издается и приобретает популярность полное собрание сочинений З. Фрейда, которое в условиях буржуазной, ханжеской культуры подобного распространения не получило бы. Не есть ли это на самом деле знамение времени? Фрейд, поскольку он является революционером в области сексуальной проблемы, не отражает ли он тем самым и социальные наши катаклизмы? — К сожалению, нет. — Фрейд, в „чистом“ его виде, — революционно, социально-педагогически полностью использован быть не может¹⁾. Его учение должно быть ~~исправлено~~ самым серьезным, самым глубоким образом. Фрейдовская литература, которая сейчас издается, представляет собою „чистого Фрейда“, без попыток революционно-марксистской его критики. Знамение времени является, пожалуй, то, что нет ханжеского отношения к Фрейдовской литературе, но этого мало, понятно, для того, чтобы считать Фрейда действительным сексологическим отражением нашей современной общественности...

Вместо этого, кстати, как сейчас прорабатывается в связи с новыми социальными условиями, нашей молодежью

¹⁾ См. нашу книгу „Очерки культуры революционного времени“ (издательство „Работн. Просвещения“, 1924 г.), а также статью нашу о Фрейде в журнале „Красная Новь“. 1924 г. кн. 4, печатается сейчас отдельной брошюрой.

новая этика. Партия, Комсомол, Профсоюзы, Комвузы и пр., пытаются строить элементы нового быта, зародышевые частички новых общественных навыков. И в эту область, конечно, нагло врывается также и сексуальность, как один из основных столпов этики, — но оформления, самоопределения в этом вопросе даже у нашей наиболее общественно свежей молодежи пока еще нет и в помине, — нет даже и первоначальных вех.

Следовательно, проблема, которая сейчас стоит перед нами, не имея для своей разработки предшествующего опыта, чрезвычайно осложняется.

Вехи для пересмотра полового вопроса.

Первым долгом надо наметить общие перспективы для постановки самого вопроса о новом сексуальном уклоне. Вполне очевидно, что в наших социальных условиях механически, по линии инерции, повторять зады, ставить половую проблему по-старому, — нет никакой возможности. Надо ее пересмотреть заново, в свете новой общественности, новых нужд, новых возможностей; не только новых социальных нужд и возможностей, но и новых биологических нужд и возможностей, так как социальная среда определяет собою и биологическую эволюцию человека. Человеческий организм — глубоко пронизанный общественными элементами. Поэтому, в условиях новых общественных влияний на организм, нужно заново пересмотреть все то, что исчерпывала собою до сих пор так называемые „научно-биологические“ сведения о сексуальности, и лишь после этого получаем мы возможность пересмотреть половой момент в области этики, в педагогике и т. д. Если в процессе этого пересмотра мы наметим хотя бы первичные новые практические вехи, это будет действительным началом нашей новой воспитательской рецептуры. Конечно, нам еще очень далеко до исчерпывающей, готовой практической рецептуры в этом вопросе, — его, повторяю, приходится ставить совсем заново.

Нужно пересмотреть половой вопрос с биологической стороны, с социологической стороны и, наконец, со стороны педагогической-практической, вот три основных пути для переработки полового вопроса.

Какова же будет биологическая перерасшифровка полового вопроса? К величайшему нашему счастью (это счастье, конечно, для марксиста не является неожиданностью), оказывается, что, параллельно с социальной революцией, перекраивающей общественные ценности, параллельно с ней и за нею следом, — радикально перекраивается также и методология науки, револю-

ционизируя все те представления о жизни, которые существовали прежде. В целой серии научных отраслей, как бы отдельные ученые ни причисляли себя к политической контрреволюции, как бы они ни относились отрицательно к развращающейся пролетарской революции, — история неумолимо обязывает их переработать научные вопросы в плане новой общественной целесообразности.

В частности, передовая новейшая биология развивается сейчас именно в таком направлении, что марксизму удается ее полностью использовать для ряда своих нужд, в том числе и для перекройки взглядов на сексуальность.

Первое, что мы используем в современной биологии, — это учение о рефлексах, созданное Сеченовым и углубленное, вернее, заново проработанное Павловым. Это учение, если связать его с явлениями социальной жизни, показывает, что вместе с резко и быстро меняющимися условиями социальной среды (а социальная среда, как мы знаем, меняется сейчас и быстро и резко), ломаются также и старые навыки организма, ломается устоявшийся его наследственный порядок. Так называемый безусловный опыт¹⁾ организма становится постепенно все менее и менее исчерпывающим в смысле его значения для приспособления, и, наоборот, на авансцену человеческого организма выплывают новые навыки, порожденные новыми условиями, все более обязывающими организм к созданию свежих приспособлений (условные рефлексy).

Это учение об условных и безусловных рефлексах открывает плодотворнейший путь для биологического пересмотра всякой проблемы, касающейся человека, в том числе, конечно, и для сексуальной проблемы.

Вторым серьезнейшим подспорьем для биологического пересмотра человека, в частности, для анализа его полового содержания является учение Фрейда, которое, несмотря на все изъяны, если критически к нему отнестись и отфильтровать ценное, окажет колоссальную услугу нашей работе.

Вот два орудия, оперируя которыми мы попытаемся провести исчерпывающую биологическую ревизию полового вопроса в духе новой общественности.

Но половую проблему нам следует пересмотреть и в социологическом разрезе. Если человеческий организм — отражение социальности, если раздражители, возникающие в общественной среде, перекраивают по-новому содержание половых переживаний (см. выше наши исторические экскурсы), надо внимательно разобратъся в этих раздражителях. В чем разница между старой и новой социальностью, — какие половые навыки,

¹⁾ Безусловные рефлексy.

созданные прежней средой, надо уничтожить, и какие новые социальные раздражители нам следует выделить особо для культивирования нужных нам новых половых навыков?

Что половой аппарат представляет собой в этом вопросе чрезвычайно социально чуткий барометр, подтверждается еще и следующим обстоятельством: резко сейчас осложняющаяся человеческая общественность срывает последние частички инстинктивного и биологически ритмического с половой функции, отрывая ее от задач размножения, от условий питания, от времен года (как это, наоборот, имеет место у прочих животных), и превращая ее в элемент самодовлеющего наслаждения, питающегося всем многообразием окружающей человека общественности. Итак, требуется, следовательно, и социологический пересмотр сексуальности.

Наконец, третий пересмотр половой проблемы предстоит нам в плоскости новых задач, поставленных нашей революцией перед воспитанием. Поняв организм, поняв среду, мы однако, еще не знаем, куда надо направить формирование полового содержания, если при этом нам неизвестны общие цели воспитания. Цели же воспитания у нас в С.С.С.Р. — новые, диктуемые классовым строением государства и власти. Очевидно, это должно быть всесторонне учтено при проработке полового вопроса. Половой материал человека должен быть использован нашим воспитанием именно так, как это необходимо в интересах советского государства.

Биологический пересмотр полового вопроса.

В чем же будет заключаться биологический пересмотр сексуальной проблемы? В этом вопросе, как уже сказано, будем опираться на две основные методологические линии, на два революционных биологических учения: Фрейда и Павлова.

Учение Фрейда необходимо при этом серьезно исправить, внести в него ряд новых оттенков, но от методологических основ его, хорошо расшифрованных, отказаться нельзя. Пресловутая вездесущая сексуальность вовсе не является основой гениального учения Фрейда о психо-физиологическом аппарате, но и в отношении сексуального вопроса Фрейд создал все же чрезвычайно много незаменимо ценного, что и должно быть внимательно использовано. Вообще, используя то или иное учение, нам сплошь и рядом придется уклоняться от чистых понятий той или иной существующей теории, по пути, в интересах практики и объективной истины, исправляя, дополняя последние хотя бы и помимо согласия их творцов. Наше право — отмежеваться от ненужных нам элементов той или иной, в общем ценной, научной теории.

Сексуальность есть функция как бы надличная, связанная с заинтересованностью не одного лишь данного организма в своем сохранении, так как фактически она содержит в себе активное орудие продолжения всего рода. Сексуальность функция как бы сверхличная. Эта „надличность“, „сверхличность“, конечно, ничего общего не имеет с мистикой, с телеологией; ею лишь констатируется факт, что ради полового влечения или ради детей животные и люди зачастую идут на гибель. Половая функция, начавшись от деления простейших, — очень древняя функция.

Мы знаем, однако, что наиболее древние функции организма являются и наиболее устойчивыми, имеют наиболее глубокие сочные корни в данном организме; с другой стороны — они же и субъективно наиболее ярко себя проявляют, так как субъективный фон функции обычно, в нормальных случаях, соответствует ее биологической прочности. Очевидно, что половая функция, как функция, которая иногда является более субъективно значимой, чем даже функция самосохранения, должна иметь в организме достаточно яркое отражение, пропитывая своими элементами самые разнообразные части психо-физиологического аппарата. Это первая предпосылка для определения места сексуальности в общей биологии.

Далее мы знаем, что органы тела, в том числе, очевидно, и половые органы, не появляются внезапно, готовыми, зрелыми. Если половая функция является древней, необходимой, первоочередной, если на протяжении сотен тысячелетий развития рода мы встречаем все ту же половую функцию, очевидно, и она разворачивается и сподволь, параллельно эволюции прочих функций данного организма, постепенно углубляясь, усложняясь, вызревая, вплоть до того своего содержания, которое характеризует собой уже зрелый половой аппарат. Половая функция не приходит, повторяем, внезапно, — мы можем отметить длительнейшие подготовительные стадии до полного вызревания ее в данном организме. Половая функция рождается в начальных своих элементах одновременно с рождением самого организма, так как последний с первого же этапа своего бытия имеет все потенции, все необходимое для дальнейшего своего развития.

В дальнейшей эволюции организма неуклонно разворачиваются и все первичные элементы будущего сексуального фонда. Половой аппарат длительно растет, как функция, задолго до того, пока нам удастся увидеть его уже готовым, в виде системы вполне анатомически зрелых половых органов.

Далее — не надо думать, будто половые процессы „изолированы“ в организме, будто существует особый голый,

„резко изолированный“ половой механизм, нервный и местный, идущий от неких „закупоренных“ частей головного мозга к спинному мозгу, откуда к половой периферии, — механизм, живущий какой-то „резко отграниченной“ жизнью, вне связи с прочими элементами общебиологического бытия. В особенности у человека, этого чрезвычайно усложненного организма, роль и место половой функции подлежит все-сторонней расшифровке. Как бы анатомически здоровым у человека ни был этот специально половой аппарат, однако, если внешнее и обще-биологическое окружение его дезорганизовано, в подобных случаях не будет здорового, нормального общего фундамента и под половой функцией, так как половая жизнь черпает материал для себя и получает раздражение для себя из всей внешней среды в целом, т.е. из всестороннего преломления ее через все психо-физиологические аппараты тела, повреждение которых отразится и на половом процессе. Внешняя среда, преломленная через весь организм, является основным возбудителем и регулятором половой жизни, но внешняя среда человека, — это ведь, по преимуществу, социальная среда. Половая жизнь человека, в основном, определяется социальными раздражителями, передающимися через нервную систему в половой аппарат и являющимися наиболее существенным возбудителем для активности последнего. Половая функция есть функция, связанная со всем биологическим функционированием организма, и, чем организм сложнее, чем глубже и полнее он определяется влиянием социальной среды, тем сильнее проникает социальный элемент и в половую функцию.

Если мы сейчас заново организуем социальность, или, наоборот, если общественная среда испытывает дезорганизующие потрясения, это резко отражается и на половых проявлениях человека. В эпоху общественной реакции, как мы выше видим, замечается огромный расцвет чувственно взвинченной сексуальности, и, наоборот, в эпоху творческого развертывания социальных начал чувственное окружение половых возбуждений смягчается, утончается. Это отражается и на классе в целом, — невидимыми путями подобное же социальное влияние просачивается и в половые проявления отдельных людей. Половая функция есть сложное производное социально-биологического существа человека, — лишь в этом широкообщественном и обще-биологическом окружении можно изучать половую жизнь человека. Чистый, оголенный половой аппарат — фикция. Изолированная половая жизнь, изолированное половое воспитание, без этой социальной общебиологической базы не существует.

Итак, мы имеем три момента: а) половой процесс объективно и субъективно — глубоко, ярко выявляется в организме; б) половая функция рождается вместе с организмом, вызревая постепенно наравне с прочими функциями; в) голой половой функции нет, так как она полностью связана с общебиологическим и, что особенно важно у человека, с социальным окружением.

Этапы половой эволюции.

Исходя из этих трех моментов, мы можем подойти к анализу этапов созревания полового аппарата. Если половой процесс раскидан по всему организму, если все функции, все раздражения, определяющие собою бытие организма, в конечном счете отражают себя в половом, и, наоборот, половое полностью отражает себя во всех телесных функциях, — естественно, что половое должно найти себе и анатомическое место повсюду, во всех уголках организма. Глубоко прав поэтому Фрейд, разыскивая частички полового в самых разнообразных частях тела. Половая жизнь человека ведь не исчерпывается одним половым актом. Она содержит и ряд очень сложных предварительных стадий. Тут и касания к половому объекту, в которых, следовательно, заинтересованы кожа, пальцы, слизистая оболочка, мышцы и проч. Тут и зрение, и слух, и т. д., и т. д. Поскольку половой акт глубоко дифференцированного человеческого организма осуществляется всем организмом, втягивая в себя многообразные заинтересованные его элементы, постольку имеются определенные постоянные, выраженные места (зоны), обнаруживающие свою заинтересованную активность в половых переживаниях. Фрейд ищет в этих зонах зародышевое начало всякого полового влечения. Так как половая функция вызревает постепенно, не сразу, эти элементы зародышевого полового чувства появляются и проявляются в первой же стадии внеутробной жизни человеческого организма и входят, как неотъемлемая составная часть, во все акты, во все влечения человека. Поэтому, например, слизистая оболочка губ, кончики волос и пр., помимо обычных субъективных оттенков, характеризующих биологически эти части тела, содержат в исходящих от них ощущениях также и частичные оттенки будущего полового тона. Этот ранний половой момент необходимо, по Фрейду, всегда учитывать, изучая эволюцию детского организма. Фрейд, однако, в этом вопросе резко преувеличивает, указывая, что та или иная слизистая оболочка выделяет исключительно половые раздражения, — в то время, как фактически половое — лишь один из частичных оттенков общего возбуждения, характеризующего эту часть тела.

Несомненно, во всяком случае, что в состав тех ощущений и влечений, которые выявляют сущность даже самого раннего детского бытия, входят, как неотъемлемые и равноправные собратья¹⁾, также и половые оттенки, половые элементы. Это—предтечи грядущего мощного полового чувства.

Половая функция в объективном и субъективном зародыше своем появляется, как мы видим, с первых дней бытия ребенка. Правильно организованные практические наблюдения полностью это подтверждают. Следует при этом уяснить себе и еще одно обстоятельство.

Живому организму присуще влечение к удовлетворению. Это влечение к удовлетворению характеризует собой всякое живое, действующее тело во всех его проявлениях. Многообразная разветвленная половая функция, очевидно, с этим влечением к удовлетворению имеет чрезвычайно много общего. Всякая, даже зародышевая, фаза развития функции выявляется в некой активной устремленности ее по линии удовлетворения организма. Ребенок, одаренный зародышевыми частичками полового сейчас же после рождения, очевидно, стремится удовлетворить себя в половом отношении с первых же дней своего бытия, как бы странно это ни звучало. Надо лишь помнить, что половое самоудовлетворение новорожденного и взрослого человека глубоко отличаются качеством.

Какого же рода влечения имеются у новорожденного и у маленького ребенка вообще в половой области?

Таких влечений к удовлетворению три категории (терминология, классификация на ответственности автора. Схема Фрейда здесь несколько изменена).

Первый тип полового удовлетворения, это — естественное удовлетворение, соответствующее нормальным половым раздражениям, испытываемым ребенком со слизистых оболочек его и пр. (адекватное удовлетворение). Второй тип, при невозможности естественного удовлетворения — отток, т. е. отвлечение желания на чуждые ему пути, передача энергии желания другим областям тела, — извращенное удовлетворение, которое здесь уместно назвать конверзией. Наконец, замена естественного детского полового влечения более высшим типом удовлетворения, перевод удовольствия на более высокий, творческий путь, — замена примитивных чувственных стремлений к удовлетворению — радостью более высокого порядка. Процесс этот называется сублимацией.

¹⁾ Равноправные, не больше, — не диктаторы, как этого хочет Фрейд. Почему они делаются „диктаторами“, — об этом см. ниже, а также в предыдущих очерках.

Итак, адекватное, конверсионное и сублимационное удовлетворение.

Очевидно, обычный наш современный ребенок, окруженный аляповатой, хаотической социальной средой, ежеминутно пронизываемый такими биологическими раздражителями, которые в большей своей части ничуть не соответствуют ему (родители особым умением уловить индивидуальные социально-биологические черты ребенка похвастать не могут), для своих влечений к удовлетворению должного выхода, конечно, не находит. Слишком часто свои влечения к удовлетворению он отрывает поэтому от окружающей среды, — они замыкаются в теле ребенка, закуриваются в нем. В связи с этим он должен отказаться от того удовлетворения, которое могло бы его связать с внешней средой, грубой, чуждой, лишь раздражающей бесплодно. Его начинает тянуть к тому, чтобы ограничить сферу удовольствия исключительно собственной особой: губами (сосание), кожей (касание), прямой кишкой (задержка кала для удовольствия) и пр. Самозамыканию ребенка стараются мешать родители, одновременно не давая выхода и для других его естественных влечений неполового порядка (влечением к естественной активности, к социальным впечатлениям и пр.). Нужных раздражителей, нужных впечатлений ему не дают во-время, и никто при этом не понимает, когда и что ему нужно; питают же его обычно тоже не так, как действительно того требует его организм: слишком мало еще обследована пищевая индивидуализация; не говоря уже о неосуществимости необходимых норм питания у 95% человеческих семей.

Пути извращения детского полового влечения.

Таким образом, детское влечение, в том числе и половое, не может при подобных условиях получить полное адекватное возмещение и должно направиться по какому-то иному пути в поисках удовлетворения. Каковы же эти пути? Во-первых, либо выход выразится в устремлении данного влечения внутрь организма, в самозакупорке влечения, в извращении того пути во вне, по которому это влечение должно бы устремиться: превращение здорового влечения в извращенное самовозбуждение организма, в извращенное использование того энергетического заряда, который выявил себя в данном влечении (то, что мы называем конверсией). Ребенок, не получающий должного естественного оттока для своих влечений, неиспользованный энергетический заряд углубляет внутрь себя, создает искусственное внутри-телесное напряжение, которого при благоприятных условиях ему не пришлось бы испытать, — и благодаря этому у него постепенно формируется избыточная возбудимость, повышенная утомляемость, питающаяся

элементами той неиспользованной активности и чувствительности, которые во вне не нашли для себя применения, действенного приложения.

Во-вторых, есть возможность и второго выхода — сублимации. Вместо, в общем, совсем биологически не нужных обесцвечиваний губ, касания кожи, задержки кала и пр., ребенок может сумму своего внутреннего возбуждения, своих стремлений к удовлетворению (самокасанием, сосанием и пр.) переводить на более высокий по качеству путь, на путь сублимации. То же самое сосание, то же стремление к первичному половому ощущению он может превратить в стремление к движению, в стремление к касанию внешних предметов ¹⁾. Эти внешние предметы, которые он притягивает к себе, являются вместе с тем тонизирующими раздражителями для роста, укрепления и уточнения органов чувств. Он эти впечатления усваивает, перерабатывает, — они превращаются в новый, ценный для него фонд, в новый жизненный капитал, который его обогащает, создавая новые влечения в таком же направлении; в связи с этим он отказывается постепенно от самодовлеющих половых ощущений, заменяя их работой над усвоением впечатления от того объекта, которого он, взамен своих губ, коснулся. Это и есть сублимация, при которой ребенок, не отказываясь от ощущения удовлетворения, в то же время заменяет его половое содержание более высоким, более способствующим дальнейшему развитию организма.

За счет этой сублимации, если она зреет благополучно, вырастает очень большая часть развертывающегося детского творческого богатства.

Однако, если для безобидного хотя и бесполезного, адекватного удовлетворения возможности в современной детской среде очень малы, — для сублимации, конечно, к величайшему несчастью, возможностей еще меньше. Социальная (до-советская) ²⁾ среда не только не питает сейчас детскую сублимацию, но, наоборот, всемерно способствует углубленнейшим конверсиям во всевозможных их вариациях.

Итак, эта „страшная“ детская ранняя сексуальность в зародышевой ее стадии не очень страшна, если умеючи, чутко воспитательно к ней подойти. Ничего „развратного“ в ней пока нет. Наоборот, если бы она была использована по пути естественного ее возмещения, это создало бы

¹⁾ Конечно, нелепо было бы думать, что все стремления к движению, внешние желания и пр. питаются именно половым стимулом, имеется масса и других стимулов для них.

²⁾ См. ниже.

крупнейшие педагогические ценности. Однако, при неблагоприятных условиях современной социальной, и, в частности, специально детской среды, благодаря отсутствию субlimационного выхода для самых разнообразных, в том числе и половых влечений, — очень большая часть детского энергического богатства нагнетается в сторону половой цели, как цели наиболее доступной, наиболее простой, зависящей лишь от собственного тела ребенка, и в то же время цели, достаточно субъективно удовлетворяющей, приятной. Вот где лежит корень того колоссального детского автоэротизма, раннего первичного полового самососредоточения, которое характеризует собою, по Фрейду, современного ребенка даже в очень ранние годы! Не в организме ребенка, однако, коренится источник этого повышенного автоэротизма (как на этом настаивает Фрейд), но в окружающей ребенка, дезорганизующей, нагнетающей, угнетающей среде, превращающей его естественный, простенький, первичный автоэротизм в целую сложную лабораторию многообразных, прежде времени развившихся, половых самоудовлетворений и себяощущений. Не находя в среде оттока для удовлетворения своих влечений, ребенок закупоривается, и вся его энергия идет по линии наименьшего сопротивления, по линии половых ощущений, так как именно этот путь связан с минимумом для него усилий во вне. Именно он влечет к самоуглублению ребенка, к сдовлеющей и легкой приятности, — приятности, доступной без всякого напряжения, без борьбы.

Детский половой паразитизм. Родители обычно не умеют проследить этот процесс раннего перерождения детской энергии, уродливо раннего сексуализирования ее (признаки ранней сексуальности далеко не все и недостаточно отчетливо сейчас пока разработаны). Они не понимают существа этой детской эволюции, и в итоге очень значительная часть детской энергии, которая должна бы была уйти на развитие ценных, приспособляющих социальных установок ребенка, на творческую и общепсихическую эволюцию его, не находя себе во внешней среде отводящих каналов и встречая, наоборот, многообразную закупорку, оттягивается по линии наименьшего сопротивления — в сторону сексуальности, обостряя и усложняя ее: сгущение детской сексуальности, повторяем, не первичное биологическое явление (Фрейд глубоко не прав, защищая эту нечерпывающую биологическую первичность), — она есть результат неблагоприятных социальных нагнетаний на очень незначительный первичный биологический элемент сексуальности. Такое избыточно поло-

вое содержание современного ребенка оказывается столь актуальным, потому что питается за счет оттесненных средой других обще-биологических и социальных влечений, паразитически высасывая их энергетический фонд. Вот откуда получается это сверхсложное богатство ранней половой жизни, это несоответствие полового материала и возраста. Оно-то и влечет в дальнейшем к тем многообразным нервно-психическим дезорганизациям, которые так часто встречаются в переходном периоде у детей.

Избыточное богатство детской сексуальности питается за счет этого паразитического отсасывания от прочих энергетических источников. Если бы не было современной уродливой среды, ребенок не получил бы этих повышенных сексуальных проявлений. Но они в подавляющем большинстве случаев имеются, и с ними, как с педагогическим фактом, необходимо серьезно считаться.

Когда мы впоследствии подходим к ребенку, по возрасту приближающемуся к периоду так называемого полового созревания, он обычно вырисовывается перед нами уже как глубоко дезорганизованный в своих половых проявлениях. Сексуальность его развернулась не гармонически. Его половой опыт не соответствует ни возрастным его свойствам, ни требованиям окружающей среды. Ряд его половых переживаний несовместим с правами, окружающими его, не вяжется и с его собственной этикой. Эти желания надо выдавливать, отгонять, «вытеснять». Начинается полоса глубоких конфликтов в детской психике. Накопляется внутренний разлад, создается глубокий отрыв от среды, обостренное самоуглубление — сверх того, которое вышло у него ранее. Ущемляемая половая устремленность, привычная, приятная (устойчивый условный рефлекс¹⁾) все же постоянно прорывается, дезорганизуя все попытки ребенка перестроиться на здоровый лад. Естественная его общая любознательность паразитически отсасывается в сторону полового, питая одностороннюю, половую любознательность, окрашивая в половые тона все жизненные впечатления, воспринимаемые детьми. Социальные, коллективистические здоровые симпатии превращаются в ранимую — замаскированную, а то и очевидную влюбчивость, влюбленность: сексуализация обычных товарищеских и общесоциальных симпатий, не нужная, вредная, отрывающая от здорового детского коллективизма его основные элементы.

Детская творческая активность, стремление к действию, к исследованию, здоровые детские мечтания — превращаются

¹⁾ Как воспитывается средой этот условный рефлекс, об этом более подробно говорилось во 2-м очерке данной книги.

в половую агрессивность, в половые желания причинить другим боль или, наоборот, в половое самомучительство, в поиски половых приключений (хотя бы по форме явная сексуальность в этих влечениях и была замаскирована)! Вместо демонстрации своих социальных достоинств сексуализированный ребенок любит подчас показывать свои половые органы (эксцибиционизм), и т. д., и т. д.

Все эти половые извращения, преувеличения, замещающая собой здоровую детскую активность, не нанесшую для себя должного приложения в окружающей среде, подлежат, конечно, глубокой и всесторонней сублимации.

Однако, бояться нам устойчивости этих половых извращений большей частью не приходится, так как в них мы имеем не непосредственные грубые извращения полового „я“, а лишь поверхностные на него напластования, обусловленные временным паразитическим присасыванием сексуального к другим областям органического функционирования. Если правильно наладить педагогический процесс, если чутко сформировать детскую среду и организовано направить ребенка по нужному пути, — поскольку эта избыточная, слишком ранняя детская сексуальность биологически не оправдана, поскольку в детском организме подобная сексуальность есть явление биологически противостественное, поскольку еще не поздно (а в возрасте 10—16 лет — это совсем не поздно), — необходимо эту паразитическую работу сублимировать, перевести энергию, плененную половым, на другие, на творческие рельсы.

Каким же образом следует это сделать?

Сублимация. Опираясь на серьезный педологический материал, мы в этом вопросе далеко не так беспомощны ~~сейчас~~, тем более, что заново вскрыты корни сексуального паразитизма.

Возьмем, в частности, для иллюстрации обостренную раннюю половую любознательность ребенка, поглощающую собой зачастую все виды прочей детской любознательности и окрашивающую весь мир в тона полового любопытства. Надо умеючи приблизить возбуждающие, интересные элементы окружающей среды к ребенку. Надо чутко приблизить самого ребенка к этим новым для него впечатлениям, надо создать в воспитателе место от ребенка к этой, по-новому перед ним открывающейся, сложной заманчивой среде, увлекающей, требующей познания ее. Детская любознательность оторвется тогда от половой цепи, к которой она была неестественно прикована, и основной, творческой своей частью приобщится к более

сейчас для ребенка важным элементом мировой и общественной жизни.

Далее, возьмем для примера раннюю половую влюбчивость. Каковы ее корни? Черты обычной социальной симпатии, влечение к товарищескому общению, тяга к совместным групповым играм ¹⁾, — все то, что составляет собой основной источник грядущих коллективистических чувствований, встречая по пути нелепую плотину современной социальной и педагогической среды, пропитываются половым элементом, превращаются в влюбчивость, в стремление к сексуальным и полусексуальным общениям — в явных и замаскированных их видах. Если создать нормальную обстановку для оттока и развертывания вовне этих затор-моженных естественных коллективистических влечений, они оттянут коллективизм от пленившей и связавшей его сексуальности, — и влюбчивость, ненужная пока еще ребенку, потускнеет, заменившись естественным, здоровым стремлением к товарищескому коллективу, к обществу, к человечеству. Та же любовь, но не узко эротически окрашенная, а любовь широкая, социальная.

„Перенос“.

В частности, по пути сублимации этой влюбчивости мы наталкиваемся на чрезвычайно любопытное, очень педагогически ценное обстоятельство, замеченное еще Фрейдом и названное им „переносом“ (хотя источник „переноса“ не совсем правильно вскрыт Фрейдом, который во всей этой сложной сексуальной дезорганизации искал всегда первично-биологические корни). Сущность переноса заключается в том, что воспитатели, товарищи, та или иная работа вначале притягивают к себе влюбчивого ребенка, как бы „влюбляя“ в себя, как бы привлекая к себе тем своим фондом, который содержит черты, эротически близкие ребенку. В дальнейшем же сексуальные элементы нового объекта, перетянувшие „перенесение“ на себя эротические влечения ребенка, могут быть заменены живым общим интересом, яркими общими ценностями, заключающимися в данном человеке или в занятии (если, конечно, последние действительно содержат в себе нечто широко и всесторонне привлекательное для ребенка). Сексуальные элементы такого интереса вскоре должны испариться, заменившись общетворческим устремлением ребенка к реальности — путем „переноса“ их в эту реальность. В дальнейшем, сыграв свою роль „моста“, соединившего влюбчивость ребенка с обще-

¹⁾ Подробнее о содержании и значении детского коллективизма — см. в наших статьях: 1) Индивидуалистическая или коллективистическая педагогика; 2) „Коллективизм как физиологический фактор“ (в книге — „Очерки культуры революционного времени“).

творческой реальностью, вложив сочность и активность в „перенесенный“ интерес. — влюбчивость, тем самым, теряет свои специфические черты эротизма, и сублимируется, превратившись в любовь к знанию, к обществу и пр.

Повышенная специфическая влюбчивость, заменившись любовью к более широким и творчески богатым объектам, исчезая, увлекает за собой и прочие половые преувеличения, избыточную половую чувствительность, накопившуюся за это время в ходе детского полового извращения. Роль переноса, как мы видим, огромная, и особое место в ней принадлежит педагогу, педагогическому процессу, товарищеской среде. Умелым и чутким подходом перенос можно великолепно организовать и полностью педагогически использовать. Несомненно, подавляющая часть успешной педагогической практики питается элементами подсобного переноса: если, конечно, в педагогической среде имеется достаточное количество воспитательского, коллективистического, научного и боевого пафоса, заманчивого, привлекающего к себе детей.

Таким же образом приходится воздействовать и на столь распространенный сейчас детский онанизм. Онанизм, как показывает детально, вдумчиво проработанный опыт, лишь в ничтожном меньшинстве случаев обусловлен моментами так называемых физиологических нарушений половой гигиены: глистами, неопрятностью, слишком теплой постелью и проч. Эти предпосылки онанизма обычно являются лишь поводом, а не причиной его. Причиной же, источником, питающим подавляющую часть детских онанистических устремлений, является чрезвычайно концентрированная, углубленная конверсия, — перенос на себя, внутрь своего полового мира всех внешних и внутренних раздражений, возбуждений; половое обостреннейшее самососредоточение, максимальное использование своего тела, своих самодовлеющих фантазий для полового удовлетворения — в пределах своей собственной особы, без участия внешнего мира. Все это возможно лишь тогда, если налицо имеется закупорка главных сублимационных каналов, — закупорка, оставляющая всю детскую энергию безвыходно бродить, отбрасывая ее в сторону орожденного автоэротизма.

Однако, в подобном онанизме имеется ряд педагогических зацепок, которые можно продуктивно использовать, обезвредивши и самый онанизм и даже базирываясь в дальнейшем из некоторых творческих, характерных чертах фантазии, отличающих именно этого углубленного автоэротика (за исключением онанизма дебильных, врожденно слабоумных детей, у которых он проявляется лишь в грубо физиологических раздражениях половых органов — без соуча-

етия фантазии). Подобный онанист, во имя увеличения разнообразия половых приманок, углубленно фантазирует, систематизирует, „коллекционирует“ свои половые влечения, так как они являются чуть ли не единственным психическим фондом, его питающим; с другой стороны, обуреваемый моральными конфликтами („грех“), он внутренне раздвоен, занят рефлексивным философским самоанализом (хотя бы временно и бесплодным). Эту повышенную фантастику, систематизаторство, философское самоуглубление (точно также связанное с систематическим анализом онанистических „поражений“ и „побед“) можно направить по пути активной творческой самостоятельности ребенка, дав им действительно питательную, ценную, жизненно интересную работу. Все это, конечно, ничуть не доказывает „полезности“ онанизма, — с ним, понятно, необходимо „энергично бороться, — но, поскольку он замещает собою другие творческие процессы, перемещая переклюкая пути творчества, — нам нужно знать об этом своеобразном „онанистическом творчестве“, направляя его, после ликвидации онанизма, на более целесообразные пути.

Там же, где онанизм исчерпывается лишь раздражением половой периферии, — основная борьба заключается в разъяснениях, непосредственном руководстве и в создании общей сублимационной обстановки, плюс, понятно, физмероприятия.

Еще о практике сублимации. Ранняя детская половая агрессивность развивается, как мы видели, из подавленных нелепой средой социальных и творческих влечений (товарищество, любознательность, приключенчество), и она точно так же может быть бесполезована по пути устремлений этих агрессивных влечений в сторону ответственного руководства каким-либо делом, в сторону ярких обязательств, связанным с некоторым риском, пионерством. Из этих „агрессаторов“ зачастую вырабатываются великолепные вожди, организаторы, не использующие подавляющую часть своей боевой активности (которая паразитически перед тем была связана сексуальностью) по пути ценного общественного строительства.

Так же обстоит и с ранним половым рабством, половым пассивизмом — „мазохизмом“, который в сублимированном виде дает хороший материал для ценных этических проявлений: милосердия, социального лиризма.

Детский эксцибиционизм (половая самодемонстрация), являющийся чрезвычайно часто следствием закупорки возможностей социальных самовыявлений („некому и незачем себя показывать, а хочется все же“), сплошь и рядом является, в сублимированном его виде, пищей для

развития актерских, ораторских дарований (конечно, в основе своей врожденно заложенных в ребенке, но уродливо использованных средой по линии эксцибионизма).

Религиозность и сексуальность. Чрезвычайно существенно отметить глубокую, органическую связь полового момента с религиозными детскими устремлениями и конфликтами. Понятно, не приходится говорить о врожденности религиозных переживаний детей. Они — результат авторитарного нагнетения эксплуататорского общества и религиозной инерции среды (сейчас, в советских условиях, осталось лишь второе: рассосется, уже рассысывается). В частности, среди прочих общих причин, ребенок нередко питает так же и растущую свою религиозность, грубо ее развивает — с помощью раннего своего эротизма. Ранняя сексуальность, явившаяся сама по себе следствием социальной неразберихи, в то же время формирует в ребенке черты асоциальной пассивности, отщепления от реальности, повышенной пугливости (интимное самососредоточение всегда боится резких внешних раздражений). Одновременно с этим глубокое несоответствие ранних и дезорганизованных половых влечений — с нормальными традициями и реальными обязательствами окружающей среды является источником глубочайших идейных конфликтов в ребенке, связанных с чувством обостренной ответственности, со страхом наказания. Отчужденность от среды, индивидуалистическая изоляция (автоэротизм) рано сексуализированного ребенка не дает ему возможности опереться на помощь, на участие окружающих, благодаря чему создается замкнутый круг, откуда для всей этой закупорившейся пугливости, пассивности один лишь выход — в мистику („бог накажет“). Разрубая этот запутанный детский половой узел, сублимировав скованную этим ранним половым пленом детскую энергию, связав ребенка со здоровой социальной реальностью, мы обезвредим религиозные его построения, почти целиком здесь обусловленные паразитированием их на запутавшейся детской эротике. Недаром всегда избыточная или извращенная сексуальность питала религиозные чувства (вспомним сексуальные биографии „святых“ и „чудотворцев“).

Детские психопатии. На половом же вопросе заостряется и проблема так называемой детской психопатологии¹⁾. Подавляющая часть детских психопатий — результат неправильного использования детских энергетических возможностей, главным образом, вследствие образовавшейся половой путаницы. Ребе-

¹⁾ Подробнее наши соображения „О детских психопатиях“ см. в соответствующей статье книги: „Очерки культуры революционного времени“.

нок, создавший, взамен навыков естественного творческого приспособления к среде целую серию навыков половой, антисоциальной самозакупорки, конечно, поневоле превратится в психопата, — к счастью, временно, впредь до умелой сублимации. Большая педагогическая проблема организации детского внимания, борьба с детской утомляемостью, вопрос об устойчивом детском настроении, о правильных моральных установках, — все это не разрешимо, не осуществимо, конечно, до тех пор, пока замкнутый, самодовлеющий половой интерес в многообразных, зачастую чрезвычайно замаскированных своих разветвлениях, паразитически присасывается к себе подавляющую часть детского внимания, детской эмоциональности, детских сил, оставляя на долю педагогического процесса минимальную долю сопротивления и творчества. Тем осторожнее, однако, обязаны мы обращаться с этими так называемыми детскими психопатиями, школьной дефективностью и т. п., памятуя, что корень бедствия не в „характере“, не в биологии ребенка, а в временной, извне нагнетенной половой его путанице, ответственность за которую целиком лежит на среде. Сексуальную дезорганизацию можно и должно сублимировать. Сублимационные же возможности целиком, или, во всяком случае, подавляющей своей частью, зависят от педагогической среды. Подобных „психопатов“ в школе тем более, чем хуже в ней поставлен педагогический процесс. Большие цифры подобных „психопатов“, изъятых из нормальных школ, — волчий паспорт не для изъятых, а для школы.

Врожденная гиперсексуальность. Во избежание недоразумений, необходимо все же оговориться, что не все 100% сексуально дезорганизованных полностью способны к сублимации. Есть, конечно, известный процент, к счастью незначительный, детей, обладающих врожденной гипертрофией голого полового влечения, особо обостренной чувственной половой устремленностью, замечающейся с самых ранних лет. Повидимому, в этих случаях имеет место какой-то стойкий дефект в половой сфере (в центральной или местной ее части), — дефект, сублимации не поддающийся. Однако, и в этих врожденных случаях половой гипертрофии, надо считаться с добавочными, дезорганизующими нагнетаниями современной хаотической среды, превращающей холмик анатомического дефекта в Монблан полового уродства. Добавочно напластованные средой элементы этого „полового Монблана“ можно и должно, конечно, сублимировать, хотя при наличии врожденных дефектов сублимационная работа пойдет, понятно, значительно медленнее.

Проблема так
называемого
переходного
возраста.

В свете приведенных фактов из половой эволюции ребенка; фактов, опирающихся на учение об условных рефлексах¹⁾ и пользующихся методологической помощью со стороны психоаналитической школы (Фрейда), мы можем по-новому сейчас подойти и ко всей мучительной проблеме так называемого переходного возраста детей.

Если мы признаем постепенность эволюции организма, если мы знаем, что органы развиваются не внезапно, что функциональные их предпосылки постепенно вызревают задолго до окончательного их анатомического оформления, то странной кажется нам тогда столь болезненная реакция детского организма на появление в нем готового полового элемента, так называемой зрелой половой секреции. Ведь организм всей предшествующей своей эволюцией должен был подготовиться к появлению в нем половой секреции, химические и прочие предвестники которой входили в его состав задолго до оформленного полового кризиса. Этот грубый переход „предполового количества“ в новое „половое качество“ — „революционный“ переход можно было бы понять еще, если бы в данном организме половая эволюция воспроизводилась бы впервые. Но ведь сотни тысяч поколений проделывали ту же эволюцию, — надо бы повторять ее автоматически, без взрывов. Естественен ли этот взрыв, эта обостренная хрупкость организма в переходный период, эта бурная реакция его на появлении зрелого полового секрета? — Конечно, нет.

В этом переходном кризисе виновны не биологические моменты, — единственная, исчерпывающая вина лежит на той колоссальной дисгармонии между современным человеческим организмом и социальной средой, которая создает нелепейшие перемещения энергетического фонда человека, бесплодно отхватывая самые нужные области, предъявляя требования и раздражения не по возрасту, создавая ряд уродливых наростов. К ответственной, зрелой стадии своего бытия человек приходит поэтому уже дезорганизованный, ослабленный, неприспособленный: есть отчего появиться хрупкости, взрыву, кризису.

В иных условиях среды, переходная стадия лишь укрепила бы организм, завершая, синтезируя в нем то, что предсформировалось до этой стадии. Редки разве и сейчас примеры гармонического переходного периода при благоприятных воспитательных условиях, — даже и у биологически-хрупких натур, которым надо бы тем более чутко реагировать на эту „революцию“? При более спокойной среде чув-

¹⁾ Все указанные выше зафиксировавшиеся половые навыки представляют собою обыкновенные условные рефлексы.

ствительность переходного возраста сводится к минимуму. Пример — животные.

Бурный кризис, биологическая хрупкость переходного периода, это — протест здоровой биологической стадии против тех уродливых напластований, которые вгнездила в подрастающий организм бессмысленная современная среда. Проблема предварительной сексуальной организации, проблема умелой сублимации является одновременно и проблемой ликвидации хрупкости, ранимости переходного возраста. На педагогическом процессе лежит чрезвычайно большая ответственность за ликвидацию этой переходной хрупкости.

Советская общественность и сублимация.

Как мы видим, биологический пересмотр сексуальности диалектически приводит нас к внешней среде, по-своему воспитывающей, по-своему организующей ребенка, — т.е. на первом плане к социальной среде. В разных социальных условиях распределение внутри-телесной, т.е. и половой энергии, — всего биологического фонда — оказывается глубоко различным. То, что было невозможным для эксплуататорской общественности, для затхлой схоластической педагогики буржуазии, становится впервые осуществимым в условиях господства трудовой массы, в Советской Республике.

Сублимационные возможности разворачиваются в стране побеждающего социализма широчайшие. Прорван и рассыпается фетишистический туман преклонения перед внереальным. Перед трудовой детворой С.С.С.Р. открылась обнаженная, тянущая к себе общественная действительность, раскрывающая с каждым днем все новые и новые творческие возможности. Дети впервые за всю историю человечества могут неограниченно, вполне конкретно, действительно культивировать в себе коллективистический пафос, безграничные идеологические горизонты — освобождения и счастья человечества.

Сдавленная в эксплуататорском строе инициатива масс у нас развязывается, разворачивается глубже и шире, непреодолимо привлекая к себе любознательную, активизированную детвору. Пафос боевого, идейного товарищества, радость неограниченного, прочного, реального знания, привычка к организованному усилию, к труду, — восторженное преклонение перед технической, индустриальной мощью человечества и умелое использование этой техники — узки ли подобные, открывающиеся в Советском строе каналы для детских сублимационных возможностей!

Раскрепощается женщина, вырывается из позорного плена гонимые прежде национальности, неуклонно растет

чувство собственного достоинства, самосознание в рабоче-крестьянских массах,—все это превращается в сублимирующую атмосферу для подрастающей детворы, в чистый, здоровый, сублимирующий воздух, столь необходимый для ребенка, отравленного в досоветских условиях сверхсексуальными миазмами.

Весь педагогический процесс радикально сейчас перестраивается. Воспитание организованного коллективиста, трудового и боевого активиста, материалиста,—наилучшая база для противогигиенической сублимации. Впервые создается социальное и биологическое соответствие, средство в педагогическом процессе,—впервые, в строе господства 95% населения, социальные задачи воспитания совпадают с самыми глубокими нуждами и возможностями подрастающего детского организма. В досоветском строе, в строе господства 5%, классовые задачи воспитания искусственно, противоестественно навязывались бурно протестовавшему детскому организму, утопавшему после такой „педагогики“ в болоте автоэротизма, онанизма, и прочей махровой сексуальности. Религиозное же начало, не поддерживаемое, а, наоборот, всячески изгоняемое господствующим классом, постепенно тоже ликвидируется, чем уничтожается последний, один из самых серьезных тормозов, мешавших всесторонней сублимации человеческого энергетического богатства.

Скептики возразят, указывая, что именно сейчас, в революционный период, половой вопрос приобрел у нас невиданную еще остроту.

Не довод ли это за антисублимационный характер советской общественности? Конечно, нет. Первый, боевой период победоносной революции трудовых масс, связанный с катастрофическими аффективными потрясениями, с радикальной переоценкой всех былых социальных, идеологических, в том числе и полового—вопросов, в начале, действительно, вызывает себя повышением дезорганизации, сгущением ряда нежелательных явлений. Однако, следующий, второй, строительный этап революции (а мы сейчас именно в него и вступаем) отсесняет постепенно все дезорганизующие элементы на задний план, раздробляет их, убивает, всемерно способствуя творческому, организованному использованию всего энергетического богатства, лежащего до революции под сдулом, придавленного, питаемого паразитов. Надо лишь внимательно учесть этапы и материал-растущих наших сублимационных возможностей, надо их рационально организовать, надо втянуть их полностью в наш педагогический процесс, в детскую среду—по возможности и в семью ребенка.

Конечно, воспитателю в этом вопросе предстоит сделаться серьезным общественным работником¹⁾. Но сублимация ведь это на первом плане общественно-политическое воздействие. Вспомним резолюцию 2-го всесоюзного психоневрологического съезда, принятую съездом по докладу пиццущего эти строки (январь с. г.): „Съезд констатирует, что та нервно-психическая атмосфера, которая создается в развивающейся советской общественности, является наилучшим предупреждающим и лечебным средством для борьбы с нервно-психическими болезнями и наилучшей базой для педагогической работы“.

Советская общественность—великолепный, незаменимый сублимирующий фактор. Этой сублимации должны всемерно помочь и неуклонно на наших глазах вырастающая, новая материалистическая, коллективистическая, боевая, художественная советская литература, и формирующаяся сейчас предкоммунистическая этика, и здоровые черточки нового революционного быта. Все эти сублимирующие элементы надо втянуть в педагогический процесс, надо всесторонне использовать их, надо самим втянуться в работу по широкой организации всей новой жизни. Надо органически связать педагогическую работу с формирующейся новой общественностью, помогая ей расти и обогащаться. В сублимирующую работу включаются и вопросы о пересмотре детской сказки, этого мистифицирующего и десоциализирующего фактора,—одним словом, все проблемы назревающей советской педагогики являются одновременно проблемами сублимации. Не разрешив первые, мы не сдвинемся ни на шаг и в области полового воспитания.

В связи с пересмотром действительного существа половой жизни, в связи с радикальной перестройкой нашей общественной среды мы в состоянии наметить теперь и основные направления для так называемого полового воспитания. Каковы же они?

Пути полового воспитания. Здоровая первоначальная детская сексуальность не претендует на физиологическое удовлетворение, на половой акт. Удовольствие, вложенное природой в элементы ранней сексуальности, может быть чрезвычайно продуктивно социально использовано. Подобное использование, путем привлечения радующего интереса к соответствующим обще-воспи-

¹⁾ См. отдел: „Современность и учительство“ в нашей книге: „Очерки культуры революционного времени“.

творяющим сторонам окружающей жизни, дает прочный творческий толчок разрыванию социальных, идеологических установок ребенка, — с другой же стороны, вносится гармонизирующее социально здоровое начало и в вызревающую физиологическую сексуальность: гармонический синтез чувственности и эротики — с преобладанием второго (психическое, социальное содержание полового чувства) над первым, что и должно характеризовать собою глубоко социализированного современного человека. Наконец, сексуальное развитие ребенка при подобном подходе протекает не как дезорганизующий, изолированный процесс, разрушающий тело ребенка, приводящий в панику воспитателя, а как естественная, здоровая, радующая, единая социальная эволюция всего организма в целом, в котором сексуальность в эти годы занимает лишь одно из равноценных с другими функциями мест.

Потребность в непосредственно чувственном удовлетворении выявляется в этих условиях лишь тогда, когда вполне оформится исчерпывающая социальная ответственность и стойкая биологическая зрелость человека, когда он сумеет сам ответить за естественный результат своего полового поступка — за потомство.

Такими рамками (если возможность сугубого обогащения человека можно назвать рамками) мы не грешим против естественных притязаний организма. Мы не отнимаем у него его биологическое право на чувственную половую радость. Мы лишь создаем для него наилучшее общее окружение, мы укрепляем ее основы, мы даем ей наиболее здоровые, самые зрелые, самые спелые соки, — мы учим понимать неизбежный естественный эффект этой радости — рождение ребенка. Мы учим ждать, желать этого ребенка ¹⁾, учим любить и воспитывать его, как наше продолжение в социальности. Половую функцию из болота самодовлеющих наслаждений, — наслаждений, услужливо отданных людям эксплуататорским строем взамен убитых им прочих радостей, — мы переводим на твердую почву надличного, видового ее значения, сливая ее с интересами всего человечества. Посягаем ли мы этим на естественную, здоровую сексуальность?!

Таким путем направляя наши мероприятия по половому воспитанию, мы перестаем бояться той открытой Фрей-

¹⁾ В наших условиях, материнство, отцовство, — понятно, хорошо социализированные, революционизированные, — не являются реакционными факторами. Пока Советское государство еще не в силах целиком воспитать всех детей, наследники революции зависят в очень многом от семьи.

дом (хотя и значительно им преувеличенной) первичной детской эротики, по поводу которой было брошено столько ханжеских обвинений гениальному творцу психоанализа. Поняв ее, мы можем ее использовать там, где это осуществимо, где надо — сублимировать.

Здесь требуются серьезные предосторожности. Надо зорко следить, чтобы естественный детский эротизм не переходил за грани биологических нужд, чтобы он не отсасывал в себя частицы других сфер детского бытия. Естественные элементы обычной детской влюбчивости не страшны ничуть, если они превращаются в любовь к товарищам, к знанию, к человечеству, — но, если эта влюбчивость извращается в самодовлеющее содержание, если ребенок влюбляется в объект, социально малоценный, социально его уплощающий, с подобной влюбчивостью антисоциального, автоэротического характера надо бороться.

Сплошь и рядом дети идут в чрезвычайно воспитательно ценную экскурсию, включаются в те или иные идеологические группы — при одном лишь условии, если там обретаются и их „любимчики“, зачастую весьма социально неполноценные. В таких случаях социальные чувствования, общая любознательность оказываются сексуализированными, ограбленными в своем общетворческом существе, и если подобное обстоятельство не временное, если дети не заинтересовываются самим объектом, а продолжают воспринимать полностью его лишь через призму своей „влюбленности“, — здесь предстоит, конечно, осторожная, но чрезвычайно серьезная сублимационная работа. „Влюбчивость“ может пригодиться лишь как первый этап для переноса, — в дальнейшем же она должна рассосаться в общерадующем окружении.

Так же обстоит и с различными формами детской активности. Если, например, детское соревнование, взамен творческого выявления в товарищеской борьбе здоровых свойств и влечений, превращается в войну за овладение сексуальными симпатиями, в войну за влюбление в себя, — если это соревнование, взамен своего социоцентрирующего значения („меня любят за то, что я полезен другим“), преследует лишь автоэротические цели, подобную направленность точно также необходимо осторожно сублимировать. Мы указывали выше, что она может явиться источником для дальнейшего боевого коллективизирования, но надо зорко следить, чтобы сексуальный момент в ней во-время социализировался. Иначе вся дальнейшая взрослая общественная работа подобного, сейчас вызревающего человека, окажется сплошным отражением его полового авантюризма.

Признаки половых отклонений.

Как же можно распознать грани дозволенного и запретного?

Хорошо организованному воспитательному учреждению, — там, где преобладает педагогическая чуткость, внимательность, где наблюдают и исследуют детей не путем охолощенных массовых методов „психо-физического эксперимента“, а в живых динамических детских проявлениях, — там, где детскому коллективу дан достаточный простор для творческой самостоятельности, в таких условиях от зоркого глаза педагога эти грани не укроются.

Как бы ни скрывал ребенок свою избыточно раннюю сексуальность, как бы, сплотив и рядом, он сам даже и не догадывался о ней, ее почти всегда можно вскрыть.

Так, повышенный эгоизм, обостренная сосредоточенность на своей особе, усиленная обидчивость, — деколлективизм, т.-е. отрыв от товарищеского общения, чрезвычайно часто подозрительны по половому своему происхождению. Конечно, одного признака мало, но надо уметь связать его с другими сомнительными симптомами. Ребенок, проявляющий себя слишком активно в детской среде, стремящийся во что бы то ни стало сделаться вождем, или, наоборот, чрезмерно легко подчиняющийся другим, этот ребенок, даже, как видим, связанный нитями симпатии с рядом товарищей, подчас ведет себя слишком извинчено, слишком много интимного вкладывает он в эти свои проявления, много избыточной восторженности или подавленности; здесь также может ¹⁾ скрываться иногда излишний сексуализм, „перенос“ в первичной своей стадии.

Сексуализированные дети, окрашивая в пристрастные подлые тона все свои впечатления, начинают проявлять черты ослабления общей апперцепции, ослабления абстрагирующих своих способностей. У них создается своеобразная избирательная установка в отношении к внешней среде, установка, при которой воспринимается либо то, что апперцептивно с их сексуальной точки зрения, либо же воспринимаемый нейтральный материал окрашивается в специфические сексуальные тона. Ребенок теряет в подобных случаях даже примитивный возрастной свой объективизм (относительный объективизм, относительная возможность некой объективной равнодействующей между ребенком и средой, конечно, присущи и очень раннему возрасту), — его впечатления приобретают однотонную, специфическую окраску. Подобная холодность к впечатлениям общего порядка, или отстранение от этих впечатлений общего

¹⁾ Может, — т.-е. это, конечно, необязательно. Здесь могут скрываться и другие свойства „темперамента“.

их содержания с привлечением лишь узко специальных элементов (хоту бы снаружи и не сексуальных: ведь ранняя сексуальность бывает часто очень замаскированной), чрезвычайно подозрительны.

Вызывает также сомнения избыточная фантастика. Реальный материал окружающей жизни является достаточно сильным фактором для того, чтобы внедриться в детскую психику, целиком заполняя ее своими элементами. Поэтому отторжение ребенка от реальности, отсутствие у него вкуса к реальному, создание им фикций, внереальных связей, должно навести на вопрос, нет ли здесь первичных, аутоэротических самоуглублений, являющихся одним из главных инженеров, строящих китайскую стену между ребенком и реальностью.

К той же серии явлений надо отнести и слишком напряженную религиозность ребенка, в корнях которой слишком часто пугливо трепещет запутавшаяся сексуальность. Подобные дети должны быть взяты под особое внимание.

Точно также, не безразличны, с точки зрения ранней сексуальной заинтересованности, проявления избыточного „себялюбивого“ азарта, который часто вкладывают дети в обычные свои игры, спорт и пр. В некотором количестве случаев встречаемся мы здесь с обычной врожденно повышенной общей эмоциональностью, но часто здесь скрывается та же обостренная эготизация, питающаяся, между прочим, и сексуальной гипертрофией (первичный, самый ранний этап „переноса“). При дальнейшей гармонизации сексуальности, мы можем добиться равномерного распределения живого детского интереса по всему содержанию спорта и игры в целом, но конечному их социальному заданию, — оторвав, вместе с тем, от них излишний дезорганизирующий элемент собственнического азарта.

Понятно, подобное распознавание и соответствующие перевоспитывающие мероприятия должны быть проводимы с чрезвычайной осторожностью. Необходим большой опыт, богатый практический материал, чтобы выработать в этом вопросе законченную рецептуру. В настоящее время и научное состояние вопроса далеко еще не блещет совершенством. Тем больше у нас ответственности.

В частности, как бороться с онанизмом (конечно, если он распознан)? Помимо гигиенических разъяснений, которым, конечно, принадлежит достаточно серьезное место в этом вопросе, все же основа разрешения этого вопроса лежит в создании сублимационной обстановки. Онанистические манипуляции в корнях своих питаются закупоренной детской активностью, которую надо поэтому вскрыть и творчески развернуть во вне. Онанизм лишится тогда основного своего питания.

**Разъяснения
по половому
вопросу.**

Разъяснения детям сущности половой жизни, надо воздержаться как от устрашения детей, так и от прививки им отвращения к сексуальности. Нежелательно-раннюю привлекательность чувственного содержания сексуальности можно обезвредить более спокойными, более рациональными методами. Ранняя эротика, как мы видели, одновременно является средством, способствующим коллективизации, активизации детей. Так ее и следует расшифровать детям. Сексуальность лишь часть общей суммы детских и человеческих радостей, — она немыслима без ее широкого окружения, и на чувственное воплощение она получает право лишь тогда, когда человек социально и биологически способен, готов иметь потомство. Поэтому традиционные передачи детям сведений о сексуальности, по линии аналогии с животным и растительным миром, не выдерживают, конечно, критики. Сексуальность человека, этого глубоко социально дифференцированного организма, гораздо сложнее, и ограничивать анализ ее сферой размножения, значит, главным образом, устремить интерес ребенка непосредственно к половому акту. Между тем, уяснение социального окружения сексуальности должно направить детей по пути всесторонней их заинтересованности всеми элементами окружающей жизни, как равноценными и для сексуальности и для прочих областей человеческого бытия. Половой же акт — лишь конечное завершение этой всесторонней человеческой зрелости, передача социально-личного богатства в надличное, в потомство, в историю.

Очевидно, в этом вопросе не должно быть лжи, — надо добиться у детей ясного, честного, открытого, ответственно-социального взгляда на сексуальность. Надо воспитать в детях чистый подход друг к другу и к взрослым в области полового вопроса. Ложь — один из лучших факторов для культивирования аутоэротизма, для отрыва от реальности.

Надо добиться отвлечения первичного полового „переноса“ от изолированного объекта — учителя, товарища — на весь коллектив, уясняя „влюбленному“ всю творческую бедность этого искусственного сужения широко любовного отношения ко всей жизни с ее революционной борьбой, с ее научными перспективами и пр. Влюбчивость надо рассеивать по многим творческим областям.

Сублимация и воспитатель. Вполне очевидно, что определяющим моментом для создания такой сублимирующей, организующей обстановки является педагогический коллектив.

Воспитатель, педагог, сам раздвоенный в половом вопросе, скрывающий свою истинную сексуальную жизнь от собственной совести, тем более от других, — конечно, не годится в „сублиматоры“. Невольные остановки, срывы на самых чувствительных местах, будут болезненно восприниматься детьми, создавая у них сложнейшие торможения, конфликты.

Психоаналитик в прежнее время должен был предварительно сам подвергнуться исчерпывающему психоанализу. Исчерпывающей половой гармонизации должен подвергнуть себя всякий воспитатель, желающий иметь право на ответственное отношение к половой педагогике, т.е. фактически всякий воспитатель вообще, так как полового элемента не выгонишь ни из одной части педагогического процесса.

Педагог обязан развернуть в себе и другие, совершенно неотменимые сублимирующие свойства. Ведь сублимация избыточно ранней сексуальности, это — перевод возбуждения, перевод стремлений на детский и, вообще, на человеческий коллектив, на творческую активность, на современную революционную реальность (поскольку это касается СССР)¹⁾. Если этих черт у педагога нет, если современность отделена от его сознания густой пеленой кисловато-сероватого тумана, если он замкнут во чреве своего нутра и страха, если бог для него выше обнаженной реальности, — что, кроме антисублимации, кроме сутубой эготизации, грубой сексуализации способен будет он создать?! Лишь действенная, коллективистическая, материалистическая, революционная идеология, лишь бодрость, искренность, настойчивость, чуткость сделают педагога сублимирующим орудием, прочным мостом для первичного детского „переноса“. Такой педагог сумеет организовать и сублимировать весь материал детской среды, сумеет извлечь все сублимирующие возможности из окружающей взрослой среды, сумеет превратить и себя самого в великолепный образец для сублимационного детского подражания.

Такое великолепное сублимирующее средство, как коммунистическое детское движение²⁾, как Коммунистический Союз Молодежи — может ли быть использовано педагогом, „не приемлющим“ революционной современности, не усвоившим коммунистической идеологии?

¹⁾ Конечно, не только СССР. Но лишь у нас, пока, имеется полная к этому возможность. На Западе идет яростная борьба революционного меньшинства учительства за право на сублимацию.

²⁾ См. нашу брошюру: „Детское, пионерское движение“. (Изд. „Молодая Гвардия“, 1924 г.)

К счастью, наш сублимирующий педагогический кадр растет неуклонно и быстро. Пафос революционного героизма, пафос повседневной трудовой практики во имя торжества социалистических республик — начинает глубже, настойчивее пронизывать весь педагогический процесс.

Аскетизм?

Правильное половое воспитание требует не только определенной, яркой, широкой идеологической установки педагога, не только глубокой искренности, умения, такта, — оно обязывает, с другой стороны, еще и к чрезвычайной чуткости, — я сказал бы даже к нежнейшей осторожности при подходе к этой существенной части детской психофизиологии. Дело в том, что сублимационные воздействия, при всей их исчерпывающей ценности, — если их неумело применять, зачастую попросту угрожают полной кастрацией и той части сексуальности, которая имеет в дальнейшем все права на естественное осуществление. При таком „сверхсублимирующем“ увлечении можно развить и противоестественный, грубый аскетизм, — резкий отказ в дальнейшем от вполне законных половых проявлений, сугубую настороженность, подозрительность в отношении к своим переживаниям: „не скрывается ли в них злостное половое начало?“ Надо тщательно избегать подобных, уродливых, недопустимых последствий сублимационной сверхлевиэны. Та часть радости, которая присуща в дальнейшем здоровой сексуальности, должна быть при ней сохранена.

Воспитательская среда.

Строя вместе с детьми самостоятельную детскую организацию, сопровождая ребят на экскурсии, чутко вглядываясь в повседневный детский быт, проводя с детьми обычные занятия на уроках, ни на один миг воспитатель, педагог не должен забывать о колоссальной сублимационной роли всей среды, окружающей ребенка. Мельчайшими черточками повседневности, любым случайным детским — индивидуальным или коллективным — проявлением, любым примером из поведения взрослых, воспитатель может создать все более нарастающие сублимационные установки.

Особенно ценным является умелое использование детского общественного мнения, как сублимирующего средства. Умелое маневрирование детского коллектива может оказаться отличным средством в борьбе с повышенным аутоэротизмом: детская среда способна создать лучшие радости ребенку, чем интимное его самоуглубление. Сублимирующее начало можно внести и в семьи детей, связав их с детскими коллективами, со школой, перенеся в эти семьи элементы сублимирующей атмосферы живых детских интересов.

Можно пытаться „обезрадостить“ повышенную детскую сексуальность, умело вводя в нее юмором, тонким паржем. Излишняя лирика, избыточная влюбчивость, умело и осторожно осмеянные, дают толчок для более широких общественных выявлений. Лишенный ненужной радости в узкой области, ребенок потянется за радостью к более широким областям, — надо лишь во-время раскрыть их перед ним.

Радикальной переоценке в глазах детей должна быть подвергнута вся почти дореволюционная художественная, в том числе и специально детская литература, все почти искусство, — уделявшие чисто половой романтике (явной и замаскированной) в пятьдесят раз больше места, чем последняя того социально и биологически заслуживала. Клиенты этой литературы, эгоистически замкнутые в кастрированном эксплуататорском строе, требовали некогда именно такой пищи. Советским же детям она не нужна: у них народятся, нарождаются иные потребности, в которых социальное вернет себе обратно то, что нагло было у него похищено сексуализированным капитализмом („der Mensch sexualisiert das All“¹⁾) — хорошо выразился Ницше, тонкий знаток запахов разлагающегося буржуазного общества. В этом вопросе серьезное подспорье нам окажут художественные выявления детей: пьески, стихи, рисунки, суды...

Паника?

Не нужно, вместе с тем, создавать в половом вопросе панику. Паника, бум, террор — лучшее средство для привлечения нездорового внимания. Даже в тех случаях, когда воспитатель сталкивается с чрезвычайно тяжелой обстановкой, пересыщенной половыми преувеличениями, в панику впадать не от чего, тем более, что предпосылки для выправления этих изъянов, в подавляющем большинстве, самые оптимистические. Детская сексуальность, в 90% случаев, как бы далеко даже она ни зашла, настолько еще упруга, настолько еще обороноспособна в своем здоровом содержании, что глубина и быстрота лечебного эффекта всегда оказываются прямо пропорциональными умелости воспитательского подхода. Чаще всего дети с избыточной сексуальностью представляют собою лишь обратную сторону медали, на лицевой стороне которой имеется богатейшее, но плохо направленное творческое содержание. Хорошо сублимировав это большое богатство, мы сумеем в дальнейшем использовать его как таран для борьбы с той же избыточной сексуаль-

¹⁾ „Человек сексуализирует, весь мир“. — Конечно, по-нашему, — лишь человек эксплуататорской эпохи.

ностью в других детях. Здесь целая серия неожиданных, ценнейших возможностей. Для паники, для террора нет никаких оснований.

Запреты? Особенно осторожными надо быть с запретами. Взамен подавляющих задержек не лучше ли создавать возбуждающие, радующие перспективы противоположного порядка? Количество запретов обратно пропорционально количеству хороших сублимационных выходов. Но ведь мы знаем, что при отсутствии сублимационных каналов, кроме искусственных подавлений, страхов, неврозом мы ничего больше создать вообще не в силах. Надо действовать таким образом, чтобы у ребенка нужное заторможение произошло само по себе, — чтобы нити, связывающие нежелательные влечения с определенным питательным материалом, были оборваны — путем направления этого питательного материала на новые, нужные, ценные, более радующие цели. Чистый же запрет вызывает лишь добавочное сопротивление, обострение желания.

Совместное воспитание. Ценность совместного воспитания, конечно, чрезвычайно высока. Надо начинать его в самые ранние годы, когда чувственное половое влечение еще не оформилось. В порядке сублимационного общения (игры, книги, совместное насыщение любознательности, объединяющая общественная работа и пр.), дети привыкают к чувству равноценности обоих полов, и прививаемое им обычно средой — раннее, неестественно обостренное „чувство разнополости“ в значительной степени смягчается. Это помогает гармонизации половых влечений в дальнейшем, так как чувство равенства, идейной общности мешают грубому прорыву оголенных половых проявлений. По мере действительной половой зрелости чувство разнополости в дальнейшем мягко просачивается в общение детей, но здесь оно уже не опасно, так как, во-первых, соответствует возрасту; во-вторых, оно связано с целой серией страхующих, нейтрализующих товарищеских навыков. При совместном воспитании надо лишь учитывать некоторую разницу в социальных, интеллектуальных установках мальчиков и девочек, умело их комбинируя, строя на этих взаимодействиях особо плодотворную педагогическую работу. Между прочим, действительное политико-идеологическое воспитание в коммунистическом духе является одним из лучших средств для скрепления товарищеских связей обоих полов. Опасения Холла, Ферстера и др. — опасения нивелировки специальных свойств различных полов при совместном воспитании — не обоснованы, не говоря

уже о том, что эта грубая половая спецификация в значительной степени преувеличена взаимоотношениями людей в эксплуататорском строе.

Что же касается объединения обоих полов в более старшем детском возрасте — при разобщенном воспитании их до того, подобный вопрос должен быть точно также всегда разрешаем положительно. Лишь в исключительно болезненных случаях, когда надо соединить вместе группы детей, воспитывавшихся до того разобщенно, и вместе с тем, когда эти дети имеют многочисленные половые изъяны, в таких случаях, конечно, вопрос осложняется. Самым лучшим условием при подобных обстоятельствах является возможность организации среди этих детей сплоченного, организованного, вполне здорового сексуально ядра, достаточно многочисленного, имеющего своих представителей во всех группах, чтобы им маневрировать при воспитательских мероприятиях. Если этого ядра нет, надо уметь его создать. Во всяком случае, фактически иногда приходится поневоле разрешать этот вопрос индивидуально, применительно к исключительно плохим конкретным обстоятельствам, характеризующим данный детский и педагогический коллектив: насколько трудно удается при данном составе детей и персонала наладить сублимационную обстановку. В частности, вопрос этот особо чутко приходится ставить при некоторых тяжелых группах так называемых „трудных“ детей. Легче создать эту обстановку на базе постоянных и тесных общественно-трудовых отношений в школе круглого дня (детские дома, труд-колонии), чем в открытых школах, но и в последних удача в преобладающей своей части зависит от качества и технических возможностей, от педагогического персонала. Ориентироваться надо всегда на совместное воспитание, и неудача последнего — в подавляющей степени на ответственности педагогической среды.

Физкульт. Значение физического воспитания конечно, чрезвычайно велико, но не надо его истолковывать грубо, как чисто „биологическую“ гигиену. Спорт лишь тогда будет сублимирующим мероприятием, лишь тогда он не вырождается в нелепый атлетизм или самодовлеющий азарт, если он будет связан с яркими социальными заданиями. Не себялюбивое стремление к здоровью должны вкладывать в этот спорт ребята: цель спорта, как и прочих гигиенических мероприятий, в глазах детей и в действиях их должна сосредоточиться на широко сублимационных, т.е. социальных, перспективах: на подготовке закаленных, стойких бойцов для войны за революционные идеалы — по примеру пионерских групп.

Выводы.

Итак, мы видим, что наша новая общественность — советский строй, наша коммунистическая идеология, а также теоретический материал, предоставляемый нам учением о рефлексах и исправленным учением Фрейда, заставляет нас совершенно по-иному подходить к оценке и использованию детских половых элементов в сравнении с тем, как это практиковалось в дореволюционной педагогике. До готовой практической рецептуры нам, конечно, еще очень далеко, но хорошо и то, что ясна перспектива, имеются возможности поставить первые вехи.

Совпадение трех начал: 1) задач советской педагогики, 2) социальных и биологических возможностей, открываемых советским строем, и 3) внутреннего существа самого ребенка — залог успешности наших мероприятий по половому воспитанию.

Р. С. О половом воспитании особо трудных детей подробно сказано в книге автора: „Вопросы советской педагогики“.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Два года дискуссии по половому вопросу ¹⁾.

Наши писания по половому вопросу удостоились заботливого внимания критики — как советской, так и закордонной. Критика призвана помогать читателям, автору. Разберемся в этой оказанной всем нам помощи.

I. Первое правоучение получили мы от А. Тр. по поводу первого очерка данной книги, напечатанного в свое время в сборнике „Молодая Гвардия“ ²⁾. Статья эта, с очень небольшими изменениями, уже вторично перепечатывается в редактируемом т. Ярославским комсомольском сборнике „Вопросы жизни и борьбы“; она же помещена в журнале научно-педагогической секции Госуд. Учен. Совета „На путях к новой школе“, вызвав живой положительный отклик учительской массы. Рецензия Тр., долженствующая, очевидно, мотивированно опротестовать этот интерес комсомольской и педагогической аудитории к статье, выдвигает следующие два глубоких положения: а) статья похожа на опубликованный в „Правде“ т. Сосновским комический документ советского Пошехонья; б) статья представляет собою простое словоблудие. Насколько нам известно, критика, выдвигая те или иные положения, обосновывает их путем анализа произведения. Рецензия Тр. не дает этого анализа, — приводит взамен одну лишь длинную цитату (в 8 строк), в которой, для вящего извращения смысла, изуродованы (рецензентом? корректором?) знаки препинания. Надеюсь, читатель согласится с нами, если мы назовем подобную критику — рецензентским словоблудием.

¹⁾ Все очерки книги, большая часть которых была перед тем разрозненно помещена в различных журналах, сданы целиком в печать летом 1924 г. и быстро были пущены в машину. Однако, в дальнейшем, по ряду причин выпуск книги был задержан, и она выходит лишь сейчас. Так как все листы книги были уже напечатаны, внести в них накопившиеся за минувшие 1½ года добавления, разъяснения и поправки оказалось невозможным, приходится чрезвычайно сжато проделывать это в особом послесловии. Некоторые поправки удалось включить лишь на 15 и 16 стр. книги.

²⁾ Рецензия А. Тр. в „Правде“, 1924 г., № 241.

II. Вторым подает руку помощи читателям и автору рецензент Л. Тарский¹⁾. Критика его — грубая, злобная, ехидная, но все же она пытается, с грязью пополам, дать анализ наших соображений по существу. Тарский, оказывается, обвиняет нас в шести смертных грехах: 1) „Залкинд, по стопам половой жизни зверей, требует подчинения человеческой сексуальности исключительно целям размножения“; 2) „Залкинд сильно огорчается по поводу глубокой разницы половой жизни человека и животных, по поводу потери человеком биосезонных половых ритмов“; 3) Залкинд преувеличивает гиперсексуализм современности, так как „у примитивных народов половое созревание наступает гораздо раньше, чем у нас“; 4) Залкинд возводит кривду на буржуазный строй, обвиняя его в нерациональном использовании биоэнергетического человеческого богатства: наоборот, — „ведь именно в условиях капиталистической эксплуатации зарождается классовое сознание пролетариата“, — и т. д.; 5) Залкинд уродует, опешляет понимание человеческой природы, сводя ее к трем элементам: общебиологическому, социальному и половому, при чем производит классовое сознание из социального чувствования; 6) Залкинд придумал нелепые нормы коммунистической этики: диалектический материализм, коллективизм, активизм, организацию, — за которые, в залкиндовском их толковании, с удовольствием ухватится и контр-революция.

Обвинения Тарского действительно оказались бы сокрушительными, если бы только... можно было их обосновать. К счастью, буря прокурорского порыва очень легко превращается в треск хлопущки. Разберем по очереди „обвинения“ Тарского²⁾.

1) Как знают теперь товарищи, прочитавшие книжку, половая жизнь животных для автора не является идеалом, и об отрыве половой жизни от размножения автор не плачется. Я лишь констатирую факт, что, в условиях современной культуры, половая жизнь сгущается, обостряется, извращается, при чем этот половой избыток идет не на размножение, а используется паразитически: кстати, и сам он — паразитического происхождения. Надо ли этот паразитический половой избыток тратить на размножение? Тарскому почудилось, что я именно этого и требую. Нет, почтенный критик, всюду я высказываюсь вполне отчетливо, что от этой паразитической половой накипи толку для потомства не будет, и единственный способ борьбы с нею, полезного „расходования“ ее: больше сублимации, сублимации, субли-

¹⁾ «Книгоноша», 1924 г., № 42, — статья Тарского, посвященная первой статье данной нашей книги.

²⁾ Рецензия Т. — обширная, — приходится остановиться на ней подробнее.

мации. В буржуазном строе это требование оказалось бы биологической морализацией, нелепой, неосуществимой, — у нас же, адресованное нашей красной молодежи, получающей бездну творческих радостей, оно звучит естественно, законно, исполнимо. Целая стая авторов, критиков играет в скверную игру, умиленно расшаркиваясь перед нашей половой стихией, потворствуя мелким повседневным половым слабостям, на которые уходит бездна химической энергии и социально-творческих возможностей. Эту половую стихию, в наиболее значительной своей части являющуюся устранимыми условными рефлексам, можно, в наших советских условиях, серьезно унять, если только... не следовать за критиками-фаталистами. Ну, а куда же девать оставшуюся часть полового возбуждения, которое все же не целиком сублимируешь? На размножение? — ехидно спрашивает вас Тарский. — Во-первых, надо стараться этот остаток довести до минимума (не одни же фаталистические нравоучения, мешающие сублимации, являются сейчас „раздражителями“ для нашей молодежи; на сублимацию будет работать и рост социалистического строительства, и наша этика, и вся наша молодая общественность, — это не так мало); во-вторых, этот остающийся минимум надо тратить по правилам современной половой гигиены. Вот и все. Лучшую его часть следует, конечно, отдавать размножению, так как революции не безразлично, какие ребятняшки ее унаследуют: гнилые плоды половых случайностей, или нечто более доброкачественное.

2) „Сезонные половые ритмы зверей и современная человеческая половая жизнь“. — Прошу читателя уловить в тексте хотя бы тень нашего сожаления об утере этой сексоритмики. Конечно, эта ритмика, утерянная нами благодаря освобождению от власти природы, к нам не вернется, и никакого блага от нее в наших „не ритмических“ условиях борьбы за жизнь, понятно, не будет. Почему холодное констатирование нами этого простого факта фантазия рецензента приняла за мученический стон, пусть судит об этом специальная экспертиза. Недаром еще Фрейд и Ницше говорили, что нет должного спокойствия, когда читаешь и споришь о половом вопросе.

3) „У примитивных народов половая жизнь развивается раньше нашего“, — возмущается Тарский, тщательно очищая „культурное“ человечество от возводимого нами на него полового поклёпа. — Так ли? Раннее пробуждение всех сторон здоровой половой жизни у примитивных народов, вплоть до деторождения, наш критик изволил сравнивать с тяжелейшей половой размагниченностью современного юношества, лишенного в наиболее ответственные периоды его жизни значительной части своих творческих механизмов?

Примитивные народы что-то не знают массовых психоневропатий на почве ранней сексуальности, а вот мы их, к сожалению, слишком хорошо знаем. Дело не в формальном возрасте сексуализированных, а в качестве их сексуальности.

— Ну, что ж, „примирительно“ может заявить нам Тарский, — болезненная сексуальность оттого и возникает, что „физиологические изменения организма по темпу отстают от быстроты развития общественных отношений“. — Для нашей современной общественной среды ранняя сексуальность примитивных народов — вещь негодная, вот почему она так болезненна... Если действительно таково будет „возражение“ Тарского (приведенную нами выше цитату только так и можно понять), оно целиком излагает мою же мысль из статьи, т.е. не является возражением. Разница лишь в том, что я углубляю эту мысль, веду ее дальше, пытаюсь биологически показать, как именно постепенно происходит это половое уродование современного ребенка в эксплуататорском строе.

4) Однако, буржуазный строй удостоился самой лестной защиты со стороны Тарского. — Все благополучно с энергией пролетариата в буржуазном строе, — восклицает он. — „Залкинд клеветает на пролетариат“. — Разрешите изумиться, эмоциональный критик. Неужели вы находите, что голод и холод, социальная сдавленность, подневольный труд являются наилучшей атмосферой для правильного расходования энергетического запаса пролетариата? Классовая организация, революционный порыв — все это, конечно, хорошо, но это является исчерпывающим биологическим разрядом лишь в периоды революционных праздников класса, в стадии действительной, активной революции. В остальные же периоды огромная часть биологической энергии класса остается сдавленной, сплюсненной, а потому легко переключаемой на нецелесообразные пути, в том числе и на половые рельсы. Напрасно, однако, Тарский защищает рабочий класс от моих половых наветов („пролетариат обременен пороками не больше, чем другие слои“), — я и без его разъяснений высказываю это же в книге, притом более твердо, чем он: „обременен меньше других классов“¹⁾. Но все же „обременен“, „не ангел“, что и следует учесть при классовой нормировке полового поведения. Об этом, только об этом я и говорю, притом без „критической“ демагогии.

5) Тарского глубоко возмущает наша „пошлая“ попытка разделить проявления организма на три группы: общебиологические, социальные, половые проявления. В чем здесь

¹⁾ См. 2-й очерк.

сказывается авторская пошлость, так и не видно из рецензии. Членораздельно звучит лишь обвинение нас в попытке включить социальный момент в биологические проявления (против 1-й и 3-й группы возражать вряд ли Тарский собирался), — рецензенту показалось, что мы классовое сознание производим из социального чувствования, т.е. из биологии. Но и эти глупости Тарскому попросту почудились: мы указывали нашим текстом, что массовое классовое сознание пролетариата проецируется (не порождается, а проецируется, т.е. проявляется) в каждом отдельном пролетарском организме как классовая направленность, как классовая эмоция (разве это не так? Разве пролетариату не присущи классовые эмоции?), которая, встретив в том же организме половое заграждение (а ведь мы только-что согласились с Тарским, что и пролетарий „не ангел“: „пороков не больше, чем у других классов“), может испытать нецелесообразное, тормозящее переключение. Конечно (и лишь клеветник заподозрит нас в противоположном высказывании), как для усталости, так и для других биологических (в том числе и полового) торможений основной предпосылкой является социальная причина (у нас об этом всюду четко говорится), но о значении периферических, производных, вторичных — биологических моментов забывать тоже не следует: позиция страуса, прячущего от опасности голову под крыло, — ведь далеко не боевая позиция.

б) Последний выстрел критика адресован нашим четырем нормам пролетарской этики. Что в них, однако, неприемлемого? Индивидуализму, экономическому и прочему хаосу, мистицизму и массовой пассивности буржуазной этики я противопоставил классовый, пролетарский коллективизм, трудовую и боевую организацию, диалектический материализм, революционно-боевой и трудовой активизм. Разве этими нормами не определяется полностью пролетарское поведение, разве действительно так уж охотно пойдет за подобной этикой контр-революция? Опомнитесь, „критик“ Тарский! Сбросьте немедленно прокурорскую мантию и примите холодный душ. Хлопушка — не пушка!

III. Перейдем к поучениям т. Боссе ¹⁾. Обвиняет он нас в следующих шести преступлениях: 1) З. говорит глупости, заявляя, что чисто физическое влечение недопустимо с революционно-пролетарской точки зрения; 2) З. не указывает, как управлять „физическим“ половым влечением, если оно все же появляется; 3) З. говорит глупости, называя половую близость с глубоко чуждым человеком неорга-

¹⁾ „Правда“, 1925 г. № 20. — Рецензия касается материала третьего очерка книги.

низованной, внебрачной связью; 4) З. отвергает случайные связи для женщин, мотивируя это невозможностью воспитывать ребенка; 5) З. нелеп, когда требует общественного воздействия на проявления половой ревности; 6) З. не дает молодежи реальных путей в половом вопросе, годных для наших современных условий. — Тон рецензии т. Боссе значительно более спокойный, чем его предшественника, — ответим и ему более спокойно. Должен согласиться с критиком, что императивный, догматический стиль наших половых „заповедей“, без предупреждения, способен вызвать недоумение у читателя. Марксист обязан анализировать тенденции исторического развития, и, лишь четко разобравшись в них, в праве он строить нормы долженствований. Этого анализа наша третья статья, конечно, не дает (в предисловии мы предупреждали об отсутствии социологического анализа в книге), но этот анализ, как предпосылка, всюду сам собою подразумевался. В самом деле, каковы тенденции нашего растущего советского общества в отношении к половому вопросу, — в частности, авангарда его — рабочего класса: а) рост социалистического хозяйства, т.-е. главным образом крупной индустрии, влечет к увеличивающемуся коллективизму и организованности в рабочих массах; б) рост социалистического хозяйства влечет к увеличению культурности рабочего класса и к богатому развитию его культурных потребностей; в) к увеличению его гигиенической грамотности; г) к увеличению производственной и общественной роли женщины-работницы; д) к улучшению дела воспитания рабочей детворы, и т. д. и т. д. Какое значение имеют все эти факторы для тенденций половой эволюции рабочего класса? При отсутствии тех дезорганизующих социально-экономических условий, которые отягощают организм рабочего в эксплуататорском обществе, переключая там значительную часть его биологических сил на нецелесообразные пути, грядущий советский рабочий получит возможность спокойно и организованно накапливать полезные биологические навыки, в том числе и навыки половой жизни. Повидимому, при развитии общественного питания и других форм коллективного быта, — при росте значения социального воспитания детей, — семья постепенно будет терять свое значение, и проявления половой жизни, очевидно, будут стимулироваться и регулироваться из каких-то иных источников. Из каких же? Из тех элементов сексуальности, которые в процессе здорового роста организма специально окажутся направленными на половые цели. Не надо представлять себе половой фонд человека механически изолированным, стихийно проявляющимся по своим собственным законам (об этом достаточно подробно говорилось выше, во всех статьях).

Наоборот, он способен на самые разнообразные перемещения, переключения, в зависимости от полученного воспитания и накопленных господствующих целевых установок (доминанты). Сила и частота влечения к половому акту подвержена сложным колебаниям у одного и того же человека в зависимости от окружающих его в данный период условий и от предъявляемых к нему жизнью требований. Человек, предоставленный сам себе, хаотически проявляющий себя в работе и жизни, окажется больше во власти неорганизованной и голой половой стихии, чем человек, варящийся непрерывно в коллективистическом соку, тренирующий себя на труде и в общественности, пропитанный многообразными культурно-творческими тяготениями и впечатлениями. Из общего биологического фонда его подавляющая часть переключится на наиболее актуальные установки, и для половых устремлений останется лишь незначительная часть, притом организованно проявляющаяся, тщательно (даже помимо воли) дозируемая. Коллективизм, организованность, рост действительного, т.-е. социально ценного творчества в подавляющей степени опустошит громоздкий, разбухший половой фонд современности, с пользой как для общества, так и для индивидуальной сексуальности. Об этом вполне недвусмысленно говорит и современная сексология и рефлексология (учение о доминанте). Не только количественно, но и качественно сексуальность изменится при таком положении вещей: воистину пролетарски-культурный, т.-е. коллективизированный и творчески организованный, творчески богатый человек постепенно будет терять способность к чисто чувственному, изолированно-физиологическому половому влечению, так как развитие его мозговой коры, рост количества и качества его условных рефлексов свяжет его сексуальность неразрывными и глубоко проникающими нитями со всем прочим творческим окружением, без влияния которых не выявится ни один половой порыв.—Таким образом, исходя из тенденций развития советского общества (предсоциалистического, социалистического, коммунистического), мы полностью в праве утверждать, что половая жизнь психологически (эротически) обогатится, чувственно смягчится, станет более скромной, организованной, уменьшится в своей частоте и изменчивости: для сложного многоразветвленного полового рефлекса (а именно таким и будет грядущий половой порыв) потребуется значительно больше предпосылок и в смысле качеств полового объекта и в смысле длительности срока увязки отношений с ним. Это „поневоле“ сократит количество половых актов и число половых связей. Как видим, наши догмы не выдуманы, — они целиком вытекают из тенденций социального развития, конечно, если

мы ориентируемся на победу советского строя, а не на реставрацию буржуазии. Наступит время, когда, действительно, голо-физиологическое половое влечение станет невозможным для человека — неосуществимым, „недопустимым“. Об этой тенденции половой эволюции мы и говорим в наших нормах. Но как быть сейчас, когда перед нами не будущее, а настоящее? Во-первых, нет такого настоящего, в котором отсутствовал бы зародыш будущего, — установка на неизбежное будущее должна быть такой же основой нашего повседневного поведения, как и установка на сегодняшний день. Конечно, осуществлять эту установку „на даль“ труднее, чем связывать себя исключительно с сегодняшним днем, но все же можно и должно помогать исторической неизбежности, выкраивая, извлекая из современности такие раздражители, такие стимулы, которые ускоряют продвижение вперед. Чем энергичнее агитировать за производительность труда, чем глубже культурно обрабатывать рабочего, чем сильнее воспитывать классовый контроль над половой жизнью, — тем проще, легче, скорее осуществится неизбежная тенденция половой эволюции в направлении наших норм. Чем больше скептических ужимок будет у критиков по поводу стихийности и невоспитуемости полового влечения, — тем слабее будет нажим общественного, классового мнения на половую жизнь (это очень значительный регулятор сексуальности), тем дольше будет протекать половая жизнь в формах распущенности и избыточности. Критики, пользующиеся страницами больших газет для фатального преклонения перед половой стихией, — совершают вреднейшую воспитательную работу, ослабляя сопротивляемость молодых организмов в отношении к половой стихии (рецензент из „Правды“ ведь очень серьезный условный раздражитель для красного молодняка).

Ну, а как все-таки быть, если голое физиологическое влечение все же прорвется, несмотря на свою недопустимость? — иронически восклицает Боссе. — Вот, коллективизируюсь, организируюсь, тренируюсь, культурируюсь, — а чувственность все же прет и покоя не дает! Как же быть? — Боссе требует ответа, — ну, что же. Если действительно испытаны все средства урегулирования чувственности — и в окружающей среде и в себе самом, — обратись тогда к популярной книжке по половой гигиене, где найдешь соответствующие детальные рецепты. Ведь я говорю о нормах, тенденциях полового поведения; что же касается частных рецептов, им ведь не место в статье о половой этике. Не передержка ли со стороны критика — требовать от меня этих рецептов?

Обосновав первый наш тезис — „о тенденциях половой эволюции“, мы без труда можем подойти и к прочим про-рическим кивкам Боссе. Первые три из них исчерпаны этим тезисом. В четвертом пункте Боссе допускает неточное изложение моей мысли о нежелательности случайных связей для женщины: я мотивирую это не только невозможностью воспитать ребенка (в наши дни, ужасающая детская беспризорность и трагическое положение детдомов достаточно убедительно кричат об этом вместе со мной), но и другими причинами (см. выше: стр. 50, 53 и др.). Такова и социально-биологическая целесообразность, такова и тенденция развития. Что же касается сегодняшнего дня, — очевидно, случайные связи у женщин пока еще будут, как бы мы ни протестовали. Можно ли их уменьшить (помимо, конечно, изменения общих социально-экономических условий)? Да, до известной степени можно. Рост производственного и классово-культурного значения женщины понизит ее эротическую самоуглубленность ¹⁾, увеличит ее чувство независимости, повысит ее требования к возлюбленному, и тем сильно сузит круг случайных половых возможностей. Надо ли за это агитировать? Надо. Принесет ли это пользу? Да, принесет, уже приносит, — стоит лишь внимательнее всмотреться, без предубеждения, в зарождающиеся ростки нового женского быта, пока они еще не подверглись влиянию скептически настроенных рецензентов.

Пятый протест Боссе — по поводу вмешательства общественности в проблему ревности, — да простит меня критик, — просто нелеп (ругань за ругань — квиты). Нельзя же так механически, попросту безграмотно, подходить к сложным душевным переживаниям. Не надо представлять себе ревность как состояние, питающееся исключительно из половой секреции. Ревность — стихия, — это вульгаризация понятия о ревности. На ревности наложены самые разнообразные, притом очень сложные социально-психологические накопления: ревность усиливается, когда человек оказывается в положении социальной неполноценности, — и обратно, уменьшается в периоды социального утверждения личности; творчески заполненные периоды бедны ревностью, — и обратно, творчество часто бывает бегством от ревности; человек со лживой установкой чаще ревнует, не доверяет, чем человек правдивый, и т. д. Очевидно, возможности воздействия общественной среды на проявления ревности не так скудны, как это мерещится Боссе, представляющему себе ревность исключительно в виде того страшного чудовища, которое обрисовано Шекспиром

¹⁾ См. второй и третий очерки кивжжж.

в „Отелло“. Но ведь Отелло — средневековый мавр, да и то условный, а мы говорим о культурном пролетарском молодняке в С.С.С.Р. начала второй четверти XX века. Пожалуй, иллюстрация моя с апелляцией к ячейке мало удовлетворительна (добрых два десятка случаев из известной мне практики нового быта), но вообще возможности социально-воспитательного воздействия на ревность достаточно богаты: об этом хорошо знает, между прочим, и психотерапия. Говоря о современной ревности, надо знать учение об условных рефлексах, т. Боссе. Уж не полагаете ли вы, как зоолог, что это учение годится только для собак?

Шестое обвинение Боссе теперь мы в праве отвести. За детальную рецептуру половой гигиены для сегодняшнего дня мы в нашей третьей статье не брались (это дело дальнейшей нашей работы по половому вопросу), — мы дали в ней лишь общие нормативные вехи.

IV. Четвертый рецензент, Вл. Васильевский ¹⁾, касается наших соображений по половому вопросу очень кратко. Но это не мешает ему быть беспощадным: 1) „Нам кажется (? А. З.), что все построение вопроса о половых нормах у Залкинда не научно“ (мотивы сего смертного приговора не даны ни в одном слове); 2) „Залкинд нигде не намекает молодняку на необходимость естественного образования, знание анатомии“. — В сказке неумный Иванушка начал служить панихиду на свадьбе: в краткой статье об общих нормах половой жизни требовать популярного очерка по анатомии половых органов ведь не очень разумно; знание элементарной половой физиологии — предпосылка для чтения такой статьи, — на иную аудиторию она и не рассчитана ²⁾. 3) По Залкинду, „половая жизнь должна служить для боевого формирования внутриклассовых отношений“. — Передержка, рецензент Васильевский! Залкинд, на самом деле, пишет следующее: „В половых переживаниях человека имеется много элементов социальной симпатии и антипатии, живых, даже подчас очень горячих отношений между людьми: ревность, ненависть, половое соревнование, половой соблазн, обожание; все эти чувствования, создаваемые в процессе развития половых переживаний, вносят новое, иногда очень дезорганизующее, содержание в отношения внутри одного и того же класса, дробя его стойкость, нецелесообразно отвлекая часть его сил от боевого и производственного пути в русло половых исканий, зачастую даже грубо, в разрез с боевыми интересами класса. Тем самым половое

¹⁾ „Красная Молодежь“, 1925 г., № 1, — рецензия коснулась третьей статьи книги.

²⁾ Статья появилась в печати через полгода после первой, которая как раз и входила в подробный популярный анатомо-физиологический сборник.

не безразлично для класса и с точки зрения здоровой организации внутри-классовых связей, внутри-классовых отношений". — Здоровая же организация внутри-классовых отношений — это и есть боевая их организация. Отсюда вполне законным является и конечный мой вывод о значении полового вопроса для класса: „Половая жизнь для создания здорового революционно - классового потомства, для правильного боевого использования всего энергетического богатства человека, для революционно-целесообразной организации его радостей, для боевого формирования внутри-классовых отношений, — вот подход пролетариата к половому вопросу". — В общем контексте, в связи с приведенным предисловием, вышеуказанная цитата выглядит далеко не так плохо, как в том действительно бессмысленном, оторванном от целого огрызке, который „хитро" выдернул рецензент. — Тоже „критический" прием! 4) Передержки Васильевского продолжают: „Залкинд для борьбы с половыми ненормальностями предлагает создать... классовой противоположной насос". Видимо, мы имеем дело с расчетом рецензента на глупого читателя или на аудиторию, которая совсем не прочтет статьи. Наш термин, снова злостно изолированный рецензентом от прочего текста, действительно выглядит достаточно неуместно, если не знать, с каким предшествующим содержанием он связан. — Указав, что отвратительная среда эксплуататорского общества содействует отсасыванию значительной части биологической энергии человека в сторону сгущения половых проявлений, я указываю, что строй победившего пролетариата является обратным средством, своего рода противоположным насосом, отвлекающим в сторону творчества украденную у последнего энергию. Хорошая организация всех элементов среды, нужных для этого обратного отсасывания избыточной половой активности, и названа мною образно „противоположным насосом". Для разъяснения этого термина я рядом с ним поставил другой, равнозначный — „сублимация" (перевод половой активности на творческие рельсы), но наш „критический" жонглер счел более удобным исказить истину. Так сказать, — тоже критический метод!? — О Васильевском, пожалуй, довольно.

V. Суровую рецензию о второй статье книги дал т. П. Сапожников¹⁾. Без ехидничанья, спокойно и обстоятельно [очевидно, «критический» стиль Тарского, Вл. Васильевского и... Тр. (тррр?) не является обязательным для всех рецензентов], критик анализирует наши соображения по существу. Для него неприемлема вся наша позиция в целом:

¹⁾ „Правда", 1925 г., № 187, — рецензия о втором очерке данной книги, вышедшем отдельно.

„Залкиндовская метафизика своей теорией и своими практическими указаниями вносит лишь путаницу в половой вопрос“.

„Залкинд, по стопам Фрейда, грубо преувеличивает половую всепропитанность современности и доходит до абсурдов, утверждая, что половой элемент внедрился даже в одежду, мебель; если Залкинд и прав в отношении к разлагающейся буржуазии и зараженным ею отдельным слоям рабочих и крестьян, зато в целом пролетариат не страдает этой половой всепропитанностью; да и буржуазия, когда была революционна, тоже была сексуально здорова, скромна (пуритане, кальвинисты, которых Залкинд лишь перепевает), так что специально буржуазный строй нельзя обвинять в гиперсексуализме“.

Свое обвинение в грубом преувеличении мною современного гиперсексуализма т. П. Сапожников, оказывается, тут же предупредительно смягчает, защищая мою правоту — „в применении к буржуазии и зараженным ею отдельным слоям рабочих и крестьян“. Если сюда, кстати, присоединить и промежуточные социальные слои, вряд ли, и по Сапожникову, мало сексуально ранимые (интеллигенция, городская мелкая буржуазия, деклассированные), — лагерь гиперсексуализированных окажется довольно солидным, в особенности когда мы, вполне по праву, начнем распространительно толковать размеры довольно глухого сапожниковского понятия — „отдельные слои рабочих“. В отношении к пролетариату мы, между прочим (о чем указывали и в ответе Тарскому) вовсе не впадаем в панические преувеличения (непрерывно говорим о значительном смягчении сексуальности у него, в сравнении с буржуазией: социальный рост женщины, переключения энергии пролетарских масс на классовую борьбу, на производительный труд), — так что здесь „грозное“ обвинение бьет мимо цели: С одной лишь оговоркой: не надо преувеличивать (тоже паника, — паника официально-восторженного оптимизма) ангелоподобной сексуальности рабочего класса! Нельзя сравнивать сексуальность современного революционного пролетариата с половой жизнью буржуазии времен ее революционной певинности. Слишком велика разница их культурного положения в эти различные революционные периоды (об этом, в другом плане, писал и т. Бухарин: буржуазия вступала в свою революцию с большим производственно-техническим и культурным капиталом, — пролетариат же вошел в революцию нищий! голодный, невежественный), что, конечно, отражается и на биологической способности переключать энергию в творческие области. Культурный, сытый и революционно настроенный человек биологически больше способен сублимировать, чем голодный и малогра-

мотный: оптимистическая метафизика — утверждать обратное. Правда, у голодного слишком мало остаточной энергии для полового ее использования, но, как мы уже знаем, сексуальность не брезгует и паразитизмом по отношению к прочим энергетическим источникам тела: при таких условиях окажется, что пролетарий (конечно, не абсолютно, а относительно, — исходя из общего своего биологического баланса) расходует на сексуальность больше, чем это пользой организма требуется. Об этом и только об этом мы и говорим, вовсе не впадая в панические преувеличения. „Заражающее значение для пролетариата сексуально растлевающего буржуазного искусства“ и буржуазных нравов тоже нельзя недооценивать, т. Сапожников. Конечно, в пролетарскую мебель сексуальность еще „не успела“ внедриться [представьте, невинный т. Сапожников, — что в стиле современной буржуазной мебели (на Западе) имеется довольно часто сексуализирующий момент: особые изгибы мебели для лежания, особая форма мебели для сиденья, помогающая выявлять наиболее чувственно взвинчивающие позы и т. д.], но все же падкость на сексуальные романы, фильмы, разговоры и переживания достаточно велика, к сожалению, и в кругах пролетарского молодняка. К счастью, значительно менее велика, чем у разлагающейся буржуазии, — иного мнения нигде я и не высказывал. Невиновен.

„Не один только буржуазный строй рождает гиперсексуальность“. — В этом вы правы, т. Сапожников, — но правы... вместе со мной, так как об этом же говорю всюду и я. Ломающийся феодализм так же загнул сексуальность дворянства, как разлагающийся капитализм отравляет половую жизнь буржуазии. Между прочим, я не только нигде не отрицал половой скромности буржуазии ее революционного периода, но всюду отстаивал ее (в каждой статье книги, т.-е. и в рецензированной т. Сапожниковым). Но вот что следовало бы все-таки помнить, т. Сапожников. Если быть диалектиком в общественных вопросах, то уж до конца. Нельзя механически сравнивать два глубоко отличающиеся исторических периода. Половая скромность и вообще биологическая тренированность революционной буржуазии (пуристане, кальвинисты) была результатом несложной социально-экономической обстановки того времени, значительно облегчавшей накопление спокойных, трезвых биологических навыков. Потрясающая же социально-экономическая, техническая, культурная динамика современности, ломающая унаследованные телесные установки и препятствующая накоплению прочных новых установок (см. ту же рецензируемую т. Сапожниковым статью), особенно сильно благоприятствует росту паразитических биологических включений, в том числе и гиперсексуальных. За лесом социологических материалов

не надо прозевывать и отдельные деревья биологических явлений, т. Сапожникова ¹⁾.

Очевидно, революционная психофизиология бывшей буржуазии и революционная психофизиология современного пролетариата — разные психофизиологии. Значит ли это, что я „руссониански“ плачусь о старых „здоровых“ временах?

„Залкинд, вслед за Руссо, тоскует по золотому веку, когда будто бы была здоровая половая жизнь, когда смысл (?! — П. Сапожников) полового — функция размножения — еще не выродился в непрерывно растущее самодовлеющее удовольствие“, — пишет П. Сапожников. — Нет, не значит. Конечно, никто не станет отрицать, что человек был прежде более долголетним, что количество его нервно-психических, сердечно-сосудистых и прочих болезней, непосредственно обусловленных ростом напряженной, сложной социальной обстановки, было гораздо меньше, чем сейчас. Однако, в этом плохом есть и свое хорошее, как в скверной эксплуатации и индивидуалистическом эконо-хаосе капитализма есть тоже свое хорошее, даже очень хорошее (рост производительных сил и коллективизация пролетариата). Я вовсе не забываю о диалектике, т. Сапожников, — напраслина. Я не руссонианец, т. Сапожников, — не плачусь ни об „общем здоровье золотого века“, ни о „здоровой сексуальности“ того времени, ни о сезонной биоритмике этой сексуальности, ни об ослаблении функции размножения, — так же, как не плачусь я о палках и камнях, о допотопных бревнах и прочих средствах передвижения „золотого века“. Я лишь объективно констатирую, что так было некогда и что сейчас обстоит совсем не так. — Плохо ли, однако, обстоит сейчас в области здоровья, — в частности, в области полового здоровья? Кое в чем хуже, чем некогда, но кое в чем и лучше, при чем — и это главное — тенденции развития таковы, что худшее неминуемо будет побеждено лучшим, притом без возврата вспять, т. Сапожников! Ослабление внешнеприродного („биокосмического“) и внутренне-биологического регулирования сексуальности, при увеличении количества и усложнении качества половых раздражителей, действующих на все более дезорганизующееся тело современного человека, — конечно, сейчас является неблагоприятным фактором, так как способствует росту полового возбуждения (как об этом говорилось в книге) и накоплению паразитических половых переключений. Это — с одной стороны; с другой же стороны, подобное обогащение человеческого организма новыми раздражениями, новыми восприятиями (хотя бы и половыми

¹⁾ Прошу у читателя извинения за „почти каламбур“.

вначале), в конечном итоге, оказывается чрезвычайно полезным обстоятельством, оценить которое по настоящему удастся лишь тогда, когда с этих новых приобретений история сорвет облакающую их материнскую скорлупу породившей их сексуальности. Своеобразная диалектика: усложнение нашей среды, в эпоху эксплуатации далеко не во всем биологически рациональное, культивировало сексуальность, питая ее паразитическими включениями; обостряющаяся же сексуальная чувствительность обогащает общую чувствительность, с которой, благодаря дальнейшему усложнению той же среды (рост социалистического, организующего, творческого, сублимирующего начала), будет сорвана ее сексуальная оболочка: в итоге — чрезвычайное обогащение организма, утончение его восприятий. Приблизительно то же наблюдаем мы и в других физиологических функциях человека: ломка старых биологических навыков и хрупкость вновь приобретаемых, в общем, ослабляет сопротивляемость организма, но в то же время делает его необычайно пластичным к новому (в значительной степени независимым от бесполезного сейчас древнего опыта), перевоспитуемым, что и будет в свое время продуктивно использовано быстро все ломающей и все обновляющей пролетарской революцией; темп биологического приспособления человека к социалистической среде окажется поэтому гораздо более быстрым, чем это кажется антикоммунистическим биоскептикам ¹⁾. — Как видит читатель, все это мало походит на руссоианскую тоску по золотому веку. Аффект мой адресуется не к прошлому, а к будущему: надо скорее понять, поймать тенденции ближайшей биологической эволюции человека, и оседлать эти тенденции в интересах ускорения общереволюционного темпа. Вот почему я так возмущаюсь половым фатализмом (сексуальный меньшевизм) большинства моих критиков: нелепо обвиняя меня в пристрастии к далекому прошлому, они, не замечая того, цепляются за вчерашний день, прозевав наступление сегодняшнего дня, из которого, тоже незаметно для них, начинает уже рождаться завтра. Кто больше увяз в прошлом?

Послушайте, кетати, и т. Сапожникова: „Сезонная ритмика невозвратима“; „мы не вернемся к пуританским идеалам, перепеваемым Залкиндом“. — Да, сезонное регулирование сексуальности не вернется (среда наша неузнаваемо изменилась, — будет и впредь все больше отдаляться от непосредственных космических влияний: рост техники в коммунистическом строе); но возникает иное регулирование: общественная организация производства, общественная ноти-

¹⁾ Подробно эти соображения мы обосновываем в наших книгах:

1) „Очерки культ.-револ. времени“; 2) „Вопросы советской педагогики“.

зация организма (гораздо более властная, непреодолимая, чем кустарная работа природы, „космоса“), которые свяжут сексуальность гораздо более скромными нормами, чем этого хочется товарищам, глубоко застрявшим в половом вчера. Вот тут-то и произойдет революционная работа отдирания от организма тех излишних половых накоплений, которые, сыграв свою в дальнейшем прогрессивную роль, — сейчас, своим паразитизмом, лишь мешают развитию. — „Мы не вернемся к пуританским идеалам“, — да, т. Сапожников, — поскольку идеалы эти диктовались мистикой и представлениями об индивидуальной свободной воле; но мы, несомненно, неминуемо окажемся в положении сексуальных скромников, так как именно к сексуальной скромности гонит нас исторический процесс. Конечно, и формы и содержание любви в грядущем будут не похожи на любовь пуритан, но всё же законы полового химизма (больше энергии на половой акт — меньше на творчество) остаются жестокими, и количество любовных связей, частота их смены, число половых актов будет очень и очень ограничено в дальнейшем. Поэтому рискованно, т. Сапожников, иронически противопоставлять пуританским идеалам, глухо тем намекая, что наш идеал — на противоположном пуританскому полюсе. Для неосведомленного молодняка это — гиблая позиция, повредившая за минувшие годы, к несчастью, очень и очень многим.

Конечно, не декретами и запретами добьемся мы половой нормировки. — „Залкиндовские декретирования верности одному и запреты чисто физиологических половых влечений — метафизика чистейшей воды, так как мы не вернемся к пуританским идеалам и не должны питать преувеличенного пристрастия к методам принуждения“, — пишет П. С. — Конечно, эта фраза критика — полемический выверт, а не возражение по существу. Наша агитация за сексуальные нормы так же похожа на методы принуждения и декреты, как и агитация за производительность труда, за культурный рост и пр. Это — простые советы, учитывающие тенденцию исторического развития и базирующиеся на правилах разумной половой гигиены. Насильно в организм не вдавишь эти советы (как рефлексолог и психотерапевт, я слишком хорошо это знаю), но чем энергичнее будешь их отстаивать, тем больше шансов на их осуществление. Я не декретирую, не угрожаю, — советую. Вы тоже советуете, т. С., — но, к сожалению, советуете иное, не совсем полезное. Тов. Ленин, т. Бухарин (см. ниже) в этом отношении стоят на ином, не совсем нашем, пути.

Как быть, однако, с нежеланием критика признать нашу биологическую формулу роста сексуальности? Недоговоренность в этом вопросе будет мешать нам вообще пони-

мать друг друга. Сапожников безмотивировочно, выразительными знаками препинания, опротестовывает наш тезис: „вместо питания скромными (? — П. С.) остатками (?! — П. С.) биологической активности, как это имеет место хотя бы у других животных, половое у человека безгранично пухнет (! — П. С.), отсасывая соки из других, биологически более ценных элементов“. — Спорить с знаками препинания — задача довольно мудреная, но попытаемся все же понять скрывающиеся за ними мысли: а) Половое (об этом много говорилось и в книге и в моих ответах критикам) не представляет собою изолированного биологического механизма; сексуальная активность питается не только из половых желез, но и из других нервных и секреторных областей, испытывая сложнейшие трансформации под влиянием изменений в последних. У зверей, действительно, сексуальность скромна (как бы она стихийно-грозно ни выглядела в половые сезоны): она эпизодична (не непрерывна, сезонна) и обусловлена, в основном, состоянием питания животного. У человека она постоянна и стимулируется раздражением самых далеких очередей (см. книгу), паразитически переключаясь из самых разнообразных областей тела. Именно „пухнет“, т. С., — этот художественный образ вполне соответствует физиологической действительности: термин „половая гипердоминанта“ ¹⁾ вполне четко обозначает анатомическую гипертрофию ²⁾ как центрального, так и периферического полового аппарата, усиленные приливы крови и различных элементов внутренней секреции к областям, обслуживающим половую активность. Художественно это вполне соответствует образу — „пухнет“. — Знаками препинания, даже самыми выразительными, даже удвоенными, — против физиологии не попрешь!

VI. Рецензию т. Н. А. Семашко о первой статье книги ³⁾ считаю в значительной ее части недоразумением: 1) Тов. Семашко уверяет меня, что половое наслаждение испытывают не только те, кто отказывается от детей, но и те, кто в половом акте производят детей. — Не спорю, — но я нигде и не утверждал обратного. Моя мысль о превращении полового в самодовлеющее наслаждение, — конечно, всеми должна быть понята только так: преимущественно в самодовлеющее наслаждение, — право на особое половое удовольствие у рождающих детей я, наоборот, энергично отстаивал на протяжении всей данной книги; 2) т. Семашко, обвиняя меня в недостаточно биологически вдумчивом подходе к половому вопросу, выдвигает „в противовес“ моим

¹⁾ Доминанта — господствующее физиологическое состояние; гипердоминанта — особенно сильная доминанта.

²⁾ Гипертрофия — увеличение.

³⁾ „Известия ЦИК СССР“, 1925 г., № 1.

соображениям следующий тезис: „половые и инстинктивные влечения и переживания могут тормозиться или стимулировать той или иной социальной средой“. — Чем, как не настойчивым обоснованием этого же тезиса, занимался я на протяжении всей книги, начиная от той же, рецензируемой т. Семашко, статьи? 3) С третьим соображением т. Семашко надо, однако, поспорить. — Тов. Семашко пишет: „Надо заметить т. Залкинд, что месячные по-латыни назывались и называются *menses* (месяцы). Значит, по крайней мере, римлянки нарушали „ритм“ весенней „течки“. А сделали это римлянки отнюдь не под влиянием „лихорадочных законов мирового рынка“, ибо такового тогда просто не существовало. А обезьяны, которые рожают детенышей несколько раз в год и которые, таким образом, тоже нарушили любезный мышлению т. Залкинда „закон течки“, не имеют не только мирового рынка, но, говорят, и товарообмена“.

„Убийственная“ ирония т. Семашко — не убивает, однако. Тов. Семашко, очевидно, хочет доказать, что сексуальность человека не похожа на сексуальность прочих зверей („— нельзя переводить законы половой жизни животных на человека“) ¹⁾. — Никто — тем менее я — не станет с этим спорить: во всех своих работах, как и в рецензированной т. Семашко, я настойчиво обосновываю именно это соображение, доказываю, что влияние социальной среды неузнаваемо изменило человеческую психофизиологию, подчинив ее, во многом, совершенно иным законам — в сравнении с теми, которые господствуют над прочими зверями. — Но значит ли это, что всегда так было, что „исконный“ человек был так же мало зависим от природы, как сейчас? Ссылка на „римлянок“, конечно, совершенно не убедительна, так как римлянки жили уже в условиях хозяйства, совсем непохожих на условия звериного „хозяйства“ (имели жилище, одежду, пищу, запасы — во все времена года), а потому сделались и сексуально независимыми от влияний сезонной ритмики: конечно, далеко не столь независимыми, как их городские пра-правнучки XX века, — для этого стоит лишь сравнить сезоны наибольшей рождаемости у древних римлян — и в современных сверхиндустриализированных городах.

Добавочная ссылка т. Семашко на обезьян (видимо, как на исконных человеческих родственников) еще менее убедительна. Разве в том, обеспечивающем круглый год пищей и теплом, южном климате, где живут обезьяны, нет и других животных, тоже рожающих несколько раз в год? Вот если б этих обезьян т. Семашко переселил

¹⁾ См. сборник „Половой вопрос“, изд. ГИЗ, 1925 г., ст. т. Семашко.

в климат и жизненные условия, в которых обретаются дикие северные олени, — вряд ли они стали бы там рожать круглый год¹⁾ (оленихи, как известно, не в пример другим животным, беременеют осенью, так как наилучшее их обеспечение — зимой): вверх тормашками полетели бы и „внесезонные“ и даже весенне-сезонные беременности обезьян, столь любезных мышлению т. Семашко. Даже эскимоски, с их менструациями, не спасут на севере соображений т. Семашко: надо полагать, что хозяйственная обстановка эскимосов кое-чем отличается все же от хозяйства северных оленей.

Вполне, однако, допустимо, что наши пра-пращуры, от которых, в дальнейшем, возникли все человеческие разновидности, действительно пришли из климата, обеспечивавшего им более или менее активную сексуальность круглый год²⁾; но закрепить это свойство нашим предкам удалось лишь потому, что этому способствовала развивающаяся техника человека, дававшая ему тепло и сытость во все времена года. При этом, очевидно, — чем хуже снабжались различные сезоны года, тем хуже обстояло в такие сезоны с половой активностью. Таким образом, сезонная зависимость, в большей или меньшей степени, в примитивном хозяйстве всегда была, проявляясь, однако, по-разному, в связи с различными типами хозяйственных форм (земледелие, охота, скотоводство и т. д.). — Чем глубже в прошлое человечества, чем примитивнее, ближе к звериной, обстановка борьбы человека за существование, — тем глубже определялась человеческая сексуальность природными условиями (время года и пр.). Отрицать это — значит отрицать изменения человеческого организма под влиянием социальной среды, — соображения же т. Семашко, поневоле, приводят его именно к этому отрицанию.

Ответом товарищу Н. А. Семашко исчерпывается моя полемика с советскими критиками. Не оставили однако, нас своим вниманием и закордонные критики³⁾. Ю. Айхенвальд удостоил нас особым фельетоном „Красное освещение полового вопроса“; Яблоновский посвятил нам также отдельный фельетон, но в этом фельетоне славу нам приходится делить уже пополам с т. Смидович.

Экзотический Айхенвальд трогательно солидаризировался с некоторыми из наших советских критиков (тоже,

1) Обезьяны наших зоологических садов и пр. — не в счет, так как они живут в тепличной обстановке.

2) Между прочим, нигде не говорил я о „весенней течке“ женщины первобытного человечества, — напрасно приписываете мне, т. Семашко, эту мысль.

3) Из советских и закордонных отзывов я остановился на всех, мне известных. Если я пропустил какие-либо рецензии, — прошу читателей и критиков извинить и, если можно, осведомить меня: Москва, Арбат, Старокопюшенный пер., 39.

очевидно марксист?). Во-первых, Айхенвальд вовсе не считает „извращением“ половое влечение к классово-враждебному объекту; во-вторых, возможность воздействия общественных факторов на механизм ревности для него является нелепостью. Одновременно, Айхенвальд пользуется удобным случаем, чтобы лягнуть и классовый подход к возлюбленному им искусству. Идеологические источники его критики — в особенности, подкрепленной третьим аргументом (об искусстве) — вряд ли нуждаются в анализе, — по существу же на специальные его возражения мы ответили уже в беседе с т. Боссе. Айхенвальд (как и Боссе?) категорически отстаивает исчерпывающую стихийность (мистическую?) и абсолютный индивидуализм в половой области: „нельзя заменить половую неудачу отвлеченными объятиями „рабочего класса“, платонической любовью к „Капиталу“, — патетически восклицает Айхенвальд. — А, может-быть, и можно, г. Айхенвальд? Не вам, конечно. Ваше дело — вполне конкретные объятия Керенского и Милюкова, — вполне чувственная любовь к реальному капиталу.

С Яблоновским проще. Он попросту злится. Членораздельных мыслей разобрать в его сердитых плевах нельзя. Тов. С. Н. Смидович он путает с т. П. Т. Смидович. Но, во всяком случае, он уловил идеологическую общность наших совместных с т. Смидович выступлений по половому вопросу, от каковой общности ни я, ни т. Смидович не отказываемся. Об обоих закордонных критиках можно сказать лишь одно: если классовый враг злится, передергивает — значит, я прав. — Не странно ли, что иногда совсем так же ведут себя и некоторые советские „критики“? Мы беспокоим нашей полемикой читателя не потому, что считаем защищаемую нами книжку очень уж хорошей, — а только потому, что критики наши неправы, либо криво толкуя перед читателем наши мысли, либо внедряя в читателя свои, ошибочные соображения. Во всяком случае, если не считать грубых передержек, рецензентского словоблудия и необоснованных утверждений (отмеченных в своем месте), — замечания наших критиков временами полезны, так как помогают нам уточнить и углубить наши мысли. К сожалению, тон рецензий слишком часто совершенно недопустим, и большого труда стоит — сдержанно, спокойно отвечать противнику. Неужели мы не доросли еще до приемов культурной полемики?

Пишущий, между прочим, не чувствует себя одиноким в лагере высказывающихся сейчас по половому вопросу. Соображения т. Ленина, т. Бухарина, авторитетнейших работников Центральной Контрольной Комиссии нашей партии, Наркома Здравоохранения и др. — подтверждают правильность наших позиций.

Тов. Ярославский ¹⁾: „в стихийный процесс формирования новых половых отношений мы обязаны внести сознательное регулирование“. — „Если даже очень сознательные товарищи походя называют Карла Маркса филистером (мещанином) за его верность жене, то что же удивительного, что мы встречаем товарищей, которые думают, что „любовь трудовых пчел“ и есть коммунистический идеал семейной жизни?“ (И. Вайнштейн, „в полемике“ с нами ²⁾) назвал нашу позицию в этом вопросе пошлятиной и мещанством; очевидно, революционеры не Маркс и Ленин, а лишь те, кто в половом вопросе заодно с Вайнштейном).

„Мы здесь подходим не с моралью, а с тем, как к этому относятся рабочие массы: они относятся к такого рода фактам с безусловным осуждением и правильно так относятся, потому что здесь налицо нет малейшей серьезной попытки создать новую семью, создать новую форму семьи, а есть только простое удовлетворение похоти“.

Тов. А. Сольц ³⁾: „Мы не аскеты, проповедующие воздержанность, отказ от каких бы то ни было радостей жизни, но мы говорим, что между ними должна быть такая пропорция, которая все-таки в основе оставляет человека борцом, а вот большое разнообразие в этой области слишком много силы, чувства и ума должно отнимать у человека. Если исключить моменты, когда половые взаимоотношения бывают только на почве физиологической потребности и когда они показывают уже известную приниженность человека в этой области (ибо человек в этом отношении от животного несколько отличается, он ищет более утонченных форм наслаждения в этой области), если это отбросить, — то все остальное требует большого количества энергии, чувства, нервов и т. п., и поиски в этой области за разнообразием показывают, что эта область жизни слишком много у него отнимает времени и сил, и голова его этой стороной жизни гораздо больше занята, чем интересами борьбы“. (Очевидно, т. Сольц должен стать объектом самой жестокой атаки со стороны Г. Боссе).

Тов. Семашко ⁴⁾: „Нужно создать такую обстановку для ребенка, для формирующегося организма, чтобы весь его организм, вся его психика была бы направлена по правильному руслу. Нужно обращать внимание на среду. Вот

¹⁾ „Половой вопрос“ (сборник), изд. ГИЖ, 1925 г.

²⁾ „Под знаменем марксизма“, 1924 г., № 12, в двух строках кратко, но крепко выругал нас за нашу позицию в половом вопросе (без мотивов, конечно: две строки!).

³⁾ „Половой вопрос“, изд. ГИЖ.

⁴⁾ „Половой вопрос“, (сборн., изд. ГИЖ); если у нас и существуют разногласия с т. Семашко по отдельным теоретическим вопросам, — практические его указания ни в чем не расходятся с нашими.

что нужно, прежде всего, иметь в виду: не только чистое обучение, просвещение, но все влияние среды в совокупности. Половое воспитание ребенка нужно начинать с правильного воспитания вообще". Признав огромное значение всей среды и всего воспитания для половой жизни, т. Семашко, несомненно, должен подвергнуться жестокому нападению со стороны тех наших критиков, которые защищали стихийность полового влечения. — „Решить половой вопрос мы сможем только тогда, когда решим общий вопрос воспитания, когда каждого из нашей молодежи, будь то комсомолец, будь то пионер, заразим огнем общественности и этим огнем выжжем все проклятые, старые, еще коренящиеся в нашей психике, уродливые элементарные инстинкты похоти и жратвы". — Очевидно, эти соображения вполне соответствуют нашим половым „заповедям". — Трепещите, т. Семашко, — ждите критиков.

Тов. Смидович: „Полигамия или, вернее, беспорядочные половые отношения, свойственные первобытному коммунизму, отнюдь не соответствуют нашему строю общества". — „Мещанством следует квалифицировать индивидуалистический подход к вопросам, связанным с деторождением, стихийное, почти мистическое отношение к половому влечению, совершенно якобы не поддающемуся никакой регулировке".

Тов. Бухарин, на которого все, кому не лень, ссылаются как на врага мещанства (т. Бухарин, конечно, непримиримый враг мещанства, но враг действительного мещанства: о разнице в понимании сути мещанства хорошо написал т. Сосновский в „Правде" — „Культура и мещанство"), недвусмысленно пишет¹⁾: „Слышали некоторые наши юноши и девушки, что весьма революционным считалось плевать на всяческие и все стеснения в области половых отношений. Тогда это был резкий протест против слепых предрассудков общества, против гнусных законов так называемого „семейного права", против принижения женщины. Теперь эти законы давно сметены. Но люди не понимают этого и попрежнему считают, что максимум неурегулированности — самый святой закон. Не важно, что у нас нет для многого материальных условий. Не важно, что будут страдать молодые матери, а девушки должны себя систематически калечить. Не важно, что из детей получаются уродцы. Да здравствует полная неурегулированность, полная стихийная „беззаботность". А на деле выходит: портят жизнь себе, другим, новому поколению. Старое слово повторяют при новых условиях. Не понимают, что не в абстрактной пустой морали здесь дело, а в том, что даже так называемые „ясли" у нас еще больше на бумаге.

¹⁾ „Комсомольская Правда", 1925 г., № 1.

и что с этими вещами нужно считаться. Не строят новое, а разрушают его зародыши. А гордости (гордости неведения и „святой“ глупости) — хоть отбавляй. Слышали люди „звон“, что очень героично вообще вести беспорядочную, необычную, „оригинальную“ жизнь. И во всем стараются поддержать честь и славу этого знамени. А не замечают, что воспевают старый хлам, что являются старьевщиками и мусорщиками „при старом дворе“, а не строителями нового, поскольку так рассуждают и так себя ведут“.

Тов. Ленин (по брошюре К. Цеткин — „О Ленине“, изд. „М. Р.“ 1925 г.) указывает, что кажущаяся „революционность“ в половом вопросе некоторых коммунистов является разновидностью доброго буржуазного дома терпимости“. — „Все это не имеет ничего общего со свободой любви, как мы, коммунисты, ее понимаем“. Резко относится Ленин и к пресловутой теории о том, что „в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовные потребности так же просто и незначительно, как выпить стакан воды. От этой теории „стакана воды“ наша молодежь взбесилась. Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ? Но важнее всего общественная сторона. Питье воды действительно дело индивидуальное. Но в любви участвуют двое и возникает третья, новая жизнь. За ним кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу“. — „Я не поручусь также за надежность и стойкость в борьбе тех женщин, у которых личный роман переплетается с политикой, и за мужчин, которые бегают за всякой бабьей юбкой и дают себя опутать каждой молодой бабенке. Нет, это не вяжется с революцией“. — (Цитировано по рецензии т. Кривцова — „Правда“, 1925 г., 14 июня).

В общем, как видим, наши высказывания по половому вопросу находятся в достаточно хорошем революционном окружении. — Почему же они сделали мишенью столь злобной, издевательской критики (см. выше)? — Да потому, что, не претендуя на новизну, они все же впервые после Октябрьской революции (автор пишет по половому вопросу с 1920 г.) настойчиво и систематически потребовали упорядочения половых нравов, глубоко потрясенных в годы царской и гражданской войны. Половая область — щепетильная, сердитая, зубастая область, и, если посягнешь на „свободу“ распушенности в этом вопросе, да еще свободу, только-что давшуюся в руки после сотен лет „плена“, — задетый всегда грубо огрызается. Да простят меня мои ругатели, но интимно потревоженного субъекти-

визма в их критике во всяком случае не меньше, чем объективной логики (в особенности у некоторых из них: туман „стихийной“ злобы мешает им быть попросту добросовестными).

Конечно, я не переоцениваю качества своих „половых“ писаний. В этих писаниях много, очень много дефектов: нет детального социологического анализа, нет достаточно развернутых психофизиологических обоснований, — чрезвычайная сжатость изложения, — но все эти дефекты легко объясняются тем, что статьи являются первой, наспех сделанной¹⁾ попыткой поставить вопрос в новой, после-октябрьской обстановке. Много ли вообще в нашей современной литературе попыток в этой области? Большие товарищи скажут две-три фразы, в лучшем случае выпустят три-четыре печатных страницы, — и этим ограничиваются. Я взял на себя смелость сказать об этом подробнее, систематичнее, — естественно, что именно я и сделался жертвой этой смелости. Убежден, — временной жертвой! Рабочие клубы, комсомольские, ВУЗ'овские, учительские и врачебные аудитории, педагогические и медицинские съезды за шиворот тащат автора, настойчиво требуя его докладов по половому вопросу. Неужели только для того, чтобы слушать бессмыслицу?

Между прочим, пишущего часто обвиняют... в фрейдистском подходе к сексуальным проблемам, и это недоразумение является нередко причиной предвзятых установок читателя-критика, в особенности критика, слабо разбирающегося в психофизиологии человека. Об отношении своем к Фрейду я отчетливо высказался и в этой книге, — однако, не менее отчетливо печатали мы об этом уже давно²⁾. Вкратце, наша „фрейдистская“ позиция (предаваемая фрейдистами анафеме уже в течение десятка лет) сводится к следующему: философски и социологически, фрейдовская концепция совершенно неприемлема; биологически, поскольку она экспериментально и клинически открывает чрезвычайно ценный психофизиологический материал, она заслуживает серьезнейшего внимания и изучения, при чем, однако, пользоваться ею надо с чрезвычайной осторожностью, так как философские ее предпосылки часто отравляют собою и биологический метод, не говоря уже о грубых искажениях истины, допускаемых существом самого метода. В процессе изложения (как в этой книге, так и в других писаниях) мы и пытаемся очистить от гнили и грязи здоровые части фрейдовских соображений, при чем проделываем это не только в области полового вопроса,

¹⁾ Поневоле наспех, в условиях современной лихорадочной — научной, партийной и академической — работы. Скоро, наконец, удастся спокойнее засесть за эту проблему.

²⁾ Журналы „Психотерапия“, „Научная медицина“ и др.

но и по проблемам педологии, психопатологии и т. д. Фрейд, как большой биолог и экспериментатор, — независимо от своего философского уродства (притом, растущего за последние годы), — становится сейчас классиком по ряду серьезнейших вопросов психофизиологии, — и отрицать это — значит, выражаясь мягко, быть психофизиологически не вполне грамотным. Лишь в этой плоскости я и защищаю Фрейда, и лишь за эти свои высказывания я отвечаю. Но спорить здесь приходится уже не с философами и социологами, а лишь с врачами. Ругают же меня за фрейдизм как раз не врачи (врачи-фрейдисты считают меня троянским конем, введенным в их лагерь, — предателем), — ругают философы, социологи. — Не пора ли ликвидировать это недоразумение?

А. З.

12 декабря 1925 г.

Замеченные в тексте книги опечатки:

1) стр. 59, 2-я строка снизу, напечатано — вещи, — надо: *вещи*.

2) стр. 14, 3-я строка снизу, напечатано — наличнее, — надо: *наличное*.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
От автора	3
Половой вопрос и красная молодежь С. С. С. Р.	5
О классовом подходе к половому вопросу	17
О нормах полового поведения с классовой точки зрения	41
Половой вопрос и советская педагогика	68
Послесловие: Два года дискуссии по половому вопросу	104

Цена 70 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
Торговый Сектор ГОСИЗДАТА
ЛЕНИНГРАД, Проспект 25-го Октября, 28.
МОСКВА, Ильинка, Боявленский пер., 4.

